

Альберт Максимов

Виконт и чумазый

Известная история о "принце и нищем", но на новый лад. Юный наследник Ралльского графства виконт Эвард имеет, как и все благородные, природный дар быстрого вылечивания собственных ран. Но лишь немногие титулованные особы являются левшами и Эвард в их числе. А сирота Тим относится к касте чумазных, низшему сословию. Но он почему-то обладает таким же даром и к тому же тоже левша. И пока Тим старается как-то выжить, юный виконт готовится к Пробуждению, которое всегда наступает у юных благородных в этом возрасте. Но кто мог предположить, что произойдут такие события?.. Первые восемь глав книги.

Главы 1–8

Известная история о "принце и нищем", но на новый лад. Юный наследник Ралльского графства виконт Эвард имеет, как и все благородные, природный дар быстрого вылечивания собственных ран. Но лишь немногие титулованные особы являются левшами и Эвард в их числе. А сирота Тим относится к касте чумазных, низшему сословию. Но он почему-то обладает таким же даром и к тому же тоже левша. И пока Тим старается как-то выжить, юный виконт готовится к Пробуждению, которое всегда наступает у юных благородных в этом возрасте. Но кто мог предположить, что произойдут такие события?..

Внимание: это не фэнтези, магии нет.

Глава 1

Передышки во время тренировки были редким явлением, но сейчас kz Эвард получил возможность немного отдохнуть и посмотреть учебный бой между Трависом и Пирри. Благородный виконт Травис и ученик касты воинов Пирри. Интересно, кто окажется сильнее? Его двоюродный брат Травис, которому этой зимой исполнилось одиннадцать лет, или Пирри, который старше своего соперника на целый год с лишним? И если Травис обучался поединкам на палках пять лет, то Пирри учился воинскому искусству уже шесть с половиной лет. Зато бои на палках в его обучении считались второстепенными по значению, ведь Пирри — будущий воин, а значит, основным его оружием должен быть меч.

Соперники, взяв в руки тонкие палки, стали медленно приближаться друг к другу. Травис в легкой белой рубашке и Пирри, одетый в толстую кожаную куртку. Оба в шлемах для подстраховки — ведь удары по голове были запрещены, как и удары ниже пояса. Первым на атаку отважился Травис. Приемы боя он выучил хорошо, и Пирри уже несколько раз досталось, но нападал кузен не то что вяло, нет, но силы и желания в его выпадах Эвард не чувствовал. Пирри оборонялся, понемногу отступая, однако Эвард понимал, что это только временно. Не будет же он отсиживаться в обороне? Или так и не решится напасть? Как-никак ближник Дрейк, отец Пирри, был человеком виконта Гериха, отца юного Трависа. Но Дрейк — ближник, как и все ближники, имеющий начальный дар, а Пирри ближником не быть — он родился без дара, как и большинство сыновей ближников во втором поколении, чей удел пополнить касту воинов.

Вот потому-то Пирри одет в толстую кожаную куртку, заметно смягчающую удары и уменьшающую размер синяков. У Трависа, как и у всех имеющих начальный дар, синяки уже к утру следующего дня станут почти не видны, а к вечеру и вовсе исчезнут без следа, какими бы большими они первоначально ни были. А вот Пирри, лишенный дара, не будь на нем толстой куртки, охал и кривился бы неделю, а то и две. Не повезло ему. Хотя как посмотреть. Ведь не чумазый же он? Каста воинов — не так уж и плохо. Если хорошо будешь владеть мечом, можешь выбиться в десятники. Но это — предел.

А Трависа через четыре года ждет Пробуждение и тогда любой воин, каким бы ловким и умелым ни был, не сможет справиться в поединке на мечах с благородным, прошедшим Пробуждение. Эварда Пробуждение ждет через полгода, максимум год. Несколько месяцев большой роли не играют. И тогда, взяв в руки меч, он сольется с ним, став с оружием единым целым, ведь умение владеть мечом придет тут же. Главное — правильно подобрать первый меч. Он должен быть чуть тяжелее для руки, ведь благородные еще растут и

набираются сил, а размеры и вес меча, при которых будет проявляться основной дар, останутся неизменными на всю жизнь.

Умение мечного боя приходит само — в этом заключается основной дар. Но если мальчик до Пробуждения по собственной глупости или глупости родителей или опекуна учился мечному бою, то этот дар мог сыграть с пробудившимся злую шутку. Благородный так и останется привыкшим к легкому детскому мечу. Короткий меч в сильных мужских руках — это смешно! Эвард не видел таких неудачников, но отец рассказывал, что в соседнем герцогстве один из виконтов попался в такую вот ловушку. А не надо было пробовать биться на мечах. Тренируйся на палках. Как и все мальчики из благородных.

А Пирри все же решился на атаку и перешел в наступление. Теперь Травис ушел в оборону. Конечно, кузен умело отбивал удары Пирри, но ученик воина, в отличие от соперника, действовал активно, с желанием и напором. И напор смог пробить защиту юного виконта. Тот уже получил несколько болезненных ударов палкой, даже пару раз легонько вскрикнув. А теперь, вероятно, желая уберечь пострадавшее место, неудачно раскрылся и Пирри нанес сильный рубящий удар в район плечевого сустава левой руки. Травис, левша, вскрикнул и выронил палку, схватившись правой рукой за больное место. Если бы палки, на которых дрались мальчики, были потолще и потяжелее, то перелом ключицы Травису был бы гарантирован. А кость — не синяк, за день не залечится. Неделю, а то и больше пришлось бы кузену ходить с раненой рукой. Но неделя — не несколько месяцев, которые нужны человеку, лишенному начального дара, чтобы срастить перелом и полностью восстановить работоспособность руки.

А братцу совсем не нравится проигрывать — вон как зло щерится, выпячивая нижнюю губу. Не ошибся ли Пирри, отважившись победить юного виконта? Как бы в будущем не поплатиться за это. Травис малец довольно мстительный. Вот вырастет... Хотя мало что изменится. Как был виконтом, так и останется. Графом-то со временем станет он, Эвард. Станет согласно законных прав наследования. От отца к старшему сыну. Точно так же, как стал графом милорд Дженрис, его отец, а вовсе не виконт Герих, его дядя. Дядя по дедушке, старому графу Ричмонду, погибшему в стычке с корнильцами двадцать лет тому назад. Его отцу еще не пришло Пробуждение, как пришлось надеть графскую корону. А дядя виконт Герих тогда был и вовсе десятилетним мальцом.

У отца и дяди разные матери. Мать отца, то есть родная бабушка Эварда умерла сразу после родов, вот дедушка и взял себе новую жену. Бабушка была из рода герцогов Меленвильских, а вторая бабушка, которая не родная Эварду, происходила из семьи простых баронов Тростенов. Дядя Герих поэтому очень переживал. Но больше переживал, наверно, потому что он навсегда так и останется виконтом. Графом ему не быть. Ни ему, ни его сыну Травису.

От отца к старшему сыну. Это закон. А если старших сыновей не один, а два? Да, да — два. Редкий случай, когда рождалась двойня, но такие случаи все же были. И один из них произошел не где-то там далеко, а здесь, в их родовом замке. Четырнадцать лет назад графиня родила двойню. Два мальчика-близнеца, Эвард и Тимрес. Ну и кому быть наследным виконтом? Вот так задача! Хранители знаний говорили, что в истории было несколько таких случаев. И во всех, кроме одного, наследование титула достигалось в результате поединка. На мечах и без кольчуг. У проигравших шансов выжить не было, несмотря на их дар к быстрому заживлению ран. Мечи были острые, да и победители совсем не хотели иметь выживших в поединке претендентов на их титул.

А в одном случае, случился он так давным-давно, что многие, слышавшие о нем, недоверчиво пожимали плечами, произошло нечто странное. Действительно, трудно в такое поверить. Один из братьев добровольно отказался от титула. Разве не глупец? И ведь не из-за трусости отказался, потому как сразу же уехал из графства, завербовавшись на какую-то войну и храбро там погиб. Не трус, значит. Тогда почему отказался от поединка? Глупец. А как иначе? Неужели Эвард откажется от титула, если, скажем, на него станет претендовать тот же Травис? Не откажется, как не отказался бы и кузен. И в их поединке определился бы владелец графской короны, а проигравший претендент пополнил бы их родовой склеп.

Но Травису поединка не видать, он же не родной брат-близнец, каким был Тимрес. Эварду повезло, двенадцать с половиной лет назад, когда им с братом было по полтора года, Тимрес погиб. Неизвестные напали на их карету, когда мама возвращалась домой из поездки в гости к своему брату, барону из соседнего графства. Двух солдат охраны оказалось мало. Они смогли задержать убийц только на несколько минут. А затем бандиты бросились нагонять умчавшуюся вперед карету. Возница гнал быстро, поэтому у преследуемых появился шанс добраться до ближайшего села. Бандиты это тоже поняли и стали стрелять из луков и арбалетов. К несчастью, графиня выбрала для поездки карету с открытым верхом. Болт попал маме в спину, и она упала вместе с Тимресом прямо под копыта бандитских лошадей. А служанку, которая держала Эварда, убили на подъезде к окраине села. Бандиты не решились продолжить преследование, а возможно, посчитали убитым и Эварда, поэтому повернули назад.

Через несколько часов граф Дженрис в сопровождении своих солдат проехал по обратному пути. Маму нашли мертвой и без всех драгоценностей, а Тимрес исчез — тело погибшего брата, наверно, утащили дикие звери. И Эвард стал единственным наследником графского титула. Отец так и не женился, хотя был совсем юным, а желающих стать графиней Ралльской было много. Если бы Тимрес тогда не погиб, то после смерти отца Эварду пришлось бы скрестить мечи в поединке с братом. И убить его или погибнуть самому.

Милорд, прошу подготовиться к поединку, — голос Дрейка вывел Эварда из раздумья.

Сейчас настал его черед. Бой с Конни, старшим сыном Дрейка, соответственно старшим братом Пирри. Конни — это серьезно. На два года его старше, выше больше чем на полголовы, а его широкие плечи не чета плечам Эварда. Два десятка учебных боев, произошедших за последние годы, не принесли Эварду ни одной победы. Ни одной.

Прибежавший мальчишка из чумазных с неизменным поклоном протянул Дрейку палки для боя. Ого! А палки-то учебные, а вовсе не для поединков. Толстые, увесистые, ударом такой палки запросто можно сломать пару ребер или вот, к примеру, как удар в предыдущем бою, ключицу. Мальчишка ошибся? Нет, Дрейк даже не посмотрел на чумазого, значит, тот принес правильно. Эвард ничего не понимал, ведь и Конни, у которого нет начального дара, кожаная куртка может не спасти от удара такой дубинки.

Эвард внимательно присмотрелся к своему противнику и как-то разом похолодел. Куртка на Конни была какая-то иная, чем раньше, сидела на нем так, как будто под ней была еще защитная одежда. А Дрейк смотрел на Эварда как-то странно. Лицо было бесстрастно, а вот глаза... в них не трудно заметить насмешку. Ближник насмехается над благородным? Да за такое!.. Но к выражению глаз не придерешься, а рот — тот ничем не выражал истинных чувств Дрейка. Отказаться? Эвард на это никогда не пойдет, не та кровь. И Дрейк это понимал. Но почему тогда всё это? Эвард на неделю-другую сляжет с переломами, а потом?

Потом Дрейку несдобровать. Достанется сперва от отца, а потом и от него. Да и Конни плетей не избежать — он ведь не ближник, а только, как и Пирри, ученик касты воинов.

Эвард крепко сжал палку в обеих руках. Ладно, придется потерпеть боль. Хранители знаний утверждали, что чем больше в юные годы приходится применять начальный дар, тем легче он проявляется во взрослом возрасте, особенно при тяжелых ранениях. Потому и обходились юные благородные без защитных курток. Эварду не очень-то в это верилось, но раз так считал и его отец, граф Ралльский, то приходилось принимать это утверждение на веру.

Поединок, в отличие от предыдущего, носил совсем другой характер. Если там нападал его кузен Травис, а Пирри ушел в оборону, то здесь Конни сразу же перешел в стремительную атаку и в первую же минуту Эвард пропустил несколько очень болезненных ударов, один из которых пришелся по ребрам. Эвард ушел в глухую оборону, а Конни бил и бил. И ведь, гаденыш, метил опять в то же поврежденное место. Целы ли ребра? Впрочем, какая разница, сейчас надо думать о другом: как подловить противника? По голове и нижней части туловища бить нельзя. Он же не чумазый, чтобы использовать подлые приемы? А все остальное у Конни защищала крепкая куртка и что-то еще, что было под ней. Руки? Они тоже защищены кожаными рукавами. Разве что под рукавами ничего не было, в отличие от того, что защищало туловище.

Эварду удалось пару раз достать Конни, но тот, кажется, никак не отреагировал на пропущенные удары, а вот Эвард пропустил еще два сильных удара, один из которых достался его левой руке. Удар был настолько болезненным, что Эвард вскрикнул от боли, а на лице Конни появилась довольная усмешка.

А ведь Конни все же ударил не в полную силу. Почему? Он же мог сразу добиться победы. И Эвард, кажется, догадался о причине. Этот гаденыш хочет покончить с его сопротивлением одним ударом, но таким образом, чтобы сломать Эварду что-нибудь посерьезней. Ту же ключицу. Конни градом ударов сейчас пытается обессилить его, а когда Эвард после очередного болезненного удара раскроется, вот тогда и последует последний, решающий удар.

А ведь и у Конни есть не защищенные участки тела, есть! Запястья и пальцы. Удар по ним наверняка что-нибудь сломает, на пару месяцев выведет его из строя. Такие удары не запрещались, хотя не очень-то и приветствовались. Но и Конни действует совсем уж нечестно. В этом вина, конечно, его отца, Дрейка. Но разве Конни тоже не виноват? Виноват. Как же его подловить?

И Эвард решил пожертвовать своими ребрами. Во время очередной атаки Конни, он неудачно отбил палку, открыв противнику свой бок, и Конни не мог этим не воспользоваться. Удар был очень сильным и болезненным, хотя, надо признать, Конни, видимо, все же предпочитал сломать Эварду ключицу, а не пару ребер. Впрочем, ударив по ребрам, он ждал, что Эвард сильно дернется и откроет плечи и тогда второй удар, уже со всей силы придется на левую ключицу. Эвард это понял уже после окончания боя. А сейчас, после удара по ребрам, он вместо того, чтобы хоть как-то попытаться защититься, наоборот, полностью открылся и нанес удар по запястью Конни, который с сильным замахом уже направлял свою палку в сторону плеча Эварда.

Удар Эварда опередил действия противника, поэтому палка Конни хоть и дошла до плеча Эварда, но растеряла всю силу и энергию. Было больно, но ключица выдержала, а вот Конни, выронив свою палку, схватился за правое запястье. Эвард все-таки его сломал!

Первая победа над Конни! Сыну Дрейка теперь предстоит долго лечиться, а еще его ждут плети, отец так это не оставит. У Эварда тоже не все в порядке, хотя ключица, кажется, цела, а вот ребра... Хорошо, если просто трещины — он их залечит за пару дней. Ну и конечно, обильные синяки по всему телу, но это мелочи, завтра их уже не будет.

Ого! Дрейк совсем не скрывает своих чувств? Что это с ним? Отец скоро придет, вот тогда всё и узнаем.

Дрейк, а что это за куртка на Конни? Странная какая-то. Уж не кольчуга под ней спрятана? — Эвард решил подразнить ближника. — Что же Конни латные рукавицы не надел? Запамятовал? Палка толстовата для учебного боя, Дрейк, не находишь? Завтра вернется отец, ему и объяснишь. Да и мне тоже.

Дрейк, весь побагровевший, стоял, не зная что ответить.

А ты, Конни, давай лечи свой перелом. Хорошо лечи. Правше нужна здоровая правая рука, а то так и останешься в учениках воина. А я с тобой еще поговорю. Потом, как-нибудь. Мы ведь совсем молоды, нам жить, да жить под крышей замка графов Ралльских. Сильно болит? Бедняжка, без начального дара тяжело. Ладно, жди лекаря. Но после меня. Вначале благородные, а уж потом все остальные. Ничего, потерпи, будет тебе лекарь, ведь как-никак ты же не чумазый, а?

Конни, как и его отец, стоял молча, по-прежнему прижимая сломанное запястье к груди.

Эй, кто там из чумазых! Теплую ванну в мою комнату, да поживее, если не хотите расстаться со своей шкурой!

Эвард не спеша направился со двора в свою комнату, располагавшуюся на втором этаже замка. Обычно после тренировок он спускался в подземелье, где протекал ручей с холодной водой, питавшей замок. Разгоряченное тело с удовольствием принимало холодную воду, но сегодня придется отказаться от этой привычки. Не пройдет и часа, как Эварда начнет бить озноб. Только несколько теплых шкур, да разожженный камин спасут его от холода. Это так тело реагирует на быстрое восстановление поврежденного. Больше синяков и ран — больше озноба. Впрочем, это ненадолго. Уже через пару часов все станет приходить в норму. Вот потому и торопил Эвард слуг, чтобы успеть смыть липкий пот, пропитавший рубашку и брюки. А еще и визит лекаря тоже отнимет какое-то время.

Впрочем, что ждать от этого лекаришки? Тот с умным видом будет осматривать его тело. А что смотреть-то? На синяки? Так Эвард и сам знает, что сегодня их будет как никогда много. Да и обильней размерами тоже. Потрогает ребра? Вынесет вердикт, что они то ли сломаны, то ли просто слегка треснули. Но Эвард и сам это знает. Впрочем, пусть смотрит, за это ему и платят. А потом может идти вниз, накладывать повязку на запястье Конни.

Все произошло так, как и предполагал Эвард. Лекарь пощелкал языком, покрутил головой, пощупал ребра и вынес вердикт:

Милорд, у двух ребер трещины, вам нужен полный покой. Никаких резких движений. Синяки большие, обильные. Но завтра к вечеру полностью пройдут.

Я и без тебя это знаю. Ладно, проваливай.

Лекарь низко поклонился и засеменил к выходу. А Эвард забрался на свою постель, где уже лежало несколько меховых шкур. Озноб уже начал чувствоваться. А каково приходится ратникам с начальным даром, которых ранили на поле, и где нет ни одеял, ни шкур? Правда, есть попоны, но и то не всегда. Были случаи, хоть и редкие, когда тяжелораненые

благородные не выдерживали озноба и умирали, так и не долечившись. Впрочем, если поблизости находился кто-нибудь из чумазных, то тот мог помочь согреть своим телом раненого милорда. Хорошо, если это были женщины, урона чести благородному не было. Но если женщин поблизости не оказывалось, то приходилось брать какого-нибудь чумазого. А на следующий день чумазый получал свои порции плетей и мог уйти, точнее, уползти. Иногда благородные кидали чумазому после его наказания несколько серебряных монеток.

Если милорда согревал не чумазый, а кто-то из воинов, то это уже не считалось оскорблением благородного, но не всегда рядом оказывались воины, не получившие ранений. И, как уже было сказано, приходилось использовать чумазных.

Но сейчас у Эварда повреждения были не такие сильные, да и несколько меховых шкур неплохо согревали, хотя озноб его все-таки достал. Через пару часов холод стал постепенно ослабевать и Эвард, немного согревшись, заснул.

Проснулся он, когда за окном сгустилась тьма, от слишком громкого шума. Кто это посмел разбудить юного виконта, когда тот находится в процессе выздоровления? Совсем разбаловались люди в замке его отца. Чумазные, конечно, не посмеют так шуметь. Значит, солдаты. Отцу еще рано возвращаться, неужели, опять проделки Дрейка? Вот негодяй! Пользуется тем, что он по крови ближник. Небось, гордится этим. А чем гордиться? Тем, что его дед был благородным бароном Тростен? За это по наследству получил начальный дар. Только теперь дар в его сыновьях безвозвратно растворился.

Иметь благородного отца мало, основной дар проявляется, только если и мать из благородных. А все остальные женщины, кто бы они ни были родом — из ближников, касты воинов, из чумазных — основной дар проявить не дадут.

Дед Дрейка был бароном Тростен, который выгодно сосватал свою дочь за графа Ралльского. Именно она была второй, неродной бабушкой Эварда. Но сама бабушка была из благородного рода, потомок благородных родителей, барона и баронессы Тростен. А отец Дрейка — бастард, которого родила от барона то ли служанка, то ли кухарка в доме баронов Тростенов. Чумазая! Эх, жаль, что сегодня днем Эвард не напомнил этому семейству от кого они ведут свое происхождение. Ладно, еще время на это будет. Отцу Дрейка еще повезло, что его признал барон Тростен, а потому приняли его в касту ближников. В противном случае быть бы отцу Дрейка обычным бастардом из касты чумазных, пусть даже и с начальным даром. Не признает благородный господин мальчика — значит, быть тому до конца своих дней чумазым.

Шум тем временем уже раздавался за дверью комнаты Эварда. Кто посмел? Дверь распахнулась, и на пороге возникло несколько фигур, озаренных факелами. Опять этот Дрейк и с ним еще двое солдат.

Негодяй! Как ты посмел ворваться к виконту Ралльскому!

К какому виконту? К тебе, сосунок?

Что!? Взять его!

Но солдаты за спиной Дрейка совсем не реагировали на приказы юного виконта, а Дрейк, гнусно улыбаясь, приблизился к ложу Эварда. Виконт вспыхнул и попытался ударить наглеца по лицу, но ближник был сильным и опытным воином, поэтому легко отклонил левую руку Эварда, а сам с размаху вlepил ему пощечину. Даже не пощечину, а оплеуху! Впрочем, задел и порядочную часть щеки Эварда.

Какой ты виконт? Ты думаешь, что благородный? Ближник, да еще во втором поколении.

До разгневанного Эварда не сразу дошел смысл слов Дрейка, а когда он смог воспринимать произнесенное, то первое, что пришло ему на ум, было сумасшествие Дрейка. Точно, свихнулся! Он, Эвард, ближник во втором поколении? Это значило, что его отец, граф Ралльский, тоже ближник. Но у ближников не может проявиться основной дар, а у его отца он есть. Есть!

Свяжите сосунка, и в подвал его! До решения его светлости графа.

Точно, сошел с ума. Графом-то был его отец! Солдаты тем временем быстро связали Эварду руки за спиной и, подняв на ноги, подтолкнули к выходу из комнаты. Но он же не одет, в одной нижней рубашке, босой. Это же оскорбление!

Эй, вы с ума сошли? Понимаете, что с вами будет за оскорбление виконта? Ближнику и то хорошо достанется плетей, а вас, простых воинов, и вовсе ждет посильнее наказание!

А разве ваша светлость виконт? — задал вопрос один из солдат.

Бринни, сосунок не может называться его светлостью, потому что он не виконт и даже не благородный.

Я понял, господин Дрейк, — ответил разговорчивый солдат и в качестве ответного действия на свою ошибку, грубо толкнул Эварда.

Через десять минут Эвард, подталкиваемый солдатами, шел по коридору подвала замка. В этой его части он ни разу не был — здесь располагались темницы с камерой дознания, вход в этот отсек всегда был заперт.

Впереди стоял местный тюремщик, имени которого Эвард не знал, и знать никогда не собирался — ведь тот был из чумазных, которых благородные могут только презирать за их ничтожество и подлую натуру.

Санка, вот тебе подарочек, — громко сказал из-за спины Эварда Дрейк, развязывая парнишке руки.

К чумазым всегда так обращались, оканчивая их имя на "ка". Человека из клана воинов называли бы Санни, а ближника — уже полным именем. Как на самом деле звали тюремщика, возможно, никто, кроме него самого и нескольких его родных не знал. Дрейк был ближником, поэтому и звался Дрейком. А будь он только воином, то обращались бы к нему, как Дреки. А чумазого с таким именем и вовсе бы кликали, как Дрека.

Тюремщик хмыкнул и распахнул одну из дверей. Это была тюремная камера, куда Эварда втолкнули, а дверь быстро захлопнули. Эвард в темноте только услышал, как скрипит ключ в запираемом замке.

Парнишка, пока дверь не закрыли, успел рассмотреть в свете факелов, горящих в тюремном коридоре, свое место обитания. Маленькая комнатенка, которую обойдешь за несколько шагов. Ноги почувствовали холодный камень. И еще грязь. Через несколько минут Эвард ощутил идущую от стен холодную сырость. Что же произошло? Что?

Юный виконт вначале просто стоял на холодном полу, а потом, когда ноги стали замерзать, стал ходить вдоль стен камеры. Три шага вперед, два в сторону, три обратно и снова два шага в сторону — вот и весь путь. Темно, но голову не разобьешь — все стены почти в пределах вытянутой руки. Но долго ходить в темноте тоже не будешь, рано или поздно теряешь пространственную ориентацию, а ноги все равно не согреть.

Эвард, натянув на ноги ночную рубашку, пересиливая брезгливость, уселся на грязный пол. Как какое-то ничтожество из чумазных. Нет, Дрейка ждут хорошие плети. Он сам лично разукрасит спину негодяя.

Под утро пришел сон, но холод, идущий от каменного пола, и сырость от стен,

постоянно будили Эварда, не давая полноценно заснуть. Он уже сбился со счета времени, не представляя, сколько прошло часов с момента его заключения. Пять, десять, а то и день или даже два.

Когда заскрипела открываемая дверь, Эвард сразу же прогнал остатки сна и встал на ноги. Кто бы это ни был, но виконт не будет при всех унижаться, сидя на грязном полу. Дрейк или, наконец-то, отец? Виконт Герих! А за его спиной маячили фигуры Дрейка и Базеля, еще одного ближника из их замка.

Герих встал напротив Эварда, немного переступив порог камеры. Затем сделал шаг вперед, и услужливый Дрейк поставил за спиной Гериха табурет, на который дядя и уселся.

Оставьте нас.

Дверь быстро закрылась, но на замок ее не заперли.

Виконт, что это значит? Я требую объяснений.

Граф, а не виконт. Граф Герих Ралльский.

Как? А что с отцом?

Он умер. Убит.

Я наследник графского титула, а не вы. Герцогу это не понравится.

С каких пор ближник претендует на титул? Или ты не знал, что твой отец самозванец? Никакой он не благородный.

У него есть основной дар, данный Пробуждением. Кто убил отца?

Дар?.. Дженриса убили наемники. Восемь человек. Убили мечами в коротком бою.

Как так?..

Эвард был сбит с толку, совсем обескуражен. Ведь отец, как и все благородные, после Пробуждения получил основной дар. Он и с двумя десятками наемников легко справился бы, если те, конечно, бились бы честно.

Бой был честным, — дядя Герих рассказывал с определенным удовольствием, это было заметно. — Твой отец заколол двоих, одного ранил и сам получил несколько ударов мечами.

Но как же так?..

У Дженриса не было дара. Он обманывал. Ты не знал? Вижу, что не знал. Но надцать признать, твой отец хорошо выучился работать мечом, у него был к этому талант. Даже я не догадался бы, что он притворяется, если бы не знал, что он лжет. Правильнее сказать, я подозревал, что он самозванец. Сомнениями насчет Дженриса поделилась моя мама, а ей проболтался отец. Как ты знаешь, мой отец, а твой дед, погиб, когда Дженрис еще не подошел ко времени Пробуждения. Я был слишком мал, чтобы понять, что к чему, а твой отец со временем сумел всех убедить, что у него есть основной дар. А за такой обман, сам знаешь, казнят.

Я вам не верю. И почему тогда дедушка признал его законным сыном? И бабушка тоже...

Мой отец, старый граф, не знал, вначале даже не догадывался, что Дженрис не благородный. Ты, наверно, думаешь, что твой отец родился от какой-то там служанки? И старая графиня, твоя бабушка, признала ребенка за своего? Нет, Дженриса родила сама графиня. От моего отца, твоего деда.

Я не понимаю, они оба благородные, значит, и отец тоже.

Твоя бабка, первая жена старого графа вовсе не благородная. Ее родила герцогиня от любовника. Возможно, даже от чумазого. Родила и скрыла это от супруга — герцога Меленвильского. У твоей бабки даже не было начального дара, что говорит о низости ее

любовника. Будь он ближник, то она имела бы начальный дар.

Я не верю. Такое не скрыть.

Не скрыть, если ты мальчик, которому постоянно достаются синяки, а то и переломы, которые дар быстро вылечивает. Девочки сидят в комнатах, играют в куклы и вышивают цветочки на подушках. Никаких синяков, никаких ран. А когда она вышла замуж за моего отца, твоего деда, тот, со временем, вероятно, что-то заподозрил, но промолчал. Он же, благодаря этой женитьбе, породнился с семьей нашего герцога. Жена — дочь герцога! Как замечательно! А скажешь правду, супругу герцога, спутавшуюся с любовником из чумазных, ждала казнь. Твою бабушку тоже. За обман, сокрытие правды и оскорбление рода графов Ралльских. И из фаворита отец превратился бы в кровного врага герцога, лишившегося похотливой супруги и ставшего посмешищем на все королевство. Не потому ли твоя бабушка так рано умерла, унеся в могилу тайну своего происхождения?

От всего услышанного у Эварда стали подкашиваться ноги и он, презрев гордость, уселся на полу камеры. То, что говорил дядя Герих, было ужасно. Его отец, теперь уже погибший отец, оказался самозванцем, а он сам вовсе не благородный, а всего-навсего ближник, да еще и во втором поколении. Дядя говорил очень складно, но Эвард все равно не мог в это поверить. Не мог!

Итак, Эвард. Ты не виконт. И все четырнадцать лет нас обманывал. Как поступают с самозванцами, присвоившими себе благородное происхождение, ты знаешь. Их казнят. Правда, бывают и исключения. Казнь меняют на плети, вырезание лживого языка, клеймение и отправку на галеры. Это ждет тебя. Или ты предпочитаешь четвертование клеймению и галерам?

Но я же не специально...

Да, это во многом меняет дело... может менять. Я готов тебя простить, ограничившись простым изгнанием. Без плетей и клеймения.

Но это не просто так?

Ты всегда был догадливым мальчиком. Да, не просто так. Не бойся, речь идет о пустяке. Ты сейчас при всех подтвердишь, что твой отец был самозванцем.

И после этого меня, как знавшего о преступлении, четвертуют?

Да, ты умный, я это вижу. Но ты не прав. Во-первых, подтвердив, что твой отец самозванец, ты скажешь, что раньше этого не знал. А во-вторых, я даю честное слово, что как только ты это скажешь, тебя в целостности и невредимости выгонят из замка. Даже дадут денег на дорогу. Я человек слова. Так как? Соглашаешься?

Предложение дяди Гериха было королевское. Действительно, тот имел все права, чтобы его казнить или отправить на галеры. Но что-то смущало Эварда. Странная щедрость? Да, и это тоже. Да и был ли дядя человеком слова, Эвард в этом сомневался. Тогда зачем ему нужно признание Эварда? Дядя нарушит слово и скажет, что не верит в непричастность Эварда к сокрытию преступления и поэтому отправит на помост к палачу? Но он может это сделать и так, без признания. А если Герих соврал и его отец жив? Соврал, чтобы узурпировать графство? Эвард признается и это поможет Гериху в захвате власти. Так? Но отец всегда запросто сможет доказать, что у него есть основной дар, а значит, он настоящий благородный. А может быть, они схватили отца и ждут признания Эварда, а затем казнят обоих, и его и отца? Так? Опять не так. Если они пошли на узурпацию, то отца им надо убить в любом случае и как можно быстрее, потому что в противном случае их самих ждет казнь.

Эвард ничего не понимал. В чем здесь ловушка и ловушка ли это? Может быть, дядя Герих и в самом деле говорит правду и его слово твердо?

Ну, Эвард, о чем задумался? Я и так на тебя потратил слишком много времени. Идешь признаваться? Или палачу готовить клеймо? Выбирай, я больше ждать не намерен. Молчишь? Ладно.

Герих встал и шагнул к выходу, открыв дверь.

Дрейк, прикажи палачу готовить инструменты. Этого через четверть часа к нему. Или он признается или больше никогда никому ничего уже не скажет, потому что останется без языка.

За выделенные Эварду четверть часа, он так ничего и не надумал. Остаться без языка и отправиться на галеры он не хотел, но и признать себя не благородным он тоже не желал. Да и память отца, если тот убит, он не собирался предавать. Он лучше умрет виконтом, а теперь, получается, графом Ралльским, раз его отец убит, чем будет пребывать остаток жизни на галерах вместе с чумазыми каторжниками. Лучше убить себя, чем стать таким, как чумазые. Как это сделать, Эвард потом найдет способ. И он принял решение.

Как раз прошло отведенное ему для раздумий время. Дверь камеры открылась и тюремщик, как его там называли? — Санка, схватил Эварда за плечо и потащил вдоль по коридору, но отнюдь не наружу, а открыв какую-то дверь, втолкнул туда Эварда. Зал дознаний, где пытали схваченных преступников. Здесь уже сидел дядя вместе с ближниками и солдатами. В углу боязливо жались друг к другу городские чиновники.

Эвард, начинай, — Герих был уверен в решении юного виконта, точнее, бывшего виконта.

Нет, — голос Эварда прозвучал совсем не мужественно, как он этого хотел.

Вот как? — брови дяди поднялись домиком.

Молчание затянулось. Герих никак не ожидал отказа Эварда.

Отправить самозванца на конюшню, всыпать по полной вожжей и отвезти в Меленвиль. Там отпустить. Релвис, возьми с собой солдата и отвезешь мальчишку, оставишь на постоялом дворе, а потом сразу же обратно.

Герих отдал приказ старому Релвису, который был ближником его отца и который один из немногих, если не единственный из присутствующих в камере дознаний, сейчас смотрел на Эварда с сочувствием.

Герих встал и направился к выходу.

Из замка никому не выходить. Можете сходить на конюшню. И замковых чумазых туда же, пусть видят, — отдал приказ новый граф, выходя из подвального зала.

Все присутствующие двинулись к выходу, кто не спеша и с чувством собственного достоинства, как графские ближники и некоторые солдаты, а кто, втянув голову в плечи, а это были в основном городские чиновники, чувствовавшие здесь себя очень неудобно.

Сам же Герих пошел не во двор и далее на конюшню, куда тащили юного бывшего наследного виконта, а поднялся на второй этаж замка, который стал считать своим, направившись в комнату сына Трависа, в одночасье ставшего наследным виконтом Ралльским.

Отец! Мне сказали... А как дядя это скрывал? Я не понял. Или это неправда?

Травис, кем ты был до последнего времени?

Кем, отец?

Виконтом Трависом.

А разве я сейчас уже не виконт?

Виконт... Кто наследовал бы Дженрису после его смерти?

Ну, Эвард.

А ты всю свою жизнь жил бы в замке из милости графа Эварда.

А...а...

Или же граф Эвард выделил бы тебе, опять же из милости, баронский замок. И ты стал бы именоваться не виконтом Трависом, а бароном Трависом. А пожелай граф Эвард, то он мог бы тебя в любой момент вышвырнуть из замка и из графства. Безземельный виконт... Сколько их? Даже бароны, но с замками и землями, котируются выше. Ты понял?

Да, а что понял?

М-да, Эвард посмышленей тебя будет. Ты теперь наследный виконт, а со временем станешь графом Ралльским. Теперь понял?

Теперь понял.

Хорошо бы. Скажи, как вчера прошли учебные бои?

Этот урод Пирри опять победил. А я же теперь наследный виконт. Отомщу, когда графом стану.

Герих тяжело вздохнул.

Граф, конечно, имеет полную власть над всеми. И ближниками и солдатами. Но этой властью надо пользоваться разумно. Ближников и лучших из касты воинов не обижать, а приближать, держать при себе. Иначе как бы дороже не вышло.

Подумаешь! Когда получу основной дар, я один буду стоять несколько десятков этих солдат. Куда их мечам до моего!

Кроме меча есть еще и арбалетные болты. И стрелы. И еще много чего. И есть еще слово.

Что за слово?

Простым словом можно стать графом и таким же словом отправить наследного виконта на конюшню, где его выпорют, как последнего чумазого. И никто не вступится.

А кого это на конюшню? — в глазах Трависа зажглись огоньки страха. — За что на конюшню?

Не тебя, — Герих снова тяжело вздохнул, в очередной раз убедившись, что его сын не очень сообразителен. — Эварда. Кстати, как вчера закончился его бой? Я гляжу, он цел.

О! Там такое было! Они сражались на тренировочных палках, и Эвард сломал Конни запястье! А почему на таких толстых? Ведь Эварду могли все кости поломать!

Значит Эвард сумел... да, племянничек... — Задумчиво произнес Герих. — Вот почему он так хорохорился, а не дрожал от холода при срачивании костей.

Отец, а теперь что, Эвард мне не кузен?

Нет, теперь он по происхождению обычный ближник. И сегодня уедет в изгнание. Можешь о нем забыть.

Герих еще раз задумчиво посмотрел на сына, покачал головой и направился в свои покои. Точнее, бывшие покои, скоро нужно перебираться на половину Дженриса.

В коридоре рядом с его комнатой сидел мужчина средних лет в одежде наемника. При виде Гериха наемник вскочил.

Твелли, можешь зйти.

Герих пропустил вперед мужчину, вошел сам и плотно закрыл за собой дверь.

Пришел за расчетом? Дело выполнил. Вот оставшаяся половина обговоренной суммы.

Милорд, я потерял троих своих людей.

Дженрис убил двоих.

Мунни умер от ран. А мы договаривались, что граф будет сонным как муха.

Если бы он был сонным как муха, то все увидели бы, что Дженриса опоили. А мне нужно, чтобы он мог драться. Хорошо драться, но не более, как умелый солдат. Это твои люди никуда не годны! Если бы ты не подрубил ему бедро, Дженрис ухлопал бы всех вас. В следующий раз подбирай более умелых наемников.

И на какие деньги я их подберу?

Сто золотых за работу мало? Впрочем, хорошо. Я оплачу твои потери, хотя эти неумехи виноваты сами, что их зарубили. Вот еще по двадцать золотых на каждого убитого. Как видишь, я плачу щедро. Но и спрашиваю за оплаченную работу.

Но разве мы не убили графа?

Я сейчас о другом. Есть еще одна работа. На пятьдесят золотых. Половина — задаток.

Но, милорд, всего пятьдесят, а у меня только трое солдат, оставшихся целыми. Четвертый-то с раненой рукой.

Эта работа не стоит и десяти золотых, я же плачу пятьдесят. Работа легкая и совсем неопасная. Надо убить мальчишку. Кстати, в его кармане будет кошелек с десятью золотыми. Он тоже ваш.

Наемник повеселел.

Но сделаете это всё не здесь, а в Меленвиле. Завтра к вечеру его привезут и оставят на постоялом дворе. По нашей дороге там всего один постоялый двор при въезде в город. Вам нужно убить мальчишку где-нибудь на улице и без свидетелей. Подводу с мальчишкой будут сопровождать двое: пожилой ближник и солдат. При них ничего не предпринимать. Как только те уедут — вот тогда и сделаете дело.

Мальчишку отправят из моего замка через пару часов. Вы выедете следом, потом дождетесь темноты и ночью опередите их, до Меленвиля сможете добраться во второй половине дня, подвода будет тащиться медленно. Главное, чтобы вас никто не узнал — ни здесь, ни там.

Я понял, милорд.

За убийство мальчишки несете ответственность своей головой. Оправданий я не приму.

— А что сделать с трупом?

Оставьте на месте. Меня это не волнует. Твои люди сейчас где? В городе?

Нет, милорд, я их оставил неподалеку, в лесочке. Что-то нет желания, не в обиду сказано вашей светлости, находиться в этом городе.

Это хорошо. Что не в городе. Сейчас все ушли на конюшню, двор пустой, ты спокойно можешь покинуть замок. Вот пропуск. Он действителен только на сегодняшний день. Это я к тому, чтобы не подумал...

Ну что вы, милорд, я и не думал им пользоваться потом.

Тогда поспеши, пока представление на конюшне не закончилось.

После ухода наемника новый граф Ралльский целый час посвятил разбору бумаг, принесенных из кабинета бывшего графа. Устав от столь скучного занятия, он пригласил к себе Дрейка, давно уже ожидавшего в коридоре.

Рассказывай.

Конюх поработал основательно, но мальчишка крепился, хотя и мычал.

С закрытым ртом?

Да, милорд.

Значит, терпел. Чем закончилось?

Он потерял сознание.

Крепкий и упрямый. Что еще?

Когда потащили к козлам и задрали рубашку, стал грозиться всем присутствующим. Дескать, он еще отомстит.

А зрители?

Чумазые вначале смущались, а потом осмелели, стали насмехаться.

Все чумазые — подлые ничтожества. Давно порка закончилась?

Больше получаса точно.

Что у него со спиной?

Вся в рубцах и крови.

Хорошо. Значит, можно отправлять подводу в Меленвиль. Там его встретят и навсегда успокоят.

Милорд, — Дрейк облизал губы, — простите, а может лучше мальчишку успокоить здесь? Как самозванца.

Дрейк, как ты думаешь, зачем я отправил Эварда на конюшню?

Ну, это, милорд...

Так зачем?

Отомстить.

Чушь. За что мстить-то? Нет, причина в ином. Прежде всего, что могло быть, если бы я приказал мальчишку казнить? Через пару месяцев кому-нибудь приглянулся бы мой замок, — Герих с удовольствием произнес слово "мой". — Нашлись бы свидетели того, что Дженрис обладал основным даром, а значит, не был самозванцем. А дальше что? Получилось бы, что я злонамеренно казнил наследника титула и узурпировал графство. Зато сейчас все увидят мою милость. Да, наказал, но дал денег и отправил с верными его отцу людьми в герцогскую столицу. А то, что там мальчишка пропал — я ни при чем. Может, еще шляется где-то? И к смерти Дженриса я не причастен. Это понятно?

Да, милорд. Только как мальчишка пропадет, если его зарежут в Меленвиле?

Дело будет в потемках. На окраине. Уже к утру его двадцать раз успеют раздеть, забрав всё, вплоть до набедренной повязки. Это же чумазые! Что еще от них ждать? А голый труп сбросят в канаву. Никто не будет его опознавать. Понял?

Да, милорд. Но зачем пороть на конюшне, вы так и не ответили.

Я продолжу. После такой порки Эвард придет в себя после залечивания кровавых рубцов только к завтрашнему дню. Тут уж не до соображения. И по приезду в город ему будет не до гуляний, будет сидеть на постоялом дворе, приходиться в себя после долгого озноба. А потому его не упустят из виду. А уйди он в город — Меленвиль большой, не чета моему Ралльску — соответственно его могут потерять из виду. Но это не главная причина. Значит, чумазые насмеялись над Эвардом?

Да, ведь того пороли на конюшне, как какого-то чумазого. И вид мальчишки был жалок. Грязная рубашка, а затем и вовсе его обнажили — это же позор для благородного.

Вот и причина. Четырнадцать лет чумазые перед ним пресмыкались — ведь он наследный виконт. И отправься он в Меленвиль чистеньким и как всегда гордым, о нем долго помнили бы, как о хозяине, наследнике титула. И так помнили бы и думали не только чумазые, но и многие солдаты. А теперь он сброшен вниз, в самую грязь. Через пару недель о

мальчишке не вспомнят, а если кто и помянет, то только со злорадством, как о поверженном ничтожестве. Важно не просто избавиться от мальчишки, важно уничтожить память о нем.

Я понял, милорд.

Что, не можешь простить Эварду вчерашний бой? Как же твой Конни так лопухнулся? А поломай он Эварду ключицу с ребрами, мальчишке было бы не до упрямства. Признался бы, что Дженрис самозванец и тем самым решил бы все мои проблемы. Можно было бы и не отсылать его в Меленвиль.

Вы бы его помиловали, милорд?

Нет, конечно. Но признание в присутствии стольких свидетелей позволило бы мне казнить сына самозванца, который знал и участвовал в преступлении своего отца.

Я понял, милорд. Виноват. Конни будет наказан.

Он уже наказан. Пусть лучше быстрее поправляется. Если себя зарекомендует, то будет у него свой десяток.

Милорд, благодарю!

Ладно. Почти час прошел? Можно навестить и моего бывшего племянника. А ты захвати его одежду. Негоже ближнику ехать в герцогский город в одной ночной рубашке.

Герих спустился во двор и прошел до конюшни. Эвард лежал на полу, поджав ноги и бессмысленно уставившись в одну точку. Лицо хранило следы высохших слез. И еще Герих отметил, что мальчишку начал донимать озноб — организм, используя начальный дар, принялся активно вылечивать раны. А они были. Вся рубашка, начиная с района плеч, была красной от выступившей крови.

Релвис, — обратился он к стоявшему неподалеку пожилому ближнику. — Подготовь подводу, возьми солдата. И сразу же выезжай в Меленвиль. Как только отвезешь Эварда в первую встреченную гостиницу, немедленно возвращайся обратно, не оглядываясь на подводу. В этом кошельке десять золотых. Отдашь ему. Их должно хватить надолго. И переодень мальчика. Сейчас Дрейк принесет его одежду. Все-таки он ближник, а не чумазый.

Герих повернулся и пошел в обратную сторону, а ему навстречу уже шел Дрейк с ворохом одежды, которую тот швырнул на пол конюшни и бросился догонять своего господина.

Тракки, — пожилой ближник подозвал молодого солдата, — иди за мазью и холстиной, а ты, — обратился он к конюху, — быстро запрягай подводу.

Уже через четверть часа они с солдатом бережно положили Эварда на подводу, устланную сеном, сняли окровавленную рубашку и занялись раненой спиной. Затем одели его нижнюю часть тела, а на спину, основательно смазанную жирной мазью, положили холстину и накрыли бывшего виконта толстой попоной. Эварда уже бил сильный озноб, зубы выдавали мелкую дрожь, а сам парнишка плохо соображал. Это и понятно — Релвис видел и раньше, как люди с начальным даром ускоренно залечивали серьезные раны. Он и сам был ближником, то есть человеком с начальным даром, и в своей долгой жизни его не раз этот дар выручал.

Не задерживаясь в замке, подвода в сопровождении двух всадников выехала за его пределы, а затем и из города, направившись на север — в Меленвиль.

Отъехав с полмили от городских стен, Релвис приказал вознице остановиться, а сам, соскочив с лошади, подошел к повозке.

Милорд, разрешите моему Тракки вам помочь совладать с холодом.

Эвард в ответ кивнул, хотя согласие, данное им, было трудно отделить от мелкой дрожи, сотрясающей парнишку.

Тракки, давай, — отдал приказ ближник.

Молодой солдат, соскочив с лошади, снял кольчугу, куртку и рубашку и ужом проскользнул под попону. Это было верное средство, ведь, как известно, в холодное время года один солдат легко замерзал под одеялом, зато двое солдат под одеялом не мерзли.

Эвард проспал ведь остаток дня и всю ночь, проснувшись лишь под утро. Озноб во многом прошел, спина почти не болела, хотя сильно зудела — иссечённая кожа все еще активно зарастала. Лежащий рядом солдат, а это был внук ближника, хорошо помогал согреться. Ничего зазорного в этом не было — во время походов именно так лечились люди, имеющие начальный дар. Но только в том случае, если не использовали чумазых. Вот в таких случаях, действительно, принять помощь от чумазого считалось оскорблением для благородных.

Но Эвард уже не виконт, не благородный человек, а всего-навсего ближник, хотя совсем еще недавно он такое и представить себе не мог. Да что там ближник! Вчерашним днем ему нанесли самое страшное оскорбление. Его, виконта Ралльского, пусть, теперь и бывшего, пороли на конюшне вожжами, как какого-то жалкого чумазого. Даже провинившихся воинов наказывали более благородно. Теми же плетьюми, но в специально отведенных местах, где не должно быть посторонних чумазых. А здесь нагнали весь двор. И эти ничтожества смеялись над ним! И он, вначале представший перед всеми в грязной ночной рубашке, а потом и вовсе без одежды, ничего не мог сделать с этими ничтожествами.

О, как он их накажет, когда вернет себе титул и отцовский замок! То, что отец самозванец — это, безусловно, оговор. Он же сам видел основной дар у него. И многие тоже видели, а вчера промолчали. Но, ничего, как только он приедет в Меленвиль, он сразу же пойдет к герцогу. И тогда берегись, дядя Герих!

Ведь старый герцог был братом его бабушки, которую сегодня обвинили чуть ли не в том, что их мать родила бабушку от прелюбодеяния с каким-то чумазым! Обвинить мать герцога! И обвинить его отца, графа Дженриса Ралльского, в преступлении самозванства, отца, который был родным племянником герцогу!

От этих мыслей Эвард повеселел, перевернулся на бок, благо спина почти не болела, а только чесалась.

Релвис, а не пора ли перекусить?

Милорд проснулся? Как ваши раны?

Вполне нормально. Слабость, конечно, но иначе не бывает. Релвис, скажи, ты тоже считаешь отца самозванцем?

Нет, милорд.

А как его... как он погиб?

Все произошло очень быстро. Милорд граф спустился к реке, а там на него напало восемь человек, по одежде — наемники. Граф убил двоих, еще одного хорошо подколол, но один из наемников оказался слишком хорошим бойцом.

Но как так могло быть? Ведь для отца, как и любого благородного, прошедшего Пробуждение, восемь человек — не проблема.

Милорд граф был какой-то медлительный, как будто не проснулся окончательно. Скорости прежней не было совсем.

Сильно пьян?

Нет, это что-то иное.

А дядя? Что он делал?

Он был в своей палатке и вышел, когда все уже кончилось. Наемники оставили два трупа, одного тяжелораненого погрузили на лошадь и ускакали. Мы бросились следом, но они перебрались через реку и разломали часть моста. Пока починили, убийцы успели скрыться. А ваш дядя объявил, что граф был самозванцем. Я и часть солдат в это не поверили, но граф был мертв, а большинство солдат были людьми милорда Гериха. Когда спорят благородные, остальные должны выполнять приказы. Но нам их никто не отдал. Ваша милость не успела. А ближники, тем более солдаты не могут проявлять инициативы в таких делах. Только благородные.

Я понял, Релвис. Что ты намерен делать дальше?

Милорд Герих сейчас граф и я обязан выполнять его приказы. Я оставлю вас в Меленвиле. Вот десять золотых, их для вашей милости дал милорд Герих.

Я понял.

Что же, понять Релвиса было можно. Выступить против Гериха, приняв сторону Эварда? Релвис последние годы доживал с воинским поясом, скоро старость, которой требуется постоянный кров. Эвард дать кров не сможет. А еще у Релвиса был внук Тракки, совсем недавно надевший пояс воина. Сын у Релвиса погиб двадцать лет назад в том сражении, в котором погиб и дедушка Эварда и ближник воспитывал внука, родившегося уже после того горестного сражения. Тракки совсем молод, и где ему набираться умения и опыта, как не в замке?

Ближе к вечеру они добрались до Меленвиля, точнее, до его пригорода. Городские стены давно уже остались внутри разросшегося поселения, а новые, охватывавшие бы границы увеличившегося города, были слишком непосильны для герцогской казны. С правой стороны от дороги показался постоялый двор, внешне производивший вполне приличное впечатление. Туда и свернули путники.

Юный милорд, точнее, теперь уже ближник, к этому времени уже полностью одетый, ехал на коне Тракки, а сам молодой воин занимал место на подводе. Въехав во двор, путники отмахнулись от помощи слуги, пытавшегося принять лошадей — ведь им нужно немедленно ехать обратно. Релвис достал из своего кошелька три серебряных монеты.

Вот, ваша милость, возьмите. Не место здесь расплачиваться золотом — хоть и охраняемый постоялый двор, но вокруг-то окраина с этими чумазыми. Здесь Меленвиль, все отбросы сюда тянутся.

Поклонившись на прощание, графский ближник с внуком, пересевшим на своего коня, отправились в обратный путь, а следом за ними поехала и подвода. Эвард остался один. Он много раз бывал в герцогской столице, но отец всегда останавливался в замке, даже не глядя на лучшие гостиницы Меленвиля, располагавшиеся в центральной части города. Поэтому сравнить их с постоялым двором Эвард не мог. Теперь надо думать, как поступить дальше — идти к герцогу, но идти придется на ночь глядя, или здесь переночевать.

Конечно, сейчас еще было светло, но это обманчиво — через час или полтора быстро стемнеет и если он к тому времени не доберется до замка герцога, то как быть дальше? И идти пешком в одиночку через опасные городские окраины Эварду явно не хотелось. Вот был бы конь или надежные спутники...

Спина, по словам Релвиса, уже почти зажила, тусклые следы шрамов к утру исчезнут полностью, сейчас, как это обычно бывает после лечения начальным даром, Эвард

чувствовал легкость во всем теле, только ощущения были более яркими, чем обычно. Это, конечно, понятно — ведь раньше заживали обычные синяки, а в этот раз ему досталось намного сильнее. Вот потому, наряду с легкостью, он чувствовал и какую-то слабость. И под ложечкой уже немного засосало. Так и не решив, как поступить, Эвард услышал за своей спиной твердый мужской голос.

Милорд в затруднении? Я могу вам помочь?

Эвард обернулся. Перед ним стоял крепкий мужчина в одежде наемника, доброжелательно и изучающе смотревший на него.

Я, право, не знаю.

Милорд, простите меня за вопрос, вы здесь один?

Да, один. Я не знаю вашего имени.

Твелли, милорд.

Я виконт Ралльский.

О, милорд, — наемник поклонился. — Одному здесь находиться опасно. Не то место, все-таки окраина. Конечно, в том случае, если у вас нет с собой хорошего меча, — Твелли слегка кивнул на свой пояс с мечом.

Мне надо попасть в замок герцога. Он мой двоюродный дедушка.

О! — поразился наемник. — Если вы не против, то я с удовольствием составлю вам компанию.

Да, я был бы вам признателен.

Милорд, но я голоден, целый день не ел, вот потому и заглянул в это место. Если вы не очень торопитесь... Может быть, вы тоже не откажетесь перекусить? Готовят здесь, как ни странно, вполне прилично. А потом я вас с удовольствием провожу до замка. Вы, конечно, верхом?

Нет. Так получилось. Меня довели, и я отдал лошадь солдату.

Ах, да, я краем глаза видел. Значит, вам нужен конь. Я знаю, где здесь неподалеку можно взять коня. Но это после того, как мы перекусим, вы не против?

Нет.

Тогда чудесно. Пройдемте в обеденный зал.

Усевшись за столом и почувствовав запахи жареного мяса, рот Эварда наполнился слюной. Только сейчас он понял, насколько он голоден. Организм после столь тяжелого лечения настоятельно требовал еды, много еды. И Эвард разошелся с заказом — стол быстро наполнился разнообразными мисками, хотя основным видом был жареный поросенок. Впрочем, его он разделил со своим спутником, который тоже показал отменный аппетит.

Из-за стола Эварду выходить не хотелось, появилась послеобеденная сонливость, тем более к ее появлению приложило руку неплохое вино. В замке его отца оно было лучше, но и это оказалось отнюдь не кислятиной, которую подавали к другим столам.

Соседи по трапезе, разместившиеся в разных концах зала, хмуρο поглядывали на молодого милорда, обедавшего в сопровождении крепкого солдата. По крайней мере, со стороны казалось, что путешествует благородный юноша, которого сопровождает и охраняет верный и умелый солдат. Впрочем, Эвард был не против такого впечатления, ведь ему еще ехать через весь город, да еще и в темноте.

Твелли, не пора ли нам идти?

Как скажете, милорд. В таком случае, вначале нужно подобрать вам коня. Я провожу вас.

Выйдя во двор, Эвард заметил, что стало темно, хотя темнота еще не сгустилась, да и полная луна неплохо светила. Наемник повел его за пределы постоянного двора, где практически сразу же местность разительно поменялась. Стоило уйти в сторону от тракта, как они оказались в самых настоящих трущобах. Впрочем, так показалось Эварду, ведь настоящих трущоб он никогда не видел.

Плотная еда и пара кружек вина, видимо, сыграли с ним злую шутку. Он опомнился только тогда, когда они отошли от постоянного двора, наверно, на полмили.

А где же конь, Твелли? — спросил Эвард, с удивлением оглядываясь.

Вот у того забора, милорд, — голос наемника показался Эварду немного насмешливым, но и это его не насторожило.

Парнишка сделал еще десяток-другой шагов, подойдя к забору, изготовленному из жердей, и с недоумением обернулся. Твелли остался стоять на прежнем месте, а рядом с ним появились три вооруженных мечами фигуры.

Что это значит, Твелли?

Это значит, мой юный друг, что сейчас вы умрете.

Так вы грабители?

Нет, просто за вашу жизнь мне заплатили.

Вы наемный убийца? Постойте, а если я вам заплачу, вы откажетесь от убийства?

Заплатите десять золотых, что вам дал милорд Герих? — насмешливо спросил наемник.

Так это дело рук дяди? Вот негодяй!

Ладно, парни, у вас есть шанс себя немного оправдать в моих глазах. Тем более перед вами безоружный мальчишка, а не благородный, владеющий даром.

Три человека, стоявших рядом с Твелли, двинулись в сторону Эварда, вытаскивая длинные и узкие мечи из ножен. Эвард сделал несколько шагов назад и ощутил, как спина уперлась в забор. Убийцы тем временем медленно приближались. В свете луны он видел их довольные ухмылки. Что он мог сделать? Один, без оружия против трех вооруженных мечами убийц и еще четвертого, стоящего в нескольких десятках шагах позади своих наемников. Да если и был бы у него в руке меч, владеть им он не умеет, брал-то меч в руки пару раз, да и то тайком от отца и наставников. Единственное, чему он учился — это драке на палках. Здесь он неплохо преуспел. Палка против меча, тем более трех? Да и где ее найти. Хотя под ногами он что-то ощутил. Моля богов, чтобы это оказался не коротенький обломок ветви дерева, Эвард нагнулся и, не отводя глаз от приближающихся убийц, лихорадочно пошарил рукой. Палка, даже жердь, хотя и не очень длинная, но довольно увесистая. По весу почти такая же, как та, которой он вел тренировочный бой с сыном Дрейка.

Первого, наиболее приблизившегося к нему убийцу, Эвард отбросил назад ударом палки в лицо. Тот выронил меч, схватившись за правую сторону лица и застонав от боли. Двое оставшихся остановились в растерянности, а Эвард начал выделывать палкой разные верчения, в которых он хорошо преуспел. А затем шагнул к стоящему слева от него человеку, сделав замах. Тот испуганно отскочил назад, зато второй убийца решил воспользоваться моментом и направил меч в сторону правого бока Эварда. Но парнишка предполагал такой вариант событий и успел заблокировать выпад противника, отступив назад.

Теперь Эвард держал двумя руками палку горизонтально земле, ожидая ответных шагов убийц, но те не спешили.

Идиоты, перерубите ему палку, у вас же в руках сталь! — крикнул Твелли.

Оба наемника ринулись в сторону Эварда почти одновременно. Отбив меч первого из

них, который отступил назад, Эвард постарался заблокировать выпад второго, но убийца ударил слишком сильно, и палка в руках Эварда распалась на две половинки.

Убийца не успел вернуть меч в первоначальное положение, как получил сильный удар половинкой палки по руке. Меч выпал из руки наемника, а Эвард понял, что сильно повредил, возможно, даже сломал запястье своему противнику. И почти в ту же секунду вторая половина палки настигла головы обезоруженного противника. Удар оказался настолько неожиданным и сильным, что тот упал на спину. Конечно, в первую очередь, здесь повлияла травма запястья, а вовсе не сам удар по голове. Будь на голове шлем, противник и вовсе бы не почувствовал его удара. В какой-то мере Эварду повезло, что ни кольчуг, ни шлемов на убийцах не было.

Теперь перед Эвардом остался только один противник. И еще Твелли, по-прежнему стоявший в двадцати шагах от места поединка. Видя некоторую растерянность противника, Эвард прыжком вперед приблизился почти вплотную к нему. Ударом правой руки он вынудил противника отбить мечом свой выпад, но при этом враг открылся с правой стороны, а Эвард ведь был левшой. И удар левой рукой по правому предплечью противника достиг цели — рука врага повисла.

Всё, с тремя противниками он, кажется, разобрался. Теперь остался только Твелли. Сможет ли он и его победить? Эвард боялся дать ответ — этот Твелли крепкий орешек, настоящий воин, нечета троим неумелым наемникам.

То, что перед ним мастер, Эвард убедился сразу — одна из его палок была подрублена почти под корень, хорошо еще, что Эвард успел чуть-чуть отдернуть руку, а иначе на месте ладони была бы культя. Эвард, понимая, что сейчас будет новый и уже смертельный удар меча Твелли, отступил назад, прижавшись спиной к жердям забора. А наемник спокойно приблизился к парнишке и нанес быстрый удар мечом в левую верхнюю часть грудной клетки Эварда. Парнишка громко вскрикнул, выронив последнюю половинку палки, и стал оседать на землю. А Твелли, вытащив острие меча из тела Эварда, собрался добить его последним ударом. Он выполнил заказ графа Гериха, заработав хорошие деньги. Помедлив секунду, наемный убийца выбрал место, куда сейчас он нанесет свой удар — живот, и смерть мальчишки наступит быстро.

Глава 2

Тим, насколько себя помнил с самых ранних детских воспоминаний, был сиротой. У него, конечно, должны были быть отец и мать, но кто они, он так никогда и не узнает. Его, совсем-совсем маленького, нашли деревенские девчонки в малиннике. Голого и всего вымазанного, как грязью, так и малиновым соком. Был ли он исцарапан, он не знает — вряд ли кто об этом помнит, а когда еще была возможность попытаться это выяснить, тогда он еще не знал, что нужно задать такой вопрос. Дело в том, что на нем заживало все моментально. Царапины исчезали за час-два, синяки сходили на следующее утро, а раны затягивались за несколько дней. Да что там затягивались — исчезали даже следы от них, хотя у сверстников шрамы оставались надолго, даже на всю жизнь.

Мальшана-найденшана притащили в деревню, где его взяли в одну из местных семей. И взяли с охотой, даже подрались с односельчанами из-за него. Но причина была вовсе не в чадолюбие жителей деревни и вовсе не потому, что малыш им приглянулся. Резон был чисто меркантильным — такой малыш особо не объест, тем более с едой в деревне напрягов не было, зато когда сюда придут ралльские солдаты, то мальчишку можно будет отдать им в качестве возмещения за нанесенный Ралльскому графству ущерб.

Дело в том, что местные жители были почти браконьерами. Браконьерами — потому что, не имея на то прав, занимались ловлей рыбы в реке, протекающей неподалеку от их деревни. А "почти" — это по причине того, что выловленную рыбу жители тут же отдавали за малую компенсацию в рыболовную гильдию Туриса — столичного графского города. Почему Туриса, а не Ралльска? Да потому, что их деревня располагалась на землях Турисского графства. Ралльск же был соседним графством.

Почему же, скажете вы, ралльские солдаты имели претензии к жителям деревни, располагавшейся на земле Туриса, к тому же в десяти верстах от границы? Какой же ущерб могли нанести его односельчане Ралльску?

Самый что ни на есть прямой. Дело в том, что река, протекая через Турис, дальше шла по земле Ралльска, а значит, выловленная жителями деревни рыба не доставалась гильдии ралльских рыбаков. Ведь жители деревни не были членами рыболовной гильдии Туриса, а значит, являлись браконьерами, вылавливающими рыбу, которая должна была достаться рыбакам Ралльска.

То, что эта рыба плескалась в реке на земле Туриса и вряд ли уплывала бы за пограничную черту, пролегающую в десяти верстах к западу, во внимание никто не брал. Тем более, кто такие жители деревни? Обыкновенные чумазы, то есть не имеющие никаких прав, когда в разговор вмешиваются солдаты, а тем более ближники. Впрочем, ближников не часто можно было видеть во главе солдат, разбирающихся с браконьерами.

Итак, жители деревни предпочитали ловлю рыбы, обильно водящейся в реке, занятиям на земле. Много ли овса или капусты соберешь после долгих трудов, копаясь в грязи, не разгибая спины? То ли дело рыбная ловля. Не одну подводку с рыбой можно наловить за день, проведенный на реке. И потому каждый день подводки, груженные свежей рыбой, уходили в Турис, где поступали на склады гильдии рыбаков. Взамен сельчане получали денежное вознаграждение, обычно в размере, не превышающем одной двадцатой реальной стоимости привезенной рыбы. Плата, конечно, жалкая, но ведь при этом и гильдия и власти графства закрывали глаза на то, что сельчане вели незаконный вылов рыбы.

В самом деле, ну пожалуются уважаемые старшины гильдии на браконьеров, кому лучше от этого станет? Ведь сельчане вытаскивали своими сетями рыбу, которую турисские рыбаки все равно не выловили бы, по причине того, что река текла от Туриса к Ралльску, а рыбаки занимались промыслом в основном только в районе городской черты. То есть, рыба, плескавшаяся в водах за пределами города, гильдии уже не доставалась. Но благодаря сельским браконьерам гильдия имела прекрасный навар. И местный барон, на земле которого стояла деревня, тоже был не в накладе — большая часть денег, полученной от сдачи рыбы, перетекала в баронскую казну в виде налогов. А сами жители деревни в отличие от других крестьян, занимавшихся тяжелым трудом на земле, никогда не голодали, обильно питаясь полученным уловом.

И все было бы хорошо, если бы не ралльские солдаты, время от времени омрачавшие браконьеров своим появлением в их краях. Сельчане, конечно, наловчились прятать следы своей незаконной ловли (раз не члены гильдии, то ловля незаконна), но время от времени все же попадались с поличным. И тогда приходилось платить за понесенные ралльской стороне убытки. У кого-то были деньги, отложенные на черный день, кто-то отдавал скотину, а у кого не было ни того, ни другого (было, возможно, но очень жалко денег или лошадки), вот и приходилось отдавать кого-то из своей семьи. Для такого случая и взяли селяне к себе Тима.

Сколько было лет мальшу, когда его нашли, никто, конечно, не знал, поэтому, когда его приемные родители привели мальчика нагрывшим ралльцам, те первым делом спросили его возраст. Младше, чем шестилетних детей они не забирали, поэтому не удивительно, что про приведенного мальчика было сказано:

Шесть лет, только-только исполнилось.

Что-то на шесть лет он не тянет.

Мелкий просто, нам так жалко его отдавать, кровиночку нашу!

Мелкий... Ладно, пусть будет такой мелкий.

Довольные "родители" ушли к себе домой, где их дожидался родной ребенок семи лет от роду, а на дальней заимке, среди скотины односельчан, находилась и их лошадка. Да и в кубышке, запрятанной глубоко в подполе, имелись кое-какие монетки.

А Тим поехал жить в соседнее графство, в Ралльск. Здесь добытое в походе на браконьеров рассортировали, забрав большую часть добычи в графское достояние, а часть досталась потерпевшим от браконьерства — ралльской гильдии рыбаков.

Графский приказчик забрал себе, конечно, самое лучшее, отдав гильдии то, что похуже. Хуже, не хуже, но и от такого отказываться грех, почти всё и всех рыбаки разобрали по своим домам, кроме Тима, который не заинтересовал никого. Кому такой мелкий нужен? На лов с собой не возьмешь, да и в доме по хозяйству проку от него никакого. Был бы на пару лет постарше... Вот и отдали его за одну медную монетку одной семье с городской окраины.

Хенес, новый хозяин Тима, был мусорщиком. И стал маленький Тим, которому было то ли пять, то шесть лет, рыться вместе с такими же мальцами на городских помойках, выискивая то, что еще могло как-нибудь пригодиться. Да и на улицах тоже можно было что-нибудь найти. Те же деревяшки, щепки, ветки. Да — это мусор, но ведь он горит и горит хорошо, согревая в холодные ночи мазанки бедняков.

Но бедняки на то и бедняки, что живут бедно, нет у них денег, чтобы расплатиться с мусорщиком Хенесом за кучку деревяшек. Зато в обмен хорошо пойдут рыбные головы и всякие кости и хрящи, которые остаются после чистки рыбы. Какая-никакая, но еда.

После довольно сытной жизни в браконьерской деревне, Тим сразу же узнал, что такое настоящий голод. И потому без колебаний согласился на предложение соседских мальчишек, старших его на два, а то и на три года. Какое могло быть предложение в таких труппах, в которые попал Тим? Обычно все дело сводится к воровству, занятию не столько прибыльному, сколько чреватому последствиями. Вон в соседнем переулке зря что ли двое парней ходят однорукими? Здесь с ворами не церемонятся, разговор всегда короткий. И попадают в первую очередь такие вот зеленые несмышлениши.

Но предстоящую беду от Тима судьба все-таки отвела. Мальчишки предложили ему заняться... браконьерством. А что? Река рядышком, рыбы в ней навалом. И рыбу можно есть, в отличие от рыбных костей или голов, которые с голодухи обсасывались подчистую.

Однако если кто думает, что эти мальцы были единственными, кто смекнул легко добыть еды, то он глубоко ошибается. Окраины Ралльска значительны и во всех его концах жители голодают. Вот потому и мальчишеских бражек была не одна и даже не десяток. А раз такая конкуренция, то заветные места, где можно разжиться рыбкой, брались с боя. В прямом смысле слова.

И уважаемая гильдия тоже не сидела, сложа руки, поглядывая, как их рыбка достается кому-то другому. Рыбацкие дети возглавляли отряды по поимке малолетних браконьеров. А в отряды набирали таких же мальцов из трупп, с которыми они и боролись. В качестве

платы шла всякая рыбная мелочь, размером с палец. И палец не взрослого, а мальчика. Но и это было хорошей платой тому, кто вообще ничего не имел в миске на ужин.

Драки стали для Тима привычным делом. И если то один, то другой, а случалось, что и все его компаньоны после очередной неудачной стычки, постанывая, отлеживались несколько дней, а то и недель или даже месяцев, Тим уже на следующий день был свеж и готов к новым дракам. Пока он был еще мал и в поединках почти всегда оставался бит, внимания на себе не обращал. Ну, малец и малец, Ну, побили, видать не очень сильно, раз на следующий день ходит и не хромает.

Но когда Тиму стукнуло то ли девять, то ли десять лет (откуда ему знать, когда он родился?), вот тогда на него и обратили внимание более удачливые компании.

Тим к тому времени уже догадался, что с его телом что-то не так, как у его сверстников. А впервые обратил он внимание и задумался после одного случая в его мусорной практике. Устав от поисков всякой мелочи для растопки, решил Тим достать и принести большую и толстую жердь, которую он присмотрел в одном заборе, расположенном в нижнем городе. Жили здесь зажиточные люди. Это, конечно, по меркам городских трущоб. Но деньги здесь водились, вот и заборы ограждали своих владельцев от любопытных глаз, да и от ловких рук.

Присмотрел Тим жердочку, уже и выломал ее, да вот только не рассчитал ее вес и почти тут же был пойман хозяином дома. Маленького воришку хорошенько обиходили плетью, да так, что Тим почти весь вечер и большую часть ночи провалялся неподалеку в сильнейшем ознобе. Домой он приплелся только к утру. Рассказал всё, как было. Хозяин увидел порванную и залитую кровью рубашку. А вот следов от плетей не увидел. Такая мелюзга и врет! Да еще и одежду портит! Вот получил Тим и от хозяина.

А когда тот успокоился и Тим уполз на двор, то, как только там появилась хозяйская дочка, Тим задал девчонке вопрос о следах от плетей, полученных им накануне.

Да нет там ничего. Сейчас-то уже есть после папани. А когда ты пришел, ничего и не было, — ответила та.

Как так? А кровь же есть? И рубашка рваная после плетей.

Это ты где-то порвал и измазал кровью. А на спине ничего не было.

Совсем-совсем?

Были старые шрамы, только и те почти не видны.

После этого случая Тим стал обращать внимание на то, как быстро у него проходят синяки и заживают раны. И стал думать о причинах этому. А когда узнал, что у благородных и их ближников точно также моментально всё на них заживает, задумался уже совсем всерьез. Глупым он никогда не был и понять, что его предки, получается, были благородными, для него было не сложно.

А может быть, его отцом был сам граф Туриса! А почему нет? Побаловался со служанкой или какой-нибудь дочкой рыбака, вот та и родила Тима. Бастард, не признанный благородным, но с начальным даром! Отцом мог быть и какой-нибудь местный барон или даже ближник первого поколения. Ну и что, что ближник? Ведь ближник — тоже полукровка, чьим отцом был настоящий благородный. Тогда дед Тима мог быть графом или бароном. Но больше всего ему хотелось, чтобы отцом был граф. Его отец — граф! Граф Туриса! Почему Туриса? А на чьей земле его нашли? На турисской. Вот так-то.

Плохо только одно — тот, кто не может подтвердить свое происхождение, каким бы явным начальным даром он не обладал, для всех останется простым и ничтожным чумазым. А потому, помечтав с недельку, Тим вздохнул и смирился с мыслью, что он простой

чумазый. А дар — дар пусть будет, с таким даром никакие драки не страшны. Даже выбитые зубы заново вырастают. Приятели на это, кстати, внимания не обращают. Ну, выбили у Тима пару зубов. Так, молочных. А выросли уже настоящие, постоянные. А то, что некоторые зубы выросли уже не одному разу, приятелям совсем нет интереса этим интересоваться.

В девять-десять лет (он же не знает точный свой возраст) взяли Тима в сильную команду, которой частенько перепадало разжиться наловленной втихаря рыбкой. Чувство голода не прошло, но зато явно притупилось. Вначале Тиму доставались объедки, которым он радовался, а потом, по мере того, как Тим себя зарекомендовал в драках, стала доставаться и сама рыбка.

Вскоре он стал для своего возраста одним из лучших драчунов во всей округе. Остальные казались какими-то медлительными. Тим успевал заметить направление кулака противника и или блокировать его или увернуться и самому нанести удар, который валил врага с ног.

Быстроту реакции Тим тоже относил своему происхождению. Не случайно же, лучшие драчуны из чумазых ни в какую не сравнимы даже с худшими солдатами из касты воинов. Ведь мужчины этой касты тоже потомки благородных по мужской линии, только родство их более дальнее, чем у ближников.

С пацаном из воинской касты Тиму, наверно, и не справиться. Тех же обучают мастерству боя с шестилетнего возраста. Но он и не будет с ними соперничать. Не дурак же он? За то, что чумазый поднял руку на воина, чумазого ждала каторга. И это еще в том случае, если воин этого чумазого не зарежет.

А к двенадцати (или тринадцати?) годам Тима заприметили серьезные люди. Заплатили хозяину-мусорщику пару серебрянок и взяли его для участия в кулачных боях. Деньги новые хозяева зарабатывали очень приличные. И не столько на самом представлении, сколько на спорщиках. Об заклад зрители бились часто и охотно.

А кто победит, лучше всех знает хозяин. Прикажет, придется поддаться и тебе основательно наваляют, даже если ты намного сильнее противника. Только обманывать тоже надо с умом, иначе зрители, проигравшие деньги, соберутся, возьмут колья, да и наваляют и хозяину боев и самим участникам.

Когда Тим стал побеждать в боях парнишек на полголовы выше его, вот тут проигравшие сразу же и усомнились в честности поединков. На что хозяин предложил выставить против Тима кого-нибудь из их людей, что на целую голову будут повыше Тима. Те выставили. Одного, другого, третьего. И все уползали, утирая кровавые сопли.

Секрета в победе против крепышей у Тима не было. Да, они крепыши, да, выше и сильнее, да вот только драться совсем не умели. Да и почти не дрались в своей жизни. А если и дрались, то не в полную силу, без ожесточения, без желания не только победить, а как следует забить противника. Тим через это прошел еще в драках за рыбные места, а парни, чьи отцы выкладывали денежки в спорах на заклад, жизнью этому были не научены.

Тим доказал всем сомневающимся, что никакой подставы в его победах не было, а хозяин заработал еще денег, поставив снова на Тима, хотя почти все остальные спорщики бросились делать ставки на его великовозрастных противников. И снова проиграли.

Аппетит, как известно, приходит во время еды, так стало и с Тимом: соперники ему доставались все выше и выше ростом и старше возрастом, а вместо побед сплошняком пошли поражения. Хотя почему-то изредка ему удавалось хорошенько побить какого-нибудь здоровяка. И надо же случиться, что именно в этих случаях одним из немногих, кто поставил

на Тима, оказывался его хозяин или кто-то из хозяйских друзей.

Но победив здоровяка, уже в следующем бою, в котором ставки на Тима резко поднимались, новый соперник, не такой здоровый, но все равно намного крепче и сильнее, основательно отколошмачивал Тима.

На дар мальчишки хозяин обратил внимание случайно. В тот день Тиму досталось как никогда основательно. Если только ребра оказались сломаны, то это уже удача. Тим не смог доползти до своей лежанки, оставшись лежать неподалеку от места, где проходили кулачные бои. В этот вечер озноб бил его особенно страшно. Он пытался сопротивляться, но сейчас сил не хватило. И Тим понял, что скоро умрет. Он не ведал, почему к нему пришла такая уверенность. Но то, что жизнь уходила из его тела, он знал точно.

Однако судьба почему-то оказалась в этот раз к нему благосклонна. Мимо проходил один из помощников хозяина, который не прошел мимо, а почему-то остановился. А затем развернулся и направился к хозяину. Тот поверил словам своего человека. И понял, что Тим валяется не в пьяной ломке, а в самом что ни на есть процессе лечения организма начальным даром. Среди чумазных, хоть и очень редко, но встречались брошенные бастарды.

По приказу хозяина Тима тут же отнесли в его угол, накрыли толстой попоной, а затем, опять же по приказу хозяина, под попону забрались две местных работницы, в обязанность которых входили всякие работы по уборке места боев. Чтобы помочь согреться. С одной из них Тим уже имел близкие отношения, но в этот раз, конечно, ничего не было. Тут не до женских прелестей, тут бы выжить. И Тим выжил. И узнал, как в миру лечатся сильные раны, когда не хватает тепла, чтобы перебороть озноб.

С тех пор Тиму еще не раз ломали ребра, но спасало хозяйское лечение. А Тим стал задумываться о своем будущем. Причем не о каком-то там отдаленном, а самом что ни на есть ближайшем. Ведь сломанная шея не лечится, потому что дар не воскрешает из мертвых. А то, что рано или поздно он получит такой или похожий "подарочек", сомнений не было. Свидетельством тому пара погибших участников боев. И еще несколько человек, оставшихся калеками. Вряд ли сломанный позвоночник дар сможет вылечить. У благородных позвоночник, говорят, еще можно было срастить, только там тело требовало столько тепла, что одной попой и двумя женщинами, согревающими Тима, явно не ограничиться. Тим просто не выжил бы, умер бы, так и не поборов холод.

Надо было бежать, пока не наступила развязка. И главное — не попасться. Вот тогда, действительно, ему не жить. Убьют, сразу же при поимке замучив, или продлят на неделю-другую жизнь, позволив умереть на арене. Такие случаи были, Тим сам видел пойманных несчастных.

Когда в один из дней, проснувшись после очередного неудачного для него боя, Тим поковылял во двор, имитируя трудное выздоравливание, никто не обратил на него внимания. Тим же, выйдя со двора, также неспешно, подволакивая поврежденную во время вчерашнего боя ногу, поплелся в сторону соседнего переулка, а потом еще одного и еще. А затем больная нога чудесным образом вылечилась, и мальчишка дал деру в сторону ближайшего от городской окраины леса.

Теперь надо было определиться куда идти, где скрываться. Видно судьба была за то, чтобы Тим направился в Турисское графство — лес, куда он свернул, как раз тянулся в сторону Туриса. Придется день-два поголодать, но он к этому привычен. Когда он работал у мусорщика, дни, когда во рту почти ничего не было, случались хоть и редко, но ведь были же. Здесь же лес, но сейчас стоит глубокая, хоть и теплая осень, ягод уже нет, а для грибов

нужен костер. Однако в лесу, если постараться, можно найти звериные заначки. А потом, когда он отдалится от Ралльска, можно, набредя на какую-нибудь деревеньку, прикупить у местных жителей немного еды. Семь медянок, которыми он смог обзавестись за годы, проведенные в кулачных боях, от голода умереть не дадут.

Первые две маленьких деревеньки Тим обошел стороной — не настолько он был еще голоден, чтобы рискнуть засветиться. Если его будут искать, то люди хозяина могут обойти все селения, расположенные в районе Ралльска. Хозяин был человеком очень упертым и найти сбежавшего закупа (а Тим был закупом — его же привезли из браконьерской деревни в качестве платы за ущерб ралльской гильдии рыбаков) для него было делом принципа.

В третьей деревне, находящейся от Ралльска намного дальше, Тим за медянку купил хлеба и сыра. И пошел опять на восток. Еда давно уже закончилась, когда он вышел еще на одну деревню. Долго лежал за кустами, стараясь быть незамеченным, но своего дождался — почти мимо (сотня шагов — это немного) проходил местный мальчонка. Тим быстро сократил расстояние и сразу же задал вопрос:

Эй, малец, как называется ваша деревня?

Кочки.

Ну и название! А земли чьи?

Барона Ториуса.

Не слышал. А над ним кто старший?

Какой старший?

Ну, граф, значит.

Граф Дарвик.

А, понял. Слушай, а где поесть подкупить здесь можно?

А у тебя есть деньги?

Ага. Медянка.

Везде можно. У нас можно, только никого дома нет.

Понял.

Тим слышал про графа Дарвика. Это был турисский граф. Значит, он уже на землях Туриса. Замечательно! Вряд ли хозяин попрется искать его в соседнем графстве. Турис не Ралльск, здесь свои законы и свои хозяева кулачных боев. Теперь можно не спешить и особо не скрываться.

А за едой Тим направился к ближайшему дому. Кстати, выглядевшему совсем не бедно. В таких домах и корова есть и овцы бывают. А это молоко и сыр. Может и работники нужны. Тим был совсем не прочь остаться на зиму за кров и еду. Есть ли только кто дома? Есть! Поздняя осень — урожай давно собран, но тогда, получается, новый работник здесь не нужен.

Здравствуйте, хозяин, — Тим поздоровался, поклонившись дородному мужику.

Чего надо?

На медянку еды купить, — Тим достал заранее припасенную монетку, показав его хозяину.

Это можно. Стой здесь, сейчас вынесу.

Минут через пять мужик появился обратно. В руках полкаравая хлеба и кусок сыра. Есть! Правильно, что зашел именно в этот дом.

Тим, взяв еду, переминался с ноги на ногу, не зная, как спросить мужика о работе, а тот стоял, глядел на Тима, о чем-то думал, но тоже не уходил.

Сам-то откуда? — первым начал разговор мужик.

Сирота я. Вот хожу, ищу работу. За кров и еду.

Работу? — взгляд мужика стал задумчивее.

Да, хозяин. У вас не найдется?

Может и найдется, — медленно выговорил мужик. — Да, найдется. Сам-то что умеешь?

Да все, что скажете. Но как-то больше по рыбе.

Рыбы здесь нет. А другую работу найду.

Так Тим стал работником у крестьянина Палла. В доме кроме него еще проживали его жена, дочь с новорожденным мальчиком и мальчишка-сын лет восьми. Работы, несмотря на опасения Тима, было не очень много. Палл и сам с женой мог бы с ней справиться, но почему-то нанял Тима. Впрочем, достаток это позволял, а проедал Тим немного. Сколько поработал — столько и съел. В принципе, это справедливо. Тем более все равно ведь не голодно. Хоть и не сытно.

А через неделю, когда Тим возился во дворе дома, пытаясь тупым колуном расколоть кучку поленьев, появился хозяин и велел идти в лес, прихватив колун. Велел и велел, а что в лесу нужно делать, хозяин скажет позднее, когда подойдет. А пока Тиму велено идти в лес в сторону сосновой рощицы и там ждать хозяина.

Хозяин появился с часовым запозданием. Хозяину виднее, тем более Тим целый час, получается, бездельничал. А Палл, появившись, ни слова не говоря, огрел Тима по голове. И Тим потерял сознание. Очнулся он, лежа на земле со связанными руками и ногами, да и вовсе не в сосновой рощице, а где-то в другой части леса. Когда Тиму удалось перевернуться на другой бок, от увиденного он похолодел. Нет, это был вовсе не озноб. Просто перед лицом Тима лежал убитый человек в одежде воина и с залитой кровью головой. А рядом с ним лежал его колун и тоже весь в крови.

Сколько Тим так пролежал, он не запомнил. Но потом послышались голоса, и через минуту перед ним появилось четверо мужчин: хозяин Палл и трое воинов.

Чумазая тварь! — последовал сильный удар ногой в живот Тима, потом еще и еще.

Всё, охолоните, — приказал старший из них. — Его милость с ним разберется.

Так не помешает же.

А его сами понесете? То-то. Развяжите ему ноги, пусть сам до замка идет. А ты, — обратился воин к Паллу, — бери Заргни и неси его туда же.

Когда прошли с полкилометра, Тим немного успокоился и получил возможность нормально соображать. Убитого звали Заргни. Убили его колуном. Но это сделал не Тим. Кто? Ясно — Палл. Сам убил, потом позвал его в лес, где и оглушил. А в деревне что целый час делал? Опять же ясно — шатался, шумел, отводил от себя подозрение. И отвел.

Ведут его в замок к барону. Как там его? Барон Ториус. Кому поверит барон? Паллу и солдатам. А его за убийство солдата ждет смертная казнь, как и любого чумазого, осмелившегося поднять руку на человека из касты воинов. Попробовать сбежать не получится. Со связанными за спиной руками не убежишь. Не идти в замок, упасть на землю? Поднимут пинками, эти жалеть не будут. Придется идти. И Тим понуро шел к закату своей жизни. Видать, судьбу не обмануть, от нее не убежать. Не в Ралльске, так здесь ему предопределено умереть.

Войдя в замок, Тим получил хорошего пинка и пролетел несколько метров по двору, упав на землю. Подниматься он не стал, справедливо опасаясь продолжения избиения. Хотя, если не сейчас, то чуть позже это все равно его ждет. Убийство солдата — это серьезно.

Вот появился и благородный господин. Видать сам барон.

Эй, чумазый, говори!

А что говорить-то? Разве ему есть вера? А, так это барон не ему, а хозяину Паллу. Тот ведь тоже из чумазых, как и все крестьяне.

Ваша милость! Иду я в лес, а там этот убивец стоит перед убитым солдатом вашей милости и грабит его. Кошелек вытащил, собрался мертвого раздеть. Вот негодяй. Я к нему подкрался и оглушил. Потом связал и сразу в замок вашей милости.

Барон стоял с раздувшимися от возмущения ноздрями и с ненавистью смотрел на Тима. Если барон его сейчас спросит, то Тим попытается оправдаться, а если не спросит — то чтобы он ни скажет — все будет без толку.

Этому для начала плетей. Потом в подвал. Потом, если выживет, казнь при всех чумазых.

Ваша милость, а куда в подвал-то? В холодный или жаркий?

Дурак! Разве сейчас зима? В холодном еще не так холодно. В горячий его!..

Тим очнулся тогда, когда его спускали куда-то вниз по ступенькам.

Сейчас открою, подождите.

Ну и жара у тебя здесь.

А как же? Металл жары требует. Нет, нет, не так вносите. Ногами вперед.

А не все ли равно?

А как я его разгляжу — помер или нет? Чтобы разглядеть внутрь до самой стенки пробираться придется, а у меня и так печка все изжарила, да и не по разу. Тут на сотни жарок хватит.

Затем Тим почувствовал, как его роняют, и вновь потерял сознание. Очнулся он от страшной жажды. Через маленькое оконце, расположенное чуть ли не под потолком, виднелась крохотная часть неба со звездами. Значит, сейчас ночь. Он приподнялся и с трудом сел. Озноба не было, это значило, что спина зажила. Тим стал шарить вокруг и наткнулся на стену, моментально отдернув руку — настолько та была горячей. Стена с противоположной стороны оказалась значительно холоднее, и Тим передвинулся к ней.

По расслышанному обрывку разговора нетрудно сделать вывод, что его камера вплотную прилегает с задней стороны к печи. Вот оттуда и идет этот ужасный жар. Но, с другой стороны, жар от печи помог ему выдержать очередной озноб при лечении. Попади он в холодную камеру, то сейчас уже был бы мертв.

А что там сказал барон? Плети, потом подвал, потом, если выживет, то казнь. А ведь обычный человек без дара к быстрому заживлению ран сейчас по-прежнему валялся бы без сознания на этом полу. И не день-два, а не меньше недели. Но как в такой жаре выжить, да еще так избитому?

Тем временем темнота в оконце стала сереть, скоро рассвет. Этот местный, который велел, чтобы его положили лицом к двери, сказал, что будет проверять, жив Тим еще или нет. И как тогда быть? Скрыть, что он оклемался, притворившись стонущим? А дальше? В такой жаре скоро совсем изжаришься, так и в самом деле можно свалиться без сознания. Признаться? Тогда быстрее казнят. Или еще добавят плетей. А потом казнят, да еще не просто как, а с разнообразием. Благородные это любят.

Самому убиться? Ножа нет, веревки тоже, да и обо что ее привязать? От жары свалиться и умереть? А если не успеет? Придут и потащат наверх. Напасть на солдат? Он против вооруженных солдат? Из клана воинов? Даже не смешно. Хотя, откуда солдаты? Что там

этот местный сказал? Судя по всему, в одиночку будет проверять, жив Тим или нет. Но сможет он справиться с этим местным? Тот не из воинов, это ясно. Значит, обычный чумазый, приставленный смотреть за печкой. Шанс есть. А потом? А потом можно чем-нибудь вооружиться и запереться. Глядишь, начнут стрелы пускать и тогда убьют. Без мучений. Плохой вариант, но другие хуже.

Рассвет еще не наступил, как за дверью раздался шум, заскрипели запоры, а потом дверь стала медленно отворяться. Тим встал немного в сторону, и когда дверь открылась больше, чем наполовину, выскочил из-за нее. Перед ним стоял маленького роста мужичок с горящей палкой в руке. Это вместо факела? Тим сделал два быстрых шага и ударил мужичка в подбородок. Тот упал и не двигался. Надо же, с первого удара!

Тим выглянул наружу. Комната, не очень большая. Печка, в которой тлели уголья. А он ошибся, думая, что его камера примыкала к печке с тыльной стороны. Нет, боковая стенка печки и была той самой раскаленной стенкой в его камере. Впрочем, какая разница?

Взгляд Тима остановился на кувшине. Вода? Да! Тим с трудом оторвался от горлышка только тогда, когда опустошил большую часть содержимого кувшина. Теперь перетащить в камеру мужичка, который стал приходить в себя. Как раз вовремя — мужик крутил головой, не понимая, что с ним случилось.

Только попробуй вякнуть! Голову проломлю, — пригрозил Тим и запер дверь в камеру.

Потом он подобрал валявшийся на полу нож и осторожно выглянул наружу. Только-то светало, хотя всё было в потемках. В полусотне метров ворота замка. И открытые! А, это подвода выезжает. За припасами, что ли поехала. А ворота так и не закрылись. Почему? Ответ показался на другом конце двора — еще одна подвода не спеша выезжала из-за угла. И Тим решил. Он побежал к воротам, но не стремглав, не очень быстро. Спешит, хотя и не слишком торопится чумазый мальчишка. Какое дело солдатам до него? Мало ли чумазых посылаются баронским управляющим по всяким делам?

Теперь для Тима главное не нагнать уехавшую вперед первую подводу, а успеть свернуть в сторону. Вон слева видна стена леса, значит, ему бежать туда. Сколько Тим шел по лесу он не знал. Но ушел из негостеприимного замка, наверно, далеко. Верст пять, а то и десять отделяли его от замка барона Ториуса. Всё! Тим повалился на кучку еловых иголок и тяжело задышал. Только сейчас он понял, насколько сильно устал. Напряжение последних часов стало отпускать. Отдохнуть, а затем двигаться дальше на восток. Хорошо, что пять медянок сохранились, к вечеру можно выйти к какой-нибудь деревне и купить еды — он же сутки ничего не ел.

Отдохнув, Тим двинулся дальше. И почти сразу же наткнулся на местного жителя. Охотник что ли? меховая куртка, кожаные штаны и лук с наложенной стрелой, смотревшей в его сторону. Бросишься бежать — схлопочешь в спину стрелу.

Подойти поближе, — приказал чужак.

Тим приблизился и рассмотрел лесовика. В возрасте, хотя еще не старый. Сильный человек и взгляд уверенный и жесткий. На чумазого не очень-то похож. Не такие они. Хотя, если это лесник, то может оказаться и чумазым. Такому про барона говорить нельзя — вмиг отправит обратно в замок.

Откуда такой?

Я не местный, — Тим лихорадочно соображал, что же ему говорить, а о чем лучше промолчать.

Про жизнь в рыбацкой деревне говорить не следует. Она тоже на землях этого графства,

а там помнят, что его отдали в закупы. Про закуп следует молчать. Он же беглый, не известно, как к беглым здесь относятся. Хотя, к ним отношение везде одинаковое — беглый и есть беглый. За это и на каторгу запросто попасть. А самое главное — молчать про то, как он оказался в замке и как сбежал.

А откуда же ты?

Из Ралльска.

Вот как? Из самого Ралльска?

Да.

Ну и как здесь очутился?

Я сирота, жил у мусорщика. С голодухи и сбежал, надоело обсасывать рыбки головы.

Не очень-то ты похож на доходягу. Худощавый — да, но поджарый. Не люблю, когда мне врут.

Я не вру. У мусорщика и рыбки головы не всегда были. Так мы с соседскими ребятами рыбу доставали.

Воровали?

Нет, не воровали. Это же запрещено. В реке ловили.

Браконьерство хуже воровства. Рыбку, значит, кушал? А чего тогда сбежал?

Так не всё просто ловить-то. Кого поймают — кольями так обиходят! Ну, вот я и не захотел, чтобы меня кольями.

Понятно, — лесовик усмехнулся.

Он внимательно посмотрел на приблизившегося Тима и вдруг как-то посуровел. Затем шагнул вперед и сорвал нож с пояса Тима. Затем то ли взвесил его в руке, то ли просто посмотрел на нож, а потом взмахнул рукой и не глядя отправил нож в полет за свою спину. Нож, пролетев десяток шагов, воткнулся острием в сосну. Ого, какой мастак!

А лесовик схватил Тима за шею и поволок куда-то в сторону. Через какое-то время мужчина остановился и, достав кусок веревки, стал сноровисто завязывать узел на руке Тима. Потом он прислонил его спиной к дереву и, заведя свободный конец веревки за дерево, стал вязать его другую руку. В итоге Тим оказался плотно привязан к стволу.

Я тебя убивать сам не буду. Просто уйду. Здесь медведь шастает. И волчья семья свои земли обходит. Двоих волков я подстрелил, вот остальные и злятся на людей. К тому же вечно голодные — зверей здесь не очень-то осталось. Я их пострелял, да и сами волки погрызли. Если не сегодня, то завтра к утру они тебя найдут.

Дяденька, не надо. Ну, пожалуйста! Что я вам сделал-то?

А вранье я не люблю.

Но я в самом деле сирота и из Ралльска ушел.

Может и ушел, а что тут делаешь?

Иду дальше.

Тогда и я пошел. Через недельку вернусь. За веревочкой.

Тим понял, что лесовик не шутит. Сейчас он и в самом деле уйдет, оставив его на съедение волкам. Или медведю. А еще здесь и рысь водится. Такая смерть ничем не лучше той, что его ожидала в замке барона. А раз так, раз лесовик хочет правды, то Тиму терять теперь нечего.

Дяденька, подождите. Я еще из замка сбежал.

Какого замка? — мужчина остановился и с интересом посмотрел на Тима.

Замка барона Ториуса, так его зовут, кажется.

Значит, ты не из Ралльска?

Из Ралльска, но попал в замок. Меня казнить хотели.

Вот как? И за что же?

За убийство солдата. Якобы я солдата колуном в лесу убил. Только как мне с солдатом справиться? Это Палл сделал, а на меня свалил.

А кто такой Палл?

Селянин. Из деревни Кочки.

А сбежал как?

Меня в камеру, где печка посадили. А перед рассветом какой-то местный чумазый дверь открыл, я его кулаком и бежать. А ворота открыты, там подводы выезжали.

Складно у тебя получается. Прямо везунчик. Сам сочинил?

Дяденька! Это так и было!

Прощай, маленький лгун.

Дяденька! Ну, пожалуйста! Зачем мне такое на себя наговаривать?

И в самом деле, зачем? — лесовик снова повернулся в сторону Тима. — Ну-ка расскажи подробнее про свой побег.

Дверь стала открываться. Там жарница была, я еле живой от нее был. Ну, я к двери, а там этот, который за печью смотрит. Я его кулаком в подбородок. Тот упал и сознание потерял. Я его затащил в камеру и запер. А сам побежал к воротам. Одна подвода выехала, а вторая только в дальнем конце двора появилась. Вот я между них и проскочил.

Ты все сказал, ничего не забыл? — лесовик хмурился.

Всё. Ну, я еще там кувшин с водой у того мужичка нашел. Так почти весь и выпил. Еще нож подобрал.

Какой нож?

Так вы его забрали и в сосну кинули.

И где ты нож подобрал?

Там же, где печь была. Мужика того, наверно.

Лесовик двинулся к Тиму. Подойдя к нему, он стал развязывать ему руки. Что теперь он с ним сделает? Отправит к барону?

Складно у тебя получилось. Как в сказке, но я поверил. Если бы про нож не вспомнил, то ушел бы, оставив тебя здесь.

Лесовик скрутил веревку и убрал ее в свою сумку, висевшую на боку.

А вы меня разве вязать не будете?

Вязать? Зачем?

Ну, я же из замка сбежал.

Лесовик рассмеялся.

Нужен мне замок с его бароном. Я там тоже гостить не хочу. Плохо принимают.

А почему вы меня решили развязать и сказали, что это из-за того, что я вспомнил про нож?

На ноже баронское клеймо. Ставится только на оружие и ножи людей барона. Я подумал, что ты засланный.

А зачем?

Видишь ли, барону тоже не нравится, что дичи стало меньше.

Вы от него скрываетесь?

Пошли, сирота.

Куда?

Не бойся, не в замок. В пещерку мою.

Пещерка лесовика оказалась хорошо замаскированной землянкой. Довольно вместительной. Даже с небольшой печью в углу. Мужчина критически осмотрел Тима и приказал запалить костер, вынести наружу котел и натаскать воды.

Такому грязному нечего делать в доме.

Разве это дом? Но Тим не решился спорить, а потом понял, почему землянка названа домом. В ней живут? Значит, дом. А котел оказался бронзовым! Это же сколько он стоит! Даже у его прежнего хозяина, человека с деньгами, такого не было. Хозяин, не сам, конечно, а слуги-закупы, нагревали воду, опуская в глиняные сосуды раскаленные камни. Потом нагретую воду зачерпывали и перетаскивали в бочку. Вода от камней, раскалившихся в костре и измазанных золой, была грязной. Но хозяин в ней мылся. А после него чуть ли не в драку выстраивалась очередь поплескаться в бочке после хозяина.

Бочка имелась и здесь, но вода, благодаря тому, что нагревалась в бронзовом котле, была чистой. Тим первый раз так мылся. Потом очистив бочку и отнеся уже остывший котел в земляной дом, стал ждать распоряжения лесовика. А тот почему-то странно на него смотрел. Смотрел и хмурился.

Как тебя звать, парень?

Тим. Тимка.

Правильно — Тимка, так, с таким окончанием в имени называли чумазых люди из старших каст. Лесовик мог быть тоже чумазым, но он здесь хозяин, а значит и для него Тим — Тимка.

Меня можешь называть Лудвиг. Давно не ел?

Не заметить жадно бросаемые взгляды Тима на разложенную на маленьком столике снедь, было нельзя. Скорее бы Лудвиг начинал есть и побольше бы оставил объедков. Тим смотрел на большой кусок жареного мяса на большой кости, на плоску, судя по всему, с медом и пускал слюни.

Со вчерашнего утра.

Ну, это не много.

А если лесовик ничего ему не оставит, всё съест сам? Или не всё, но остатки уберет? Тогда можно пожертвовать медянкой. От денег никто не отказывался.

Лудвиг ел не спеша, время от времени прихлебывая из кувшина без ручки. По доносившемуся запаху Тим понял, что в нем вино. Хорошо же устроился лесовик! Браконьерствует на баронской земле, попивает вино и в ус не дует.

Насытившись, лесовик хитро взглянул на всё так же стоящего у выхода из землянки Тима.

Если голодный, садись — ешь.

Повторно приглашать Тима было не нужно, какое там — повторно! Он стремглав бросился к столу и тотчас же погрузил зубы в остатки мяса, еще основательно остававшиеся на кости. Еды, конечно, не хватило, но чувство голода удалось притупить. Но еще оставался мед — слишком дорогое для чумазого удовольствие. Мед, собираемый в лесу, шел на столы благородным господам, их ближникам и если что-то оставалось, то людям касты воинов.

Тим, закончив выгрызть хрящ, опасливо покосился на плоску, но тут же отвел глаза.

Можешь поесть меду. Только не всё съедай. Всё для тебя будет слишком много.

Разве это много для голодного парня? Но Тим понял, что лесовик имел в виду другое: он

же чумазый, с него хватит и того, что он попробует мед на вкус. Тим ведь никогда его не ел, только видел мед на столе хозяина, да и то пару раз, когда его допускали к нему после особо выгодных для хозяина победных боев.

А потом Лудвиг оставил Тима у себя ночевать в земляном доме. Потом еще и еще. Так Тим прижился на новом месте. Сытно не было, но ведь и не голодал — а это уже много, тем более погода шла к зиме. Где он еще найдет кров и пищу?

Отношения с лесовиком у Тима были несколько странные. Во-первых, Тим так и не понял, кто тот по статусу — чумазый или нет. Во-вторых, Тим не являлся Лудвигу работником. Зато на охоту тот его брал всё чаще и чаще. Прок от Тима, конечно, небольшой. Если честно, то прока вообще не было. Разве что дотащить до землянки подстреленного зайца или глухаря. Косулю как-то удалось убить. Вот здесь Тиму пришлось попыхтеть.

Когда выпал снег, Тим обратил внимание, что Лудвиг, выходя на охоту, стал немного хмуриться. Хорошо было бы спросить лесовика о причинах, но у Тима с ним пока еще не такие отношения, чтобы приставать с вопросами. А причина появилась перед ними через пару недель. Медведь-шатун. Злой и сердитый. Встав на задние лапы, медведь заревел и двинулся в их сторону. От его громкого рева Тиму стало страшно, хотя он никогда не был боязлив.

Лудвиг почти мгновенно выхватил лук и наложил стрелу. Тим уже не раз убеждался в мастерстве стрельбы из лука своего спутника. И в этот раз тот не промазал — стрела вошла в горло зверя, тот зарычал еще громче, бросившись на Лудвига. Лесовик достал свой нож — здоровенный тесак — и хладнокровно погрузил его в шею разъяренному зверю. Тот умер почти мгновенно, но в агонии успел зацепить своими когтями лесовика. От них даже не спасла прочная кожаная одежда.

Лудвиг повалился на снег рядом с убитым зверем. Беглый осмотр показал, что шатун распорол Лудвигу бок и нанес сильную рваную рану на правой ноге лесовика. Что делать, как поступать в этой ситуации Тим не знал. Они ведь одни в лесу, а раны смотрелись ужасно, да и кровь лилась не переставая.

Под курткой с левой стороны игла с ниткой. Протри раны снегом и зашей их. Да поторопись! А потом тащи меня в землянку.

Четкие приказы Тим умел выполнять. Делал всегда быстро и понятно. Вот и сейчас он хладнокровно зашил раны, уменьшив кровотечение, а затем с напряжением всех сил потащил Лудвига к землянке. Но что делать дальше? Лесовик был без сознания, а есть ли у того какие травы для лечения Тим не знал.

В деревне можно было найти какую-нибудь знахарку, вот та бы смогла помочь Лудвигу, но одному в лесу выходить лесовика при таких ранениях было сложно. Хорошо хоть, что они в этот день отделились от землянки всего на несколько сот шагов, а если бы ушли на несколько верст? Как бы он смог дотащить такого здоровяка?

В землянке Лудвиг пришел в сознание.

Затопи печь и по жарче, накрой меня всеми шкурами, — и снова отрубился.

Вот это да! Только теперь Тим заметил, что лесовика была знакомая ему дрожь. Тот самый сильный озноб при лечении. Что же получается? Лудвиг тоже, как и Тим, имеет начальный дар? Кто же он такой? Бесправный бастард из касты чумазых или самый настоящий ближник, почему-то живущий отшельником в лесу?

Так и не получив ответа, Тим быстро растопил печь и плотно укутал лесовика всеми шкурами, что нашел в землянке. А затем, вспомнив об убитом медведе, схватил тесак и

направился к месту поединка. Здесь он по-скорому разделал тушу и в четыре приема перетаскал медвежьи части к землянке, свалив их в яму, где Лудвиг хранил мясо. Сейчас зима, поэтому с мясом ничего не сделается, а заняться добычей он сможет позже, когда лесовик выздоровеет. Ждать-то недолго: два-три дня — за этот срок человек с начальным даром вполне справится с теми ранами, что оказались у Лудвига.

Вернувшись в избушку, Тим посмотрел на мечущегося в бредовом ознобе лесовика и не долго размышляя, сбросив куртку, полез под ворох шкур.

Проснулся он уже утром следующего дня. Лесовик спал, но уже был спокоен, хотя и бледен. Основной озноб прошел, можно и вылезать с ложа. Но только он шевельнулся, как Лудвиг очнулся, открыв глаза. Лесовик огляделся пока еще неосмысленным взглядом и задержал его на Тиме.

Медведя я убил?

Да, господин Лудвиг.

Надо бы его разделать, если еще не поздно и не набежали любители медвежатинки.

Я все сделал, господин. Разделал на части и отнес в яму. Яму закрыл. Сейчас холод, мясо не испортится.

А скажи-ка мне, парнишка, кто тебя надоумил меня согреть?

У вас есть начальный дар, я это понял. Раны были серьезные, поэтому я и решился. Я не прав? Тогда готов принять наказание.

Нет, почему же, ты поступил правильно. Редкие чумазые знают про это. А как сирота, приютившийся у мусорщика, об этом узнал?

Я видел, как вот таким образом помогли человеку с даром. Только там согревали две девицы.

Тим не наврал. Ведь это действительно было и было с ним. И он это видел. Но говорить, что этот человек — он самый, Тим не стал.

Да, здесь девиц не найти, разве что медведицу, — пошутил лесовик.

Уже на следующий день Лудвиг почти полностью выздоровел. Правда, немного хромал, но хромота пройдет через день. Так и получилось. Лесовик полностью оклемался, был, как и раньше, бодр и даже весел. Целый день он с Тимом коптил медвежью добычу, а вечером за столом впервые разрешил Тиму есть одновременно с ним и, даже достав вторую кружку, налил туда вина.

Почему Лудвиг решил раскрыться перед Тимом, парнишка не понял. То ли устал лесовик от одиночества, то ли просто решил довериться.

Ты знаешь, Тимка, я ведь ближник. Графский ближник. Но это было в прошлом. Сколько я лет уже в этой глуши? Наверно, больше десятка.

Лудвиг налил себе еще вина и почти залпом выпил всю кружку. А затем надолго замолчал. Тиму очень захотелось узнать продолжение истории жизни лесовика. Еще вчера он бы не посмел задать вопрос, но сейчас, сидя с ним за одним столом, Тим осмелел.

Вы были ближником туристского графа?

Туристского? — очнулся лесовик. — Нет, я был ближником его светлости ралльского графа Дженриса. В тот год графиня, взяв с собой сыновей, поехала в гости к своему брату. Я должен был обеспечить ее безопасность. Она решила погостить подольше и отослала меня обратно. Уезжая, я оставил двух солдат. А когда графиня возвращалась в Ралльск, то на туристской земле, неподалеку от границы с Ралльском на них напали бандиты. Двух солдат оказалось мало. Графиню убили вместе с одним из сыновей, а второй просто чудом остался

жив. За мою оплошность граф мог меня казнить, но ограничился только изгнанием. И вот я здесь уже больше десяти лет.

Я мог бы, как это делают многие, завербоваться в наемники. Жалованье получил бы хорошее, солдат в подчинение — ведь я как-никак графский ближник, хоть и бывший. Вначале я так и решил было, но в последний момент понял, что поступлю иначе. Вина моя перед графом слишком велика, чтобы беспечно прожигать жизнь в наемниках. И вот я здесь один в лесу, рядом с границей Ралльска. Сам не знаю, что я жду. Но если судьба даст мне возможность хоть как-то помочь графу, то я с радостью это сделаю. Хоть как-то, хоть чуть-чуть, но заглажу свою вину. Вот так-то, Тимка. Что-то я совсем заболтался. Видимо слишком долго жил бирюком.

Лесовик перед ним раскрылся, ближник перед чумазым! И ведь рассказал свое сокровенное. Мог ли теперь Тим и дальше скрывать свои секреты?

Господин Лудвиг, я тоже могу вам что-то рассказать. Про себя.

Хм. И что же ты можешь рассказать такого... интересного?

Когда позавчера вы меня спросили, откуда я знаю, как согреть людей с даром, я сказал, что видел, как две девицы это делали с тем человеком. И тот человек... это был я.

Человек? Ты? — Видимо Лудвиг уже перебрал вина, раз не понял смысла слов Тима.

Это у меня есть такой же дар.

Как? — Лудвиг моментально протрезвел.

Да, господин.

Ты хочешь сказать, что ты ближник?

Нет, господин, я из чумазых. А откуда у меня дар, я не знаю. Я же сирота.

Лудвиг смотрел на Тима каким-то странным взглядом, точно таким же, как тогда, в день встречи, когда Тим, отмывшись от грязи, вылез из бочки.

Не думаю, что ты врешь, ведь проверить наличие дара не трудно. Тогда откуда же он у чумазого? Родителей знаешь, помнишь?

Нет, совсем не помню. А дар, наверно, от какого-нибудь ближника, который переспал со служанкой. Или прачкой или еще с кем.

Может быть и так. А может быть и нет. Я и раньше заметил, что ты очень похож на одного человека. Из благородных. Теперь понимаю, откуда сходство.

Простите за наглость... это турисский граф?

Турисский граф? Почему ты так думаешь?

Я не знаю. Просто так. Ну, очень хочется, чтобы этот человек, который с моей матерью, ну... был бы графом.

Ишь ты какой, захотел оказаться графским бастардом?

Простите, я, наверно, слишком нагл.

Ладно. В конце концов, почему бы и не графский бастард? Очень может быть. Но все равно останешься чумазым.

Я понимаю. Если мой отец... простите, если благородный не признал меня и мать, то так все и останется. Я ведь даже мать не знаю.

Такова участь не признанных бастардов. Хоть трижды у тебя будь начальный дар, все равно ты чумазый.

На следующий день Лудвиг по-прежнему кликал Тима Тимкой, как и положено для чумазых, однако за стол вместе с собой усадил снова. Это повторилось и в следующие дни. И ел Тим не то, что оставалось после лесовика, а наравне с ним. Вот только вина ему не

предлагали.

Так прошло полгода. В один из теплых дней, вернувшийся из отлучки Лудвиг неожиданно спросил Тима:

Палла помнишь?

Как же Тиму не помнить того крестьянина, который обвинил его в убийстве солдата и сдал на казнь людям барона.

Помню, господин.

Не хочешь узнать причину почему он убил того солдата?

Хочу. Почему же?

Гулял тот с его дочкой, та и понесла. А этот дурень возомнил, что тот признает ребенка своим и будет мальчишка относиться к касте воинов. А солдат бросил потолстевшую после родов девку и с другой связался. Этот Палл, конечно, хитер. Сумел все спланировать, тебя найти, подставить. Но все равно дурень, дети чумазых от связи с людьми касты воинов при любом раскладе будут чумазыми. Только если понесут от ближников, вот тогда мальчишки могут быть отнесены к воинской касте, да и то, если ближники их признают. Хочешь отомстить Паллу?

Не знаю. Раньше хотел, а теперь как-то успокоился.

Впрочем, если ты и захотел бы, то мал еще, не справишься. Надо будет поучить тебя владеть оружием.

А можно? Я же чумазый.

Можно, можно, в отдельных случаях это допускается, хотя и не с мечом. Но с мечом я и не буду. Начать можно хотя бы с лука.

Но учеба длилась не долго, чуть больше месяца, потому что вскоре им пришлось в спешке покинуть обжитое место — баронская облава на дерзких браконьеров, поселившихся на земле барона Ториуса. И судя по всему, возглавляемая самим бароном. И спрятаться не удастся — вон как заливаются дружным лаем гончие.

К темноте им удалось оторваться от погони, но уже к полудню следующего дня преследователи появились снова, и число их заметно увеличилось — к охоте на двуногую дичь присоединились и соседи барона.

Вот что, Тимка, нам надо разделиться. Мне уйти будет легче. Или спрячусь так, что не найдут, или подстрелю пару собак с загонщиками и уйду через брешь. С тобой уходить будет сложнее. И пользы от тебя никакой. Уходи первым, а я здесь задержусь и уведу погоню в сторону. Вот только уходить тебе почти некуда. В Ралльск хочешь вернуться?

Не знаю. Не очень как-то.

А мне и вовсе нельзя. Да и с той стороны как раз наши загонщики. Значит, на запад дороги нет. На востоке Турис. Боюсь, как бы нас туда специально не загоняют. И на юг не пойдешь, там река. Плавать умеешь?

Умею.

Ну, да, да, раз рыбкой баловался... Можно, конечно, тебе уйти через реку на юг, только противоположный берег голый и река широкая. Достаточно нескольких лучников — подстрелят. Поэтому остается только идти на север, а там Меленвиль, столица герцогства. Город большой, нечета Ралльску, легко можно затеряться. Ты понял?

Да, господин Лудвиг. А как же вы?

А что я? Не знаю еще. Может, в догонялки поиграю, а может, тоже в Меленвиль подамся. Посмотрим.

Путь до герцогской столицы занял целую неделю и забрал четыре медянки. Последнюю пятую монетку Тим потратил уже в пригороде Меленвиля, не решившись перебраться через городские ворота. Впрочем, внутри стен жили представители трех старших сословий, а из чумазых — только зажиточные люди. А вот пригороды, число жителей которых явно превосходило жителей внутреннего города, как раз и состояли сплошь из чумазого сословия. И большая часть этих пригородов являла собой трущобы, хорошо известные Тиму по жизни в Ралльске.

Первую ночь парнишка провел на улице, свернувшись калачиком у какого-то забора. Кстати, в Ралльске забор давно бы разобрали на дрова, а здесь, к его удивлению, почему-то никто не польстился на бесплатную древесину. Неужели в Меленвиле нет мусорщиков?

Ответ на этот вопрос он узнал на второй день пребывания в городе, когда разговорился с местными подростками. Оказывается, за пределами городской стены указом герцога было запрещено разведение огня. Ведь в случае пожара, огонь охватил бы огненным кольцом весь город. Раньше такое уже случалось и несколько раз благородные, живущие во внутреннем городе, гибли в огне, не имея возможности прорваться сквозь стену пламени.

Чтобы получить разрешение зажигать печи (в тех же постоянных дворах), хозяева должны были купить патент на право огня, стоивший довольно дорого. А если учесть, что в пригородах, иначе говоря, в трущобах, жили в основном нищие и бедняки, то такой патент был им не по карману. Вот и ели здесь холодные растирки из дешевой муки, смешанной с древесной корой.

На вторую ночь Тим присмотрел полуразвалившуюся сараюшку, стоящую с обвалившейся крышей. Во время дождя здесь ничто не спасет ночующих, а кучки прелой соломы, ранее служившие настилом крыши, моментально должны были раскиснуть, впитав всю воду. Зато при солнечной безоблачной погоде внутри сараюшки все высыхало за несколько дней, и ночевка в ней была явно предпочтительнее, чем ночь, проведенная на улице.

Бродя по узким, часто тупиковым улочкам местных трущоб, Тим остановился передохнуть, тем более уже стало темнеть. Прижавшись спиной к боковой стенке чьего-то дома, Тим достал последние остатки еды и не спеша стал жевать. Теперь ни денег, ни еды у него не оставалось.

Хоть и стемнело, но луна была почти полной, и Тим увидел примерно в полусотне шагов на узкой дороге две фигуры, идущие в сторону забора, протянувшегося перпендикулярно стене дома. Их видно было хорошо, но сам Тим оставался в тени стены, луна до этого места не достигала, и парнишка был не виден для появившихся людей.

Один человек, что выше ростом, остановился, а второй, ниже первого на целую голову, прошел дальше. А к высокому присоединилось еще трое. Дальше они с низкорослым о чем-то говорили, но до Тима долетали только ничего не значащие обрывки слов. А затем, к его удивлению, трое, мужчин, подошедших чуть позже, шагнули вперед, обнажив длинные и узкие мечи.

Низкорослый, а Тим разглядел, что это подросток, одетый довольно богато, нагнулся, подняв с земли палку. И начался поединок. Три меча против палки. Трое взрослых, судя по всему солдат, против паренька его лет. Чем закончится неравноправная дуэль, для него было ясно. Да и какая это дуэль — обыкновенное убийство безоружного.

Но парнишка оказался мастером боя — не прошло и пары минут, как все три противника выбыли из строя, выронив мечи. А один из них и вовсе свалился на землю, еле

шевелиясь на ней. Тиму парнишка ужасно понравился — ему самому и с одним из этих взрослых не справиться бы, а тут парень положил троих. Ну, почти положил, потому как один, действительно, лежал на земле, а двое выбыли из боя, схватившись за поврежденные места.

Но оставался еще четвертый, тот самый, с которым пришел в это безлюдное место парнишка. Этот человек не спеша двигался вперед, вытащив меч, которому парнишка мог противопоставить лишь две половинки своей уже перерубленной палки.

Взмах рукой с мечом и у парнишки в руках остался маленький обрубок. Даже не обрубок — щепка какая-то. Парень отступил назад, подойдя вплотную к забору, мужчина же, сделав еще несколько шагов вперед, спокойно погрузил свой меч в грудь парнишке. Тот вскрикнул и стал оседать на землю. А убийца, вытащив меч из тела парня, медленно направил его в сторону живота своей жертвы.

Тиму стало жаль парнишку, столь умело оказавшего сопротивление своим убийцам, но что он мог сделать? Ничего, только смотреть на последние мгновения жизни неизвестного ему парня.

Убийца, слегка оттянув назад правую руку, ткнул мечом в живот парню, но повстречал пустоту. Тот каким-то образом провалился через дыру в нижней части забора на другую его сторону. Мужчина, видимо, опешил на пару секунд от неожиданности, и этих двух секунд парнишке хватило, чтобы отползти подальше от дыры в заборе. По крайней мере, убийца никак не мог дотянуться своим мечом до лежащего по ту сторону забора парня. Затем мужчина попытался протиснуться в дыру, но комплекция не позволила.

Что делал парень, Тим уже не видел — убийца и подошедшие к забору двое его спутников, закрыли Тиму весь обзор. Если бы убийца не стал пытаться пролезть в дыру, то, наверно, он смог бы настичь раненого парня, выломав забор. Это оказалось, кстати, сделать нетрудно, но к несчастью для убийц, их главарь застрел в дыре и понадобилось какое-то время, чтобы вытащить его обратно.

Когда убийцы выломали часть забора, потратив на это всего несколько секунд, парень успел скрыться. Тим слышал крики мужчин, то приближающиеся, то удаляющиеся. А спустя четверть часа убийцы вернулись. Их четвертый спутник уже пришел в себя и Тим смог расслышать слово, выкрикнутое главарем: "Упустили!".

Значит, парнишке удалось скрыться. Молодец. Вот только что с ним будет дальше, ведь Тим видел, как главарь наносил парню удар в грудь? И если у парня поблизости нет надежного убежища, то с такой раной не выжить. А ведь здесь вокруг трущобы. И помощи ждать неоткуда.

Глава 3

Когда четверо убийц ушли в ту сторону, откуда пришли, Тим осторожно выбрался из тени и, оглядевшись по сторонам, пошел вдоль забора. Он знал, что тот должен скоро закончиться, затем он свернет налево, потом направо и окажется у приглянувшейся ему сараюшки. Так он и сделал.

Пробравшись через лаз внутрь своего убежища, он оторопел. Внутри сараюшки в свете луны, удачно освещавшей большую часть внутренности сарая, на земле, слегка засыпанный прелой соломой, лежал тот самый парнишка. Правая его рука крепко прижималась к левой стороне груди и была вся в крови, а сам парень, находясь в глубоком забытье, сильно дрожал, периодически выбивая зубами крупную дрожь.

Да, было от чего опешить. И от неожиданной встречи и от того, что его гостем в эту

ночь стал сверстник с таким же начальным даром, что и у Тима и лесовика Лудвига. Но Тим-то из чумазных, а этот... этот... да, точно — этот-то из благородных или на худой конец из ближников, если судить по богатой, хотя и заляпанной кровью одежде.

Как дальше поступить, у Тима сомнений не было. Он по-быстрому собрал с пола и даже с остатков крыши, куда он смог дотянуться, солому и равномерно укрыл ею парнишку. А затем осторожно лег к нему под получившееся соломенное одеяло. Рана была серьезная, а здесь нет ни жаркой печки, ни толстой попоны или меховых шкур. Только солома и он, Тим.

Лудвиг, когда как-то зашла речь об имеющемся у них даре, сказал Тиму, что главное в этом лечении — чтобы справилось сердце с холодом, который вырабатывает тело человека при затягивании полученных ран. Чем сильнее раны, тем больше требуется времени и сил, которых совсем не хватает на обогрев тела. А значит, дольше и сильнее озноб. Если сердце не справится с холодом, то тогда смерть.

Рана у парня, видимо, была серьезная, да и как иначе — меч пробил грудь, хорошо, что не задел сердце. А на лечение серьезной раны нужно больше тепла. И еще нужно сильное сердце. Выживет ли парень — через несколько часов, если не раньше, станет известно.

Тим почти всю ночь не спал, стараясь отдать раненому как можно больше тепла, задремав только под утро. Поспав всего, наверно, не более двух часов, Тим окончательно проснулся. Парень был жив и озноб его все еще бил, но совсем не так сильно, как ночью. Правая рука раненого уже давно сползла с груди, открыв рану. Свежей крови не было, а что творилось внутри, Тим смотреть не стал. Да и не разбирается он в этом. С этим даром тело само справится и сделает это быстро. Тим, сняв свою замазанную кровью одежду и наскоро оттерев кровь соломой, переоделся, достав из мешка запасные рубашку и штаны.

Что дальше делать, он не знал. Денег нет, еда кончилась. Но если он отсюда уйдет, не ровен час, кто-то заглянет в сарай и увидит раненого парнишку. В хорошей одежде. Многие, кого он знал по Ралльску, не преминули бы избавить парня от одежды, благо тот все еще не пришел в сознание. А если и пришел бы, то вполне могли бы его оглушить и сделать свое дело. Поэтому Тим решил остаться в сарае, дождавшись, когда его спутнику полегчает.

Решение оказалось правильным. И выяснил это Тим уже через полчаса. Неподалеку раздались голоса, Тим прильнул к щели в стене сарая и увидел двух мужчин в одежде наемников, идущих вдоль переулка и явно что-то ищущих. Те самые убийцы! И ищут парнишку.

Сарая не минуют, обязательно заглянув в него. И Тим выполз из лаза, почти столкнувшись с наемниками.

Эй, малец, ты здесь мальчишку не видел? Богатенького, но раненого.

Богатенького? — Тим притворно удивился. — Здесь богатые не водятся. Это надо туда, за городскую стену. И раненых никого нет. Разве дядька Перро, но он живет в другом конце нашей улицы.

Нет, нам нужен пацан. Если увидишь или узнаешь, где он, то получишь серебряную монету. Понял?

Ого! Понял.

Наемники, не заглянув в сарай, пошли дальше. А Тим решил остаться снаружи — кто знает, не вернуться ли наемники обратно? Да и местные, соблазненные наградой, могли начать обыскивать все в округе. Серебрянка для этих трущоб была очень большими деньгами. В Ралльске в трущобах за нее могли и убить.

Но никто больше не появился — сарай стоял на некотором отшибе от обычных путей

передвижения местных обитателей. А в середине дня, когда Тим в очередной раз заглянул внутрь сарая, раненый очнулся. Пора бы, кстати.

Парень смотрел непонимающе на Тима, а Тим, решив помочь ему разобраться, начал разговор первым.

Привет! Меня зовут Тим. Я вчера видел, как тебя ранили, а когда забрался сюда внутрь, то нашел тебя. Ты был без сознания. И с сильным ознобом. Как сейчас, легче стало?

Да, — коротко ответил парень.

Тебе повезло. Ну, в том, что дар есть, и то, что я тебя обнаружил. При такой ране люди не справляются с холодом.

Парень молчал, воспринимая сведения.

Ты благородный или ближник?

Не знаю.

Как, и ты не знаешь? Ты сирота?

Парень кивнул головой.

Вот это да! А почему у тебя такая одежда?

Какая такая?

Богатая. Ты же чумазый.

Что? Да как ты, негодяй, смеешь!

Парнишка, до этого отвечавший тихо, вдруг встрепенулся, в глазах полыхнул гнев, он хотел вскочить, но дернувшись, охнул и остался на прежнем месте.

Ты чего это? Так ты не чумазый? А чего же тогда голову мутишь, говоришь, что сирота?

Я — сирота.

Ну... Я ничего не понял. Сирота, но не чумазый. Тогда кто же ты?

Я виконт Ралльский. Виконт Эвард Ралльский.

Ого! Настоящий благородный? Виконт!

Но теперь не виконт. Ближник.

Как это? Ближники не благородные, а виконты благородные. Или я чего-то не понимаю?

Так и есть, только это длинная история, и не для чумазных ушей.

Виконтам, конечно, видней, — немного обиженно сказал Тим. — Так ты ралльский виконт? Но учти — здесь не Ралльск, а Меленвиль. У тебя в Ралльске свои чумазые есть. А мне здесь делать нечего. Пойду-ка я отсюда.

Тим, уже почти забравшись в лаз, обернулся. Виконт, бледный-бледный, молча смотрел на него. А он, получается, его погубит. Убийцы могут скоро вернуться и тогда... Уж больно хорошо тот дрался с наемниками.

Тебя, между прочим, ищут.

Кто? — вырвалось у парня.

Двое спрашивали. Одежда наемников. Интересовались, не видел ли я мальчишку в богатой одежде и раненого. Обещали серебрянку, если укажу где он.

И ты?..

А что я? Разве не видишь?

А что я должен видеть?

Наемников не видишь? Чего тогда спрашивать?

Ты отказался от денег?

Да.

Парнишка правой рукой скользнул под куртку.

Ты отказался от серебрянки, надеясь на золотой? Ты его получишь.

Нужен мне больно твой золотой.

А сколько же? Два? Три? Сколько же ты хочешь, чумазый? — презрительно спросил виконт, слегка выпятил нижнюю губу

Нисколько. Не нужны мне твои деньги.

А что тогда ты хочешь?

Да ничего мне от тебя не надо.

Не ври! Все вы, чумазые, лгуны. Порода такая.

Знаешь, что? Да пошел-ка ты. Сказал, что ничего от тебя не надо — значит, не надо. Я даже не знаю, есть ли у тебя деньги.

Деньги у меня есть.

Считаешь меня ничтожеством?

Ты же чумазый. Как же иначе?

А так. Что мне стоило забрать твои деньги, когда ты валялся без сознания? И одежонку всю снять. А потом еще и серебрянку заработать. Понял?

Нет. Не понял. Почему же ты меня не ограбил?

Эх, стоило бы. Хотя все равно грабить бы не стал. Помочь решил тебе, потому что понравилось, как ты дерешься. Один с палкой против троих с мечами. Хорошо! Мне бы и с одним не справиться. Зараз бы меня зарезали.

Справиться с солдатом из касты воинов захотел! Куда тебе до них. А уж до благородных и вовсе не мечтать.

Не мечтать, говоришь? А на кулачках, как, слабо?

Хочешь со мной на кулаках? Видишь же, что мне не встать. Чумазый!

Вижу. Так не сейчас, а когда поправишься. Дня через три.

Хорошо. Я раньше смогу тебя поставить на место — дня через два.

Через два — так, через два.

А пока я тобой не занялся, принеси мне вина и еды. Мяса, сыра.

Чего? Где я тебе их возьму?

Купи.

Купи? А на что?

Парень снова засунул руку под куртку и вытащил кошелек. Но левой рукой двигать не мог, поэтому развязать кошелек не смог.

Помоги. Развяжи.

Тим развязал кошелек, а виконт, засунув пальцы внутрь, через несколько секунд выудил оттуда серебряную монету.

На, держи. И быстро дуй за вином и едой, горло совсем пересохло.

А у тебя только такие?

Золото хочешь?

Нет. Пару медянок. Здесь с серебром опасно появляться. А далеко уходить опасно. Вдруг опять твои приятели появятся.

Кажется, там должно быть несколько медянок. Сдачу на постоялом дворе дали. Думал не брать, но заторопился и засунул в кошелек. Где же они? А, вот.

Виконт выудил из кошелька три медных монетки, которые перекочевали Тиму. Через полчаса он вернулся, неся в руках покупки. Несколько грязных морковок, пару луковиц,

зеленые мелкие яблоки и кувшин с битым горлышком, в котором что-то плескалось.

Вот! Всего за медянку, две еще можно завтра потратить.

Что это?

Как что? Еда.

Ты надо мной, виконтом Ралльским, смеешься?

То виконт, то ближник. Сам не знаешь, кто ты, а что-то хочешь от меня. Чем тебе это не еда? Морковка грязная, но мы ее сейчас соломкой почистим.

Я же велел тебе купить вина и мяса с сыром.

За медянку? За три? И где я тебе это достану? Это же район нищих и бедняков.

Постоялый двор где-то здесь.

Ага, и что я там скажу: для благородного раненого пацана?

Виконт смутился.

Действительно, я не подумал. Но почему не мог купить того же хлеба? Здесь что хлеба нет?

А ты знаешь, нет. Не едят хлеб.

С каких пор хлеб стал дорогим? У меня в замке слуги ели хлеба сколько хотели. И управляющий говорил, что обходится дешево.

Хлеб надо выпечь, а разводить огонь в пригороде запрещено. Для этого патент надо иметь. А на него денег ни у кого нет. Местные вместо хлеба едят холодную болтушку-протирку. Я попробовал — такая гадость. А ведь я из чумазах.

Им лень печку, или что там у них для выпечки, поставить за пределами города?

Так нельзя же.

Кто запретил?

Не знаю, может, герцог. По меленвильским законам печь хлеб могут только мастера гильдии хлебопеков. А остальным нельзя. Хорошо, если только плетей получают за неповиновение.

Если ты наврал, желая оскорбить герцога — моего двоюродного деда, то тебя ждет хорошая порка. Но если это правда, то... я не понимаю... ничего не понимаю.

Вот еще, нужно мне тебе врать. Так ты родня герцогу? А чего же тогда тут? Он что не знает?

Не знает.

Тем временем, Тим очистил морковь от грязи, отшелушил луковицы и протянул покупки виконту, которого уже успел напоить водой из кувшина. Раненый отодвинул луковицы, а морковь, хоть и с кислым выражением лица, но есть стал. Тим вздохнул и принялся за лук. Отказался виконт и от яблок — те оказались слишком кислыми. А Тим съел их с удовольствием, вместе с сердцевинкой. Для него такая еда была привычной.

За следующие два дня рана виконта затянулась, и тот уже мог легко передвигаться по сараю, разрабатывая левую руку. Тим почти все время проводил снаружи, отшугивая местных жителей, судя по всему, возжелавших заработать серебрянку. Ну, и конечно, ходил за едой, стараясь купить то, отчего виконт не отвернулся бы.

Разговаривали они мало, да и то это делал в основном Тим, а виконт просто молчал, то ли о чем-то думая, то ли просто не замечая чумазого. За эти два дня Тим успел простирнуть свою испачканную кровью одежду и даже высушить ее.

Совсем подлечился? Завтра уходишь? Только, ваша светлость, ищут тебя. До сих пор шныряют вокруг. Увидят парня в богатой одежде, да заляпанной кровью, вмиг схватят и

отдадут наемникам за серебрянку.

Не так просто им будет схватить. Выломаю палку, даогрею чумазые спины.

Ну-ну. Может, иогреешь, а может, и тебяогреют оглоблей по спине.

Так что же мне вечно здесь сидеть?

Переодеться надо тебе.

Во что?

Вот в мою вторую одежду.

Что? В одежду чумазого?! Да как ты смеешь такое предлагать!

Ну, а чего такого? Хочешь жить — оденешься. Тем более она чистая, сам вчера простирнул.

Ты ничего не понимаешь! Мне одеть на себя то, что носил чумазый? Это все равно, что соприкастаться с тобой телом!

Вот как? А как ты думаешь, как ты сумел холод пережить? Почему в ту первую ночь не окочурился? А?

Как? Ты хочешь сказать, что ты лег со мной?

Да. И спас тебя.

Сильный удар в челюсть отшвырнул Тима в угол сарая, а Эвард бросился добивать оскорбившего его человека. Тим пропустил еще пару ударов, прежде чем сориентировался и, уклонившись от очередного кулака виконта, ударил в ответ. Пару минут они дрались на равных, но потом инициативой полностью завладел Тим. Он давно был хорошим мастером кулачных боев и уличных драк. А Эварда учили биться на палках, но отнюдь не на кулаках.

После того, как из носа виконта потекла струйка крови, а левый глаз совсем заплыл, Тим прекратил драку. Эвард уже совсем не оказывал сопротивления.

Ты, ты, да я тебя...

Но через несколько минут Эвард чуть поостыл и стал воспринимать ситуацию адекватней.

А ты неплохо дерешься для чумазого. И без подлых приемов. Хотя все равно драка была нечестной. Но раз ее начал я, то претензии снимаю.

Какие претензии? Чумазый ответил благородному?

А разве не так? За это, между прочим, и казнить могут. Но я о другом. Я-то бил только одной рукой, правой. Левая еще плохо работает.

Так и я бил одной правой. Разве не заметил?

Не совсем, не до этого было. Хотя теперь припоминаю. Да, действительно, ты дрался одной рукой. А почему?

А чтобы ты не говорил, что драка нечестная.

Хм. Интересно. И странно для чумазого. Но все равно у тебя было преимущество. Я ведь левша, правой рукой я не так хорошо владею, как левой.

А я, значит, бил правой и, получается, имел преимущество?

Да.

Ты левша?

Я же сказал, что левша.

И я левша.

Врешь!

А зачем мне врать?

Все чумазые лгут. И среди них не бывает левшей. Даже среди благородных нас, левшей,

меньше, чем правой.

Хочешь верь, хочешь нет, но я левша.

Ладно, это ведь проверить не трудно. Значит, левша? Ты хорошо дерешься и ты должен меня научить этому.

А ты меня научишь драться палкой? У тебя уж очень тогда хорошо получилось.

Ладно, обмен на обмен. Так ты меня согревал?

Было дело. Иначе помер бы ты.

Помер бы. Но то, что ты сделал, это оскорбление для благородного. Самое сильное. То, что ты поднял руку на благородного... Это случается. В тех же сражениях, когда враг сгоняет чумазых в заслон. Поэтому я буду считать, что здесь было сражение. Маленькое. Но вот то, что ты совершил, когда я был без сознания... Ты разве не знал?

Не знал. А откуда мне знать?

Но я еще не знаю, кто я, благородный или ближник.

Как это не знаешь?

Мой отец — граф Ралльский. Его недавно убили, и дядя объявил его самозванцем, человеком не прошедшим Пробуждение. А значит, я — ближник, а не благородный. Но я-то знаю, что отец имел основной дар, то есть он был благородным.

И теперь что?

Теперь мне надо встретиться с герцогом, чтобы он подтвердил, что отец не самозванец.

А герцог знает, что твой отец не самозванец?

Дядя обвинил бабушку, первую жену дедушки в том, что она скрывала, что не благородная. От нее и отец якобы не благородный. Но бабушка — родная сестра меленвильскому герцогу. Теперь понял?

Теперь понял.

Ладно, давай твою одежду. Это урон чести для благородного. Но учти, как только я восстановлю свои права, коронуюсь графом, я должен буду тебя наказать за поругание моей чести. Это я сразу говорю.

Ладно, валяй. Только где ты меня будешь искать? Уйду я отсюда.

Э-э... это дело серьезное. Тебя будут искать.

Ищите. Значит мне не судьба.

Это ты о чем?

Не судьба научиться драться на палках. Провожу завтра тебя до городских ворот и уйду. Переодевайся, а свою одежду сложишь в мешок. В городе обратно оденешь.

Когда виконт надел запасную одежду Тима, тот внимательно оглядел его и присвистнул.

Ты чего?

Вылитый чумазый. Да еще какой! Ни один твой преследователь ни за что тебя не узнает. Нос набух, синячище такой.

Посмотрел бы ты на себя, красавец. Сам не лучше. А завтра у меня от синяков ничего не останется. У меня же дар. А вот ты будешь таким красивым ходить еще неделю, не меньше.

Ты так считаешь?

Виконт хмыкнул.

Поспорим, что не буду?

Чего-чего?

Поспорим, что завтра у меня синяков не останется?

А у тебя есть на что спорить?

Нет.

Потому и спорить хочешь?

Есть, что заложить. Если я проиграю, то завтра не исчезаю и даю тебе возможность твою честь сохранить.

Ты хоть знаешь, что тебя ждет?

Не очень. Плети что ли?

Не только плети.

Я готов спорить.

Или ты глуп или завтра хочешь сбежать, нарушив слово в споре. Я знаю, что чумазые подлые. Но чтобы тебя заинтересовать, я ставлю содержимое этого мешочка против твоей спины, и не только спины. Согласен?

Согласен. А сколько там денег?

Десять монет.

Неплохо.

Неплохо? Ты хоть знаешь, о каких монетах я говорю?

Ну. О серебре.

Десять золотых, еще три серебрянки.

Золото?!

Золото. Теперь ты знаешь, что я поставил в залог. Конечно, всё равно нарушишь слово и сбежишь. Но теперь увидев это золото, долго не успокоишься. Вот смотри, что в мешке.

Это все твои деньги?

Что, мало тебе?

Нет, я не про это. Если я выиграю, ты же останешься без денег.

Размечтался выиграть. А хоть бы и так? Завтра я буду уже в замке двоюродного деда. А ты или уйдешь в бега, либо будешь сидеть на цепи в подвалах замка.

Как тебе хочется мою спину отхлестать.

Это дело чести.

Хорошо, раз ты настаиваешь, то спорим.

Тим протянул Эварду руку, которую тот с некоторой задержкой пожал и тут же разбил рукопожатие.

Тим знал, что с его даром завтра все синяки исчезнут, но откуда виконту догадаться, что чумазый нищий мальчишка имеет такой же, как и у него, благородного, дар? Тим вначале не хотел обманывать виконта (а это все же обман), отнимая у него все его деньги, да еще какие громадные деньги! Но тот сам настаивал на этом споре. И еще Тиму не понравилось, как Эвард хочет его отблагодарить за спасение виконтовой жизни.

Весь остаток дня оба парня посматривали друг на друга с плохо скрываемыми усмешками. А утром проснулись и, улыбаясь, взглянули друг на друга. И если улыбка Тима стала еще шире, то Эвард раскрыл рот от изумления. На лице Тима синяков не было. Точнее то, что еще оставалось, синяками назвать было трудно.

Где там мой кошелечек?

Объясни, как ты это сделал?

А как сделал ты?

Что сделал?

Со своим лицом.

Так у меня же дар. Я же виконт, почти граф.

А я чумазый. Но дар тоже имеется. А ты думал, что только благородные и их ближники с даром?

А разве такое бывает? Даже у касты воинов нет людей с даром. А ты и вовсе из чумазых. А скажи мне, будущий граф, вот ты уложишь под себя служанку. Кого она родит?

А кого? Сына или дочь.

Я не о том. Кого она родит, какой касты?

Ближника. Если я его признаю своим.

А если не признаешь? То кем ребенок будет?

Чумазым... — опешив, вымолвил Эвард. — Так ты из... Кто твой отец?

Не знаю. Ни кто отец, ни кто мать. Я сирота. А потому я чумазый, чумазым и умру. Выше кастой мне не прыгнуть.

Ты выиграл, я проспорил.

Виконт бросил Тиму кошелек с золотом.

А не пойти ли нам где-нибудь перекусить, а то совсем живот сведет?

У меня денег нет.

Зато сейчас у меня есть.

Издеваешься? Да как ты... Впрочем, какой я сейчас... в этой одежде. Можешь издеваться.

Прости. Я все никак не могу привыкнуть к твоему характеру. Я ведь никогда благородных не видел. И вовсе я не думал издеваться. Деньги все равно от нас никуда не делись. Теперь тебя не узнать, хоть и синяки прошли. В этой одежде... и не умытый. Самый настоящий чумазый, только все равно манеры видны. Ты бы их как-то прикрыл бы, а то, не ровен час, догадаются.

Легко советовать.

Ты о постоялом дворе говорил. Раньше, когда ты раненый лежал, тебя одного надолго оставлять не хотел, да и боязливо было светиться, зато сейчас не догадаются. Да и искать тебя, наверно, перестали. Одежонку твою богатую мы здесь оставим, под солому затиснем. И можно идти, перекусить чем-нибудь дешевеньким, но горячим. Жуть охота горячее. А на постоялом дворе еды купим, там патент на огонь имеется.

Ты думаешь, меня не узнают?

А кто? Сколько дней прошло!

Но ведь ищут. Ты чумазых еще вчера прогонял.

Они долго могут охотиться за серебрянкой. Хоть год. Опасны только наемники. Если хочешь, то жди здесь, я схожу один.

Ладно, пойдем. Говоришь, меня не узнать?

Если специально не вглядываться.

Хорошо, идем.

Подожди, деньги заранее вытащу, не показывать же всем кошелек? Серебрянка — это много или мало?

Для такого заведения даже много. Еще получишь сдачу.

Через полчаса парнишки уже заходили внутрь постоялого двора.

Эй, гольтыба, куда прешь! — возник парень с дубинкой в руках, вероятно, вышибала или охранник. Впрочем, здесь это одно и то же.

Нам еды купить. Монета есть.

Давай проваливай со своей медянкой, здесь даже очистков на нее не купишь.

А у нас не медянка, а серебрянка. Вот.

Тим продемонстрировал парню серебряную монету. Тот удивленно взглянул, но внутрь не пропустил.

Нет, таким там не место. Здесь купцы останавливаются, воины. Даже ближники бывают. Хотите купить жратвы, идите с черного входа. Это как раз для вас.

С черного, так с черного. Тим не благородный, поклониться лишней раз спина не отвалится. А еда, что в зале, что в каморке при кухне — одна и та же. Только еще подешевле будет. После десяти полуголодных дней, Тим поел наконец-то досыта. У лесовика тоже всегда мясо было, но здесь еще и сыр, и свежий хлеб. И сидр какой-то немного хмельной. И Эвард тоже дорвался до еды.

После обеда, Эвард пошел на двор, на свежий воздух после жаркой комнатенки, расположенной рядом с горячими печами, а Тим немного задержался, желая прикупить еды с собой на вечер, да и на следующее утро тоже.

Выйдя во двор, Эвард лицом к лицу столкнулся с человеком в одежде наемника. Поднял глаза, узнал и вздрогнул. Испуг чумазого паренька заметил и наемник. Он вместо того, чтобы пройти мимо, всмотрелся в его лицо.

Ах ты! Перри, иди-ка сюда!

Тут же подошел второй наемник.

Гляди-ка, кого я нашел! Птенчик сам пришел.

Эвард посмотрел в сторону выхода со двора — там, как назло, ворота перегородила въезжающая подвода. Да и двое наемников стояли у него на пути к бегству. А первый наемник уже крепко ухватил Эварда за шею — теперь не вырваться.

Думаешь, он?

А то! Гляди, как похож, хоть и с грязным лицом и в этих обносках.

Перри не говоря ни слова, достал из ножен кинжал и прислонил его к горлу Эварда.

Пошли, покажем птенчика Твелли.

Подожди, — Перри, не отнимая кинжала, второй рукой схватил Эварда за волосы. — Зови Твелли сюда, там слишкомлюдно.

Точно, а я что-то обрадовался. Держишь его? Сейчас позову, он должен быть в зале.

Эварду было не вырваться. Ни палки у него нет, ни сил, чтобы справиться с сильным мужчиной. Да и кинжал впился в его горло — не шевельнешься. А охранник с дубинкой — на него надежды нет. Ведь человек касты воинов разбирается с чумазым мальчишкой — значит, есть за что. Он в своем праве.

Через минуту из дверей вышел наемник, а вместе с ним и Твелли.

Вот он. Это я его поймал.

Дяденьки, что вам сделал мой брат?

Наемники обернулись — в нескольких шагах от них стоял Тим, держа в руках что-то завернутое в бересту.

Твелли изучающе смотрел то на Тима, то на Эварда.

Похожи... Только это не он.

Как же, Твелли? Почему?

Дурак. Он что раздвоился?

Твелли повернулся и направился обратно к входу в обеденный зал. Двое наемников растерянно посмотрели на удаляющегося командира, потом Перри отпустил Эварду волосы,

убрал кинжал и оба наемника последовали за Тверри.

Ты что-нибудь понимаешь? — обескураженно спросил Эвард, быстро покидая постоянный двор.

А чего тут понимать. Увидели, что ты обычный чумазый, вот и отпустили.

Это были они. А этот Твелли очень хорошо меня запомнил в лицо. Но не это странно, мне непонятны его слова про раздвоение.

А, это. Я тоже что-то не понял... Этот Твелли, говоришь, тебя хорошо запомнил? Ну, одежду ты сменил. Лицо грязное, конечно, но не настолько, чтобы не узнать. Он тебя когда в лицо запомнил? Тогда, у забора. Или раньше? Вы с ним вдвоем шли, я видел.

В этом зале мы обедали, тогда и познакомились. Потом он повел меня искать коня, а дальше ты видел сам.

Ты тогда, когда вы обедали и после обеда напуган не был?

Нет.

А сейчас испугался, может быть, поэтому он не узнал.

Да как ты смеешь говорить, что я испугался!

Опять за свое? Пока ты в этой одежде, ты...

Я понял. Ладно. А что, я действительно выглядел напуганным?

Ну, не так, чтобы испуганный, но что-то такое с лицом было.

Все равно, он должен был меня узнать. А почему ты подошел? Они же могли и тебя зарезать.

Не знаю. Я как-то не привык бросать других в беде.

А почему назвал братом?

Не знаю. Пришло в голову, надо было что-то говорить.

Умой лицо.

Зачем? И где?

Надо. Вон в канаве.

Ладно, раз ты хочешь.

Тим отошел в сторонку, где в канаве стояла вода, натекая со стороны постоянного двора, и умыл лицо. Подошедший Эвард с удивлением его рассматривал, а затем, нагнувшись, виконт брезгливо зачерпнул в ладошки воду и вымыл свое лицо.

Ну?

А что? Вижу, вымыл лицо. И что? — Тим не понимал слов и действий Эварда.

Пойдем, найдем кого-нибудь.

Двоих взрослых, прошедших мимо них, Эвард пропустил, зато преградил дорогу мальчишке немного меньше его возрастом.

Ты чего?

Посмотри на нас с ним и скажи, что ты думаешь.

Ну, похожи.

И всё?

Ну, близнецы. Чего ещё?

Ничего. Иди.

Когда мальчишка, пожимая плечами, удалился, Эвард повернулся к Тиму.

Теперь понял про раздвоение?

Не очень.

Ты себя в зеркало видел?

Где я зеркало найду?

А я часто смотрел в зеркало. И сейчас, глядя на тебя, вижу свое лицо.

Близнецы... Так сильно похожи...

Хотел бы я знать причины.

А я уже не в первый раз слышу, что похож на благородного.

Расскажи.

Я с одним близником жил в лесу. Вот он мне и сказал, что я похож на одного благородного.

На кого?

Он не сказал. И еще: у меня есть начальный дар. Я, наверно, чей-то бастард.

Вполне возможно. И ты еще левша. Но почему ты так похож на меня?

Кто-то из ваших переспал со служанкой.

Да. Такое бывает. Бастард или ты или твой отец. Если бы бастарда, все равно кого — тебя или твоего чумазого отца, признал бы благородный, вот тогда быть бы тебе сейчас близником.

Тим заулыбался.

Значит, я мог быть близником? Вот только кто этот благородный? А я могу быть сыном или внуком графа? Тогда ты можешь оказаться мне братом или двоюродным братом.

Размечтался. Запомни — даже близники, которых признали благородные, всего лишь слуги, по милости благородного возвышенные из чумазой массы. И не более того. Они слуги, которые не имеют право даже в мыслях считать себя родственниками благородных. А ты даже не близник. Ты чумазый. И про близника забудь. Не вздумай про это болтать. У нас с этим строго.

А что будет?

Накажут. Как — не знаю. У нас в Ралльске я такого случая не помню.

Чем больше с тобой нахожусь, тем больше плетей на спину могу получить.

А ты не болтай лишнего. Но про твои слова не бойся, никто не узнает. Хотя бы за то, что ты сейчас меня спас.

А если бы я не подошел к наемникам, то что было бы?

Меня бы убили.

И меня они могли зарезать, ты же сам сказал.

Но ты чумазый, а я благородный. Что стоит жизнь чумазого против жизни благородного?

Да? А если бы я не подошел, тебя бы убили, и тогда будущих плетей за поругание чести благородного мне никто бы не приказал всыпать. Так?

Я понял. Ты так мог поступить и я не удивился бы — чумадые подлы. Но ты не подл. Однако исключение только подтверждает правило.

А благородные — благородны?

Конечно.

И твой дядя?

Эвард задумался, он не знал, что сказать в ответ.

Значит, у него что-то было в крови, какая-то червоточина, — наконец Эвард ответил на вопрос Тима.

Дядя родной брат твоего отца?

У них разные матери. Моя бабушка из герцогского рода, а у него из баронского. Значит,

оттуда и червоточина. Ты решил уйти? Деньги, причем, хорошие деньги, теперь у тебя есть.

Я завтра провожу тебя до ворот, а потом уйду.

Хорошо. Но, как только я верну себе графство, тебя будут искать повсюду. Учти.

Учту.

Парнишки свернули с улицы, на другом конце которой стоял постоянный двор. Теперь пройти несколько переулков, и они окажутся у себя дома — в полуразвалившейся сараюхе. Но далеко пройти не удалось — сзади послышался топот ног, и в переулок заскочило трое мужчин. Один, уже немолодой — настоящий мордорот и двое парней, один из которых тоже весьма упитанный рослый кабанчик. Третий парень не такой внушительный, но рослый, выше на целую голову, чем Тим и Эвард.

Петушки молоденькие, деньгами швыряются, а честным людям денег даже на гнилую репу нет.

А они еще и с собой жратвы набрали, — поддержал верзилу рослый, но не слишком упитанный парень.

Тим нагнулся и положил берестяной сверток на землю. Эвард тоже нагнулся, но за другим — он присмотрел невдалеке палку, правда, не слишком длинную, но хоть такую нашел.

Тем временем налетчики разделились, выбрав себе жертвы. Верзила и мордастый парень направились в сторону Эварда, а второй парень двинулся к Тиму. Станный выбор, правильное и равномернее был бы вариант, что двое парней выбрали бы одного из них, а на второго пошел бы верзила. Но мордастый парень примкнул к мордороту. Может быть, они родня — похожи, кстати.

Эвард закрутил своей палкой, но силы были совсем не равны, и ему пришлось быстро отступать назад, с трудом сдерживая натиск врагов. Тиму же достался не самый сложный для него противник. С такими он имел опыт кулачных боев и опыт часто удачный. Этот парень тоже был не промах, но чувствовалось, что в кулачных боях он не участвовал. Тим удачно сдерживал все его атаки, нанеся пару неплохих ударов на контратаке. Но тоже отступал, хотя не так быстро, как Эвард. И получилось, что противники Эварда оказались за линией спины Тима, который сразу же этим воспользовался.

Отшугнув обманным ударом своего неприятеля, Тим в два прыжка подскочил к мордастому парню и нанес удар ему в висок, вложив всю свою силу в этот удар. Мордастый выбыл из драки, схватившись руками за голову и сильно шатаясь. Сейчас бы новым ударом добить противника, но подскочивший второй парень мощным ударом в правый бок швырнул Тима на землю. От второго удара — ногой — Тим попытался увернуться, но успел уклониться только частично: нога противника вместо Тиминого бока попала ему в заднее место, хорошо, что еще не по кости. А вот следующий замах ногой Тим опередил — лежа на земле, смог пнуть по поднятой в замахе ноге парня. Тот отскочил, неловко подпрыгивая от боли, а Тим успел подняться на ноги. Теперь ему ничего не мешало разобраться с противником один на один.

А Эвард после того, как Тим вывел из боя мордастого парня, остался наедине с верзилой. Палка в умелых руках Эварда и пудовые кулаки верзилы. Стоит Эварду попасть под удар этого громилы и всё, без перелома или сломанного ребра не останешься, но его противник, как это обычно бывает у людей такой комплекции, гибкостью и скоростью не отличался. Только силой. Эвард крутился вокруг врага, постоянно нанося тому удары палкой по голове, а верзила в ответ лишь зверел и по-прежнему безуспешно пытался дотянуться до

Эварда.

Такое действие могло, возможно, продолжаться до бесконечности, но, скорее всего, Эвард когда-нибудь допустил бы ошибку, подставившись под удар пудового кулака, если бы в очередной раз виконту не пришлось бы, спасаясь от удара противника, двинуть тупым концом палки верзиле в живот. Тот неожиданно для Эварда рухнул лицом вниз на землю. Рухнул и лежал, пытаясь вдохнуть воздух и мелко подергивая ногами.

Тим в это время уже добивал своего противника, который плохо соображая, только дергал головой после каждого удара Тима. Но долго это не длилось, и парень упал на землю, где и застыл неподвижной фигурой. Третий их противник, мордастый парень, пропустивший удар Тима в висок, к этому времени сидел на земле, покачивая головой и не реагируя на окружающих.

Парни, оглядев место своей победы, направились в сторону сарая. Тим еще успел, вовремя вспомнив, вернуться назад и подобрать с земли купленный ужин — не отдавать же налетчикам хорошо прожаренный кусок мяса?

Это были грабители? — спросил, скорее в подтверждение своей догадки Эвард.

Они самые.

Когда я стану графом, в своем графстве я не буду так мягкотело относиться к преступникам, как это делал отец.

Я жил в Ралльске и не скажу, что к преступникам относились мягко. За воровство отрубали руку.

И правильно, с ворами надо только так.

Ну, с такими, как эти, наверно, и так. Вон какие лбы, прокормить могут себя работой. А некоторым, которые не могут, как жить? Или с голоду умирай или воруи.

Не могут работать? Вздор! Это лентяи.

Я знавал женщину, у которой муж умер, а после него осталось четверо детей — мал мала меньше. Когда женщина заболела, надорвавшись на тяжелой работе, старший мальчик пошел на воровство. Рубить ему за это руку?

А не воруи. Чай не умерли бы, нашли что-нибудь поесть.

Нашли.

Вот видишь.

Через Ралльск река протекает. Право на лов рыбы имеет гильдия рыболовов. Так?

А как иначе? За это гильдия налоги в графскую казну платит.

А если другие, кто не в гильдии, из-за голодухи будут рыбу ловить, как ты к этому отнесешься?

Если они не члены гильдии, то это незаконно, сродни воровству.

Тоже руки рубить?

Эвард задумался.

Рыба принадлежит графу, нашей семье. За ее вылов гильдия платит деньги. Те, кто ловит нашу рыбу, а денег не платит — воры. Значит, им тоже надо рубить руки.

Тот мальчишка и трое других детей выжили только потому, что малец пристроился к ловле рыбы. Он маленький, бегать быстро не умеет, несколько раз его ловили люди из гильдии. Били, но руки не рубили. А ты приказал бы ему руки отрубить?

Воровать не надо.

А как выжить?

А как другие чумазые выживают? Так и эти не умерли бы.

А я ведь тоже рыбу ловил. Жил у мусорщика и из еды на мусор в обмен доставались только рыбьи головы, да хвосты. Если мне, когда меня пару раз ловили, отрубили бы руки, то как я сегодня смог бы драться?

Эвард молчал, обдумывая сказанное.

Но ты не защищаешь этих троих?

Этих — нет.

За несколько дней я насмотрелся на чумазах. И ни одного, кроме тебя, не увидел нормального. Все мерзавцы, негодяи, открытые или скрытые. Подлое племя.

А твой дядя? Мы уже про него говорили. А наемники? Они же из касты воинов. За тобой до сих пор охотятся. За деньги охотятся?

Эвард хмуро кивнул головой.

Вот видишь? И среди благородных и воинов тоже есть негодяи.

Есть, но эти просто продались, а чумазые — они с рождения подлы.

Опять говоришь про подлость. А в чем подлость, не объяснишь?

Хорошо, я скажу, хотя мне будет сделать это трудно. Дядя объявил отца самозванцем, значит, и я такой же. Он предложил мне подтвердить эту ложь про отца, за что обещал дать денег и выслать из Ралльска. В противном случае меня клеймили бы и отправили на каторгу. Я отказался. Дядя поступил... не благородно, но милостиво. Он не стал меня клеймить и отправлять на каторгу. Дал денег и отправил сюда. А следом или вперед меня направил убийц.

Вот видишь, как благородный поступил.

Обожди. Я не про это. Дядя знал, как меня оскорбить. Он велел меня пороть на конюшне, как какого-то чумазого. Это было так унижительно! А вокруг стояли наши слуги, чумазые. И насмехались надо мной.

Эвард говорил сквозь зубы, сжав кулаки.

Подлое сословие! Как только верну графство, велю всех в замке пороть нещадно! По сто плетей каждому!

Сто никто не выдержит.

Я знаю. Пусть бьют не зараз. Это будет хорошим уроком для всех чумазах.

Ты хотел и меня плетями за оскорбление твоей чести.

Ты — другое, я вижу. Но наказать тебя я обязан, иначе все будут смеяться надо мной. Они и так будут смеяться. Но жесткостью по отношению к виновным я смогу заставить себя уважать!

Не знаю, насколько это верно. Мне в шкуре благородного не бывать. Но заслужить уважение можно и иным.

Чем же?

Мне трудно объяснить.

Вот видишь! С подлым сословием нужно только так. Но не все чумазые подлы. Вот ты. Ты тогда не соврал, что левша. И со мной дрался, используя одну руку, раз у меня вторая еще была плоха. Но скажи, почему ты, левша, дрался правой рукой? Или ты знал, что я левша, а использую только правую?

Нет, не знал. Откуда мне знать-то? А правой дрался, потому что знал, что я сильнее тебя буду в драке на кулачках. Я же несколько лет этим и кормился. Участвовал в кулачных боях. Вот и решил немного уравновесить драку.

Странно это слышать из уст чумазого. Очень... А почему ты мне помогаешь? Ведь давно

мог бы уйти. Или потому, что ты Ралльска, а я твой виконт?

Ты, конечно, виконт, а я чумазый из твоего графства, но я помогаю тебе не поэтому. Если бы поэтому, то меня давно и след простыл бы.

Тогда из-за чего?

Ты смелый и дерешься хорошо. Одно в тебе плохо.

И что это?

Ты благородный...

Ты это всерьез?

Да.

Нам друг друга не понять. Вот если бы тебя или твоего отца благородный признал ближником, тогда ты говорил бы иначе.

Тим задумался.

А знаешь, Эвард, здесь, возможно, ты прав.

Вот видишь!

Нет, я не о том с тобой соглашаюсь. Будь у меня богатый отец, пусть из чумазых, из купцов, я бы тоже, наверно, считал так, как думаешь ты. Разве что завидовал бы, что я рожден не в той касте.

А ты разве не завидуешь?

Не знаю, я как-то не думал.

И не мечтал оказаться в касте ближников или воинов?

С чего бы это?

А предположим, что у тебя нашелся отец и ты оказываешься ближником, вот тогда заговоришь по-другому?

То есть стану ли я презирать чумазых?

Вот именно.

Тим снова задумался.

Не знаю. Человек слаб, стоит его поманить лучшей жизнью. Многие изменились бы, стали бы смотреть свысока и презирать тех, среди которых они жили раньше. Многие, почти все. Может быть, и я. Даже, наверно, стал бы. Но, знаешь, я рад, что я такой и мне ничего не светит. Был чумазым и умру чумазым. Зато умру честно.

Станный ты какой-то...

На следующее утро они, испачкав лица, вымытые накануне вечером в канаве, направились в сторону ближайших городских ворот. Тим собирался проводить Эварда до того момента, когда тот пройдет ворота, а затем решить вопрос с разменом хотя бы одного золотого. Это было большой проблемой. В пригородах вряд ли кто мог бы это сделать, местные менялы брались менять лишь серебро на медь или медь на серебро, да и то мало кто обращался к ним за помощью. А золото меняли только в лавках, что были во внутренней части города. Но как туда сунуться чумазому оборвышу, для которого наличие серебряной монеты уже подозрительно, не говоря о золоте?

А где взять другую одежду? Под соломой так и осталась зарытой хорошая одежда Эварда, правда, залитая кровью. После вчерашней встречи с наемниками Эвард не рискнул взять ее с собой. Кровь можно отстирать, но где сушить? Заметят посторонние — будут проблемы. Ладно, высушит он ее внутри сарая, потратив целый день. Оденет и направится в город. Но далеко ли сможет отойти? Его же схватят и за серебрянку награды отдадут наемникам. А так как они с Эвардом очень похожи, то его тут же и зарежут, приняв за

виконта. Нет, в Меленвиле эта одежда для него слишком опасна.

Поэтому Тиму лучше покинуть герцогскую столицу, направившись куда-нибудь в другое место. Ведь в кошельке есть еще две серебрянки — на первое время денег хватит. Но как же тогда Лудвиг? Если тот сумел уйти от погони, то лесовик может появиться в Меленвиле. Вот ведь вопросище: уходить из города или подождать?

А Эвард, почти не опасаясь наемных убийц, приближался к городским воротам. Там его уже не достанут. Он дойдет до герцогского замка, представится офицеру и окажется перед старым герцогом, родным братом его умершей бабушки. Двоюродный дедушка ему поможет, восстановит в правах на графство. А негодяя дядю — в изгнание.

Дальше я не пойду, — услышал он за спиной голос Тима, но, не оборачиваясь, пошел дальше. Ведь он виконт, почти граф, а тот лишь чумазый, пусть и не такой подлый, как остальные.

У ворот снаружи стояло двое солдат из касты воинов, но Эвард не обращая на них внимания, направился внутрь города.

Эй, а ну-ка стой!

Эвард, уже считая себя вновь благородным, собрался было возмутиться, но вспомнил, что на нем мерзкая одежда, которую носят чумазые.

Пьетти, глянь-ка. На четырнадцать лет тянет. Волосы длинные и золотистые, глаза светло-карие. А, Пьетти?

Чумазый же.

Мог переодеться.

Мог. Ну-ка посмотри, что там у него.

Кошелек с десятью золотыми? — засмеялся первый солдат и начал обыскивать Эварда.

Чего это вы сегодня мальцов обыскиваете? — раздался голос со стороны. Эвард повернул голову и увидел еще одного солдата, выходящего из-за ворот.

А ты не знаешь? Один, вот такой, как этот, кошелек у благородного выкрал. Благородный через своего человека пообещал отдать кошелек со всем содержимым, если поймает вора.

И много в кошельке было?

Десять золотых!

Ого! Украл малец?

Да, такой же, как этот. С длинными золотистыми волосами. Такие редкость.

А чего же вы обыскивали мальцов с черными, да светлыми волосами? К тому же короткостриженных. А?

Волосы, когда хочешь скрыться, можно и подрезать, а цвет изменить. Дело нехитрое.

Это точно. У этого нашли?

Да какое там.

А может этот человек про десять золотых соврал?

С чего бы это?

Поймать воришку надо, а как вас заставить усердно искать? Вот и ищите. А украл-то, может, самую малость. Платок или еще что.

Тогда и мальчика не получит. Только после денег. Мы тоже не дураки, верно, Пьетти?

Ну.

В город, малец, идешь?

Да, — тихо произнес Эвард.

Гони медяк и проходи.

Какой медяк?

За право прохода. Не знал? Тогда проваливай, — солдат грубо толкнул Эварда.

Юный виконт, отойдя от ворот, понял, насколько он был близок к поимке. Ведь не проиграй он спор Тиму, то кошелек остался бы у него. При обыске его нашли бы и отобрали, а его самого передали бы в руки наемникам. А начни он кричать, что является виконтом Ралльским, солдаты только посмеялись бы над лживым чумазым, да еще и побили бы за вранье.

Эвард, ты что? — подбежавший Тим заглянул ему в лицо.

Меня там ищут. Придумали, что я украл кошелек с золотом у благородного. Кошелек пообещали тому, кто меня найдет и передаст наемникам. Они даже описание мое сообщили. Четырнадцать лет, длинные золотистые волосы.

Да, с волосами ты ошибся. Чумазые мальчишки стригутся кружком, а ты по-благородному. Хорошо, что вчера этот Твелли с наемниками на волосы внимания не обратил, а то ведь спалился бы.

А сам чего же с такими длинными волосами ходишь? Под благородного подстраиваешься?

Нет, просто так получилось. Я ведь, когда из Ралльска ушел, жил в лесу, потому и волосы отрастил.

Эвард молчал, поэтому Тим заговорил снова:

И что теперь будешь делать? Попробуешь через другой вход? Но там тоже могут тебя искать. Можем быть, стоит волосы подстричь? Или давай вместе пойдем в город. Лучше через другие ворота. Я тоже волосы подстригу. Ищут-то одного и с длинными волосами, а нас двое близнецов, подстриженных под кружок. А?

Ты же хотел сбежать?

После того, как тебя доведу.

До ворот довел.

Значит, надо довести и дальше. До замка герцога.

Не боишься, что там тебя схватят по моей просьбе?

Не успеют. Ты же не сразу предстанешь перед герцогом? Пока сообщат, пока то-сё, я уйти обратно успею. Вот и ищите меня по всему свету.

Нет, стричься не буду. Это уже слишком, итак столько унижений. И эта мерзкая одежда еще. Я иду к другим воротам. Ты идешь?

Конечно, я же сказал. А если тебя там тоже ищут?

Тогда не знаю. Но скрываться я устал. Как какой-то негодяй. И где таиться? В городе моего двоюродного деда!

Тогда, знаешь, я вот что придумал. Если тебя у ворот схватят, то я буду невдалеке, и я отвлеку их на себя.

Как это?

Грязь немного сотру рукавом. У них твое описание? Так я такой же! И ростом и длинными волосами. Золотистыми. Ну, еще крикну что-нибудь, а потом побегу. Тебя оставят, и ты можешь бежать к своему герцогу.

Тогда тебя схватят.

Ну... не знаю. Схватить еще надо. Бегаю я быстро.

Солдаты тоже быстро бегают. Но даже не они тебя схватят. Местные жители. Разве не

так?

Так. Бросятся помогать, — горестно ответил Тим.

Чумазые! — презрительно бросил Эвард. — Ради денег готовы на всё.

А Тим вдруг повеселел.

А точно! Нет, не поймать меня им. Брошу несколько золотых — такая куча мала будет!

Не жалко золота?

У меня и серебра раньше не было. Я за все время сумел накопить лишь семь медянок — это для меня было большими деньгами. А золото... Что мне с ним делать?

Да, ты странный. Если бы за эти дни тебя немного не узнал — подумал бы, что лицемеришь.

Через час они уже подходили к северо-западным воротам, ведущим во внутренний город. Но чем ближе приближались к цели, тем заметно оживленнее становилось вокруг. Народ прибывал все больше и больше, парнишкам уже пришлось работать локтями, чтобы пробраться ближе к воротам.

Куда щенки прете? — грубый мужской голос оказался подкреплен довольно чувствительной затрепщиной, полученной Тимом.

Нам к воротам надо, дяденька.

Всем надо. А вам еще рано, малы будете.

А чего рано, дяденька?

Пить рано. Там только вино будет, денег герцог швырять не станет. Можете назад идти.

А что за случай-то?

Но мужчина, сам орудуя локтями, уже пробился вперед, но какая-то разбитная женщина не оставила вопрос Тима неудовлетворенным.

Так вы ничего не знаете? Сегодня же срок истекает. Коронация!

Чего срок-то? Какая коронация?

Срок, как старый герцог умер, а коронуют нового, его сам король нам прислал! Да здравствует его сиятельство герцог Гастон!

Глава 4

Тим с трудом вытащил Эварда из толпы. Смотреть на виконта было тяжело — настолько он был бледен и растерян. Тиму стало жалко своего спутника по пребыванию в Меленвиле. Эвард не просто надеялся, он был уверен, что старый герцог поможет ему вернуть титул и замок.

Оттащив его подальше в сторону, Тим дождался, когда Эвард немного придет в себя.

А новый герцог не родственник тебе?

Нет. Он вообще не имеет отношения к Меленвиллю.

А почему? А где дети твоего двоюродного деда?

Бездетный он был. В смысле, нет потомков по мужской линии. Дочки были, то есть они есть, живы. И внуки. Но там другие мужские линии. Король мог, конечно, и кого-то из них посадить на Меленвиль. Но вот — не посадил. Гастон королю двоюродный племянник. Без земли. Просто маркиз.

А этого Гастона ты не знаешь? Или твой отец знал?

Ездил я несколько раз на королевские приемы. Видел этого... Издалека. Вот и всё.

А, может, поможет все-таки? Какой хоть он?

Какой? — Эвард хмыкнул — А никакой. Совсем.

Кажется, понятно. Жаль.

Если сейчас коронация, то вся знать собралась в замке. И дядя тоже. Он этого Гастона очарует. Вон как схитрил с нами, подгадал, что отца убили, и герцог тут же умер.

Да, жаль.

Постой, постой. А ведь странно. Слишком много совпадений. А если вот предположить, что отца убивают, но герцог жив? Что дальше? Ну, меня здесь зарезали бы. Но согласился бы герцог признать, что отец был самозванцем? Ведь тогда следует признать, что мать герцога была блудницей и преступницей. Нет, герцог на это не согласился бы. Тогда дяде не видать титула и замка.

А кто еще из вашей родни мог претендовать на титул?

Только дядя и Травис. Это его сын. Маленький он еще. Графство кому-нибудь другому передали бы. Если герцог был бы жив, то дядя должен понимать, что герцогу не понравятся дядины утверждения. Тогда зачем дядя на это пошел?

Может быть, на что-то рассчитывал, надеялся. Для него главное — от тебя избавиться. Тебя обвинить и отправить сюда под мечи наемников.

Так-то так, только не так! Убили бы они меня, но дядя не получил бы графства! Ему проще меня убить в замке. Отравить или еще что подстроить. Тогда он, как единственный мой наследник, беспрепятственно становился графом. И тогда отца нет смысла самозванцем объявлять. Понимаешь, к чему клоню?

Не совсем.

Раз так дядя поступил, то он знал, что герцог умер. И узнал он об этом раньше моего отца, иначе бы тот бросил свою охоту и вернулся бы в замок.

А, может, так и было? Узнал твой отец и решил вернуться, но не успел — убили.

Не было так. Дрейк, это дядин ближник, знал заранее, еще днем раньше возвращения дяди в замок. То-то он так нагло себя вел! Я собрался отцу пожаловаться, чтобы Дрейка плетми угостили. Но к тому времени, оказывается, отца уже не было в живых.

Этот Дрейк сговорился с твоим дядей?

Подожди, не сбивай меня с мысли. Если дядя знал про смерть герцога, но отцу не сказал, тогда... это он убил отца! Он! Не сам лично, а подослал убийц. Хотя бы тех самых, что за мной охотятся. Понял?

Понял. Только, Эвард, можно что скажу?

Говори.

А как это возможно так все быстро подстроить? Смерть герцога долго не сохранишь в тайне, а убийц этих еще надо найти.

А ведь и верно. Значит, дядя давно готовился, только ждал удобного момента. И еще я припоминаю несколько странных случаев со мной. Моя собака странно сдохла, чем-то отравившись. Лошадь меня понесла прямо на скалы. Меня выбросило с седла, а лошадь тут же сорвалась со скалы. Если бы я разбился, то наследником отцу был бы дядя Герих. Отец ведь после гибели мамы так и не женился... Ой!..

Что такое?

Двенадцать лет назад, когда мама возвращалась из гостей, на нас напали. Убили ее и моего брата. Неужели и это дело рук Гериха? Сколько же тогда ему было? Восемнадцать лет. Мог вполне все подстроить. Мог!

И что ты собираешься делать дальше?

В Меленвиле делать нечего. Да и опасно тут. Надо уходить. Вот только куда? И что делать? Узнать где и как погиб отец. Может быть, что-нибудь и выяснится. Или еще какая

мысль в голову придет. В любом случае отсюда надо уходить. Эту ночь проведу в сарайке, одежду мою заберу, еды прикуплю и...

Эвард запнулся в своих рассуждениях и нахмурился.

Чего это ты? Что такое?

Ничего. И вообще, чего ты за мной ходишь? Иди, пристройся куда-нибудь.

А куда? И зачем?

Хватит, проваливай!

Как хочешь.

Тим повернулся и пошел прочь. В самом деле, кто ему этот высокомерный виконт? Никто. Отойдя с сотню шагов, Тим остановился и побежал обратно, боясь, что Эвард затеряется в толпе. Но нет, тот как сидел, так и сидит на том же месте. Мрачный и какой-то неуверенный.

Вот возьми, — Тим протянул Эварду кошелек, — тебе важнее.

Ты... ты... да как ты смеешь мне предлагать! Чтобы я взял подачку от чумазого?!

А, вот в чем дело, вот почему ты меня прогнал. Ты вспомнил, что все деньги мне проспорил. Так?

Отстань.

Точно так! Но объясни, почему благородный не может взять у чумазого деньги? Кажется, это как раз бывает везде и всюду.

Одно дело взять по праву, другое — вот как сейчас, как подачку, — Эвард скривился.

А благородные занимают деньги в долг?

Ну, занимают.

У чумазных?

У кого же еще? У них, у ростовщиков.

И это не урон чести?

Нет.

Тогда я даю тебе эти деньги в долг.

Под какой процент?

Без процентов.

Так не бывает.

Никогда?

Если ростовщик не надеется получить взамен процентов какую-нибудь скидку или льготу.

Ну тогда считай, что я даю их тебе в долг без процентов роста взамен на что-нибудь.

И на что же?

На мои плети.

Хитрый ты. Но я скажу — нет.

Почему?

Это дело чести, а честь превыше всего.

Ну тогда придумай что-нибудь, на что я рост на долг не назначу.

Ладно. Придумал. Плети будут, куда уж без них. Но на каторгу не отправлю. Рад?

Ужасно, — Тим ответил со скептической улыбкой на устах, но Эвард ничего не заметил, поглощенный, видимо, в думы о своем будущем.

Пошли, — Эвард, забрав из рук Тима кошелек, поднялся и направился в противоположную от городских ворот сторону.

Эвард, подожди маленько.

Что тебе еще?

Зря ты положил кошелек в тот карман.

Почему?

Когда мы выберемся из толпы, кошелек у тебя не будет. Если не веришь, давай поспорим. Только что поставишь взамен?

Осмелятся украсть?

Обязательно вытащат. Я уже сейчас двоих заметил, кто хочет это сделать.

Эвард закрутил головой.

И что делать?

Давай, я понесу его.

А у тебя не вытащат?

Могут. Но это будет сложнее.

Я тоже могу держать его в руке. Или руку на кармане.

Нет, — Тим покачал головой, — не поможет. Здесь такие ловкачи.

Ладно, держи.

Тим взял кошелек и засунул его за пазуху, а потом огляделся по сторонам и, заметив парней, глядевших в его сторону, глумливо улыбнулся и, продолжая смотреть на карманников, сделал плевков сквозь зубы. Эвард все видел, догадавшись о намерении парней. К его удивлению, оба парня тоже плюнули, повернулись и смешались с толпой.

Это как же так?

А вот так. Я ведь жил на самом дне. Сам не воровал, если рыбу не считать, но многие этим промышляли. А знаки они везде одинаковы.

Знаки? Так это был знак?

Ну, да. Типа того, что я такой же, как они, но сегодня более удачливый.

А отобрать силой не захотят?

Могут. Здесь все могут. Но они не знают под кем мы, вдруг наш хозяин более крут, чем их?

А разве воры друг друга в лицо не знают? Ты же, то есть мы здесь новенькие.

Меленвиль — большой город. Вряд ли все всех знают.

К месту своего ночлега они добрались только во второй половине дня, по дороге прикупив съестного. Опять появляться на постоялом дворе желания у них не возникло — в следующий раз им может не повезти — наемники запросто зарежут их впрок. И оправдываться даже не будут, в крайнем случае, скажут, что двое чумазных мальцов напали на людей из касты воинов. Этого достаточно, что объяснить убийство чумазого.

Вечером Эвард принял решение, куда они пойдут.

Здесь оставаться нельзя. Золото можно разменять лишь внутри городской стены. И то, если я буду в моей одежде, а не в этих обносках. Но как только я ее одену, сразу же можно меня хоронить. Так?

Так.

Тогда менять буду в другом городе. Ты в Ралльск хочешь попасть?

Тим поежился.

Желания нету.

Вот и у меня нет. А как насчет Туриса?

Там я не был.

Я был, но давно, года два назад в последний раз. Значит, идем в Турис, там меняем монеты, а потом посмотрим. Но учти — никто не должен знать, кто я на самом деле — у дяди могут быть везде люди. Он это может. Чумазым доверять нельзя, подлая порода, но ты не такой. Клянись, что про меня никому не расскажешь.

Клянусь. Только...

Никаких только, клятва есть клятва.

Да я не об этом. Как тебя называть?

Ты не знаешь? Эвард. Без приставки виконт и конечно, не ваша светлость.

Это тоже понятно. Но имя. Оно же тебя выдаст.

Думаешь? И как же меня называть?

Эвард, значит, Вар. Вар — никто не поймет.

Пусть будет Вар.

А как меня зовут?

А тебе зачем имя скрывать?

Не, я не об этом. Ну, скажи, как меня зовут?

Тимка.

Вот! Тимка, как всех чумазых. Тогда тебя надо называть Варкой.

Ты!.. — Эвард сжал кулаки и побагровев лицом. С полминуты он зло смотрел на Тима, но затем успокоился.

Ладно, пусть будет Варка. Я и так по уши от потери чести.

Тебе надо привыкнуть к этому имени, а то выдашь себя.

Ладно.

И еще одно.

Что еще?

Волосы.

Нет.

Они выдадут тебя.

Ты же тоже с длинными волосами, как у благородных.

Я-то чумазый и меня не ищут. В наших трущобах многие нищие вообще не стригутся. Но я подстригусь. Я же похож на тебя, а тем более с длинными волосами — пропадем! И ты и я.

Нет.

Волосы отрастут за пару месяцев, ты же не сразу будешь графство себе возвращать. Ну, Эвард.

Ладно. И как ты собираешься нас подстригать?

В дороге напросимся на постой, а у любого крестьянина ножницы или нож найдутся.

Парни думали добратся до Туриса за пару дней, но на практике оказалось все иначе. Пройдя чуть более часа, им пришлось остановиться — Эвард, не привыкший ходить босиком, разбил ноги в кровь. Надевать сапоги, которые вместе с одеждой виконта Тим нес в своем мешке, было еще рано — от города они только-только отделились и навстречу, да и попутно шло много людей и ехало подвод. Поэтому спутники свернули в сторону, увидев невдалеке узкую ленту речушки.

Пока Эвард, лежа на траве и греясь на ярком утреннем солнышке, боролся с появившимся ознобом (зато разбитые ноги быстро лечились), Тим простирнул в речке испачканную одежду Эварда и разложил ее сушиться. Можно, конечно, ее повесить на ветви деревьев, так она быстрее высохнет, но зачем показывать, что у двух чумазых оборвышей

есть богатая одежда? А с травы при появлении посторонних одежду запросто можно успеть затолкать в мешок.

До конца высушить одежду не удалось — пришлось бы терять целый день, а этого парням совсем не хотелось. Да и опасно оставаться вблизи города, где за Эвардом устроили охоту. Поэтому Тим затолкал не до конца высохшую одежду в мешок, а Эвард, скрепя зубами, натянул на ноги сапоги, которые Тим замазал речной грязью, и они двинулись дальше в путь.

Уже в потемках, добредя до деревушки, расположившейся рядом с дорогой, Тим постучался с просьбой оставить их на ночлег, заодно прикупив немного продуктов. Хозяин, польстившись на медянку, разрешил им переночевать на сеновале. И еще дал им ножницы, которыми парни подстригли друг друга с помощью хозяйского горшка. Сам хозяин, хмуро ждал, когда они закончат — нельзя же приبلудным оборвышам оставлять без присмотра ножницы!

До Туриса они добрались лишь на третий день, потратив в конце пути последнюю медную монету. В кошельке у них еще оставалась одна серебряная монета и десять золотых. Подойдя к городским воротам, перед парнями встала проблема — как войти в город. Ведь вход-то платный — за двоих две медянки. Показать серебряную монету, попросив дать на нее сдачу? Эвард так и собирался сделать.

Постой, Варка, — Тим теперь постоянно называл своего спутника чумазым именем — пусть привыкает, — нельзя это делать.

Почему?

Отберут.

Это же стражники, они защищают порядок!

Отберут, а нас еще и избьют. А если золото в кошельке увидят, то и просто убьют, чтобы следы скрыть. Или еще хуже — будут мучить, выпытывая, где взяли и есть ли у нас еще.

Не может быть, — ошеломленно проговорил Эвард.

Еще как может. Такая вот жизнь. Это тебе не в замке околачиваться, где тебя все слушаются, да кланяются.

И что же делать? — растерянно спросил Эвард.

Лаз надо найти.

Ты что, сдурел? Это же городская стена!

А что стена? Думаешь, в Ралльске мы с пацанами по медянке платили за вход? Откуда у нас деньги-то? Все местные бедняки лазами пользуются.

И где здесь лаз?

Не знаю, но найти можно. Где народ у стен кучкуется, значит, там что-то есть.

Через некоторое время они вышли к нужному месту. Глухая стена, а к ней тропка, нет, даже не тропка, а целая тропа вытоптана. И несколько парней, постарше, чем Тим с Эвардом, рядом со стеной чего-то ждут. А, вот и дырка, издали неприметная, но если подойти поближе, то видна. Большая часть лаза, естественно, вырыта под кладкой стены.

Эй, мелюзга, куды? Монету платите.

Какую монету? Здесь что, ворота?

Ворота, — подтвердил рослый парень, видимо главный здесь. — Но подземные ворота, поэтому с вас не две медянки за двоих, а только одна.

Эвард в растерянности остановился, но Тим нагло усмехнулся.

Может, для кого-то и одна, но не для нас.

Эрка, объясни непонятливому.

От стайки парней отделился высокий, на год-два старше Тима парень, который двинулся в их сторону. Намерения его понять было просто. Тим шагнул вперед и, опережая парня, ударил его в лицо, а затем, не давая передышки, нанес несколько сильных ударов в грудь и живот. Последним действием Тима был явно картинный жест. Он спокойно легонько толкнул парня ладонью в лоб, а тот столь же картинно упал спиной на землю.

Трое других было дернулось в сторону Тима, но тут же остановились. Пришедший в себя Эвард выделывал немислимые верчения своей дорожной палкой, а Тим насмешливо смотрел на парней.

Все ясно? Тогда в сторону.

Парни растерянно, но в то же время с откровенной злобой на лицах отошли в сторону, расчищая широкую дорогу к лазу, в который Тим с Эвардом тут же и юркнули.

Надо же, как здесь всё решается! — удивленно прокомментировал Эвард произошедшее, когда они с Тимом уже удалялись от внутренней стороны городской стены.

А ты, наверно, только приказывал?

Я же виконт.

А здесь благородных нет, здесь мы, чумазые, и у нас свои понятия и решение проблем.

А мне оно понравилось.

Ты серьезно?

Да, я презираю слабаков.

Понял. А теперь что думаешь делать?

Переодеться где-нибудь, чтобы не видели, и снять номер в гостинице. Ты будешь считаться моим слугой.

Ладно. А если здесь люди твоего дяди?

Проклятье! А где чумазые останавливаются?

Такие, как мы? Нигде. Существуют еще ночлежки, там за медянку можно переночевать и баланды какой-нибудь поест, вечером и утром. Только вряд ли ты захочешь там остаться.

Это почему же?

Длинные нары, без перегородок. И одни чумазые. Грязные.

Да уж. Нет, такое мне не нужно.

Есть еще постоянные дворы.

Нас в Меленвиле внутрь не пустили, отправив есть на кухню.

Так тот двор высоко себя считает. Есть и подешевле.

И сколько это стоит?

Не знаю, я же там не ночевал.

Серебрянки за ночлег и еду хватит?

Должно хватить, здесь все дешевле.

Тогда пошли, устроимся, а завтра с утра пойдем искать менялу.

А твоя одежда?

Переоденусь где-нибудь, обноски тебе в мешок, а поменяю пару золотых, снова переоденусь.

Парнишки так и сделали. В найденном ими постоялом дворе даже люди касты воинов сперва подумали бы, ночевать ли здесь. А уж о ближниках и говорить нечего. Но и явной гольтьбы не было. Откуда у бедняков деньги?

На них, когда Тим запросил комнату, подозрительно посмотрели, но показанная серебряная монетка развеяла сомнения хозяина заведения. Комната досталась, конечно, неважная. Но все равно лучше, чем ночлег в развалившейся сараюшке в Меленвиле. И еда не самая плохая. Вот только кровать в комнате была одна, зато широкая.

Ляжешь на полу, — велел Эвард.

Тим вздохнул, но ему не привыкать. А Эвард все еще хоть в этом, но отстаивал свою честь благородного.

Утром, перекусив остатками вчерашнего ужина, парнишки, выйдя с постоялого двора, отправились искать укромное место, где без присутствия любопытных глаз Эвард мог бы спокойно переодеться. За время, проведенное в пути, точнее на привалах и ночевках, одежда высохла окончательно, и Эвард с наслаждением одел ее на себя. И снова стал похож то ли на благородного, то ли на ближника. Вот только сапоги портили всю картину — настолько они были грязны, что и не рассмотреть, что это настоящие сапоги, а не какие-то там опорки.

Найдя колодец, Эвард с удовольствием умылся.

Вымой мне сапоги, — приказал он Тиму.

Я тебе закуп?

Ты из моего Ралльска и ты сам говорил, что закуп.

Не тебе закуп.

Я твой виконт, почти граф.

Нет, это потом, может быть, и станешь графом, но сейчас ты ближник.

Ты хочешь сказать, что я должен мыть эти сапоги, как какой-то чумазый?

Можешь не мыть. Я не буду.

Я заплачу.

Нет. Я хоть и из чумазых, хоть с самого дна, но все равно не буду. Даже если бы ты был графом.

Если бы я был графом, тебя быстро бы заставили это сделать.

Наверно. Вы в этом мастаки. Но сейчас не буду. Сейчас я тебе не закуп. Окажусь в Ралльске, попав к графу Эварду, тогда придется. Мыл я сапоги хозяину. Приходилось. Но сейчас нет. Потому что я сейчас тебе не закуп.

Вот ты как. Ладно, я запомню. Но хочу тебе напомнить, что это ты вымазал их грязью.

Чтобы никто не догадался. Тебе же помогал. Хорошо, я вымою их, мне не в лом. Но тогда больше помогать не буду. Так?

Эвард стоял нахмурившийся и о чем-то думал.

Пошли, — и направился куда-то в сторону.

Через некоторое время виконт остановился и подозвал местного мальчишку.

Вымоешь, как следует, сапоги, получишь медянку.

Мальчишка с энтузиазмом бросился выполнять хорошо оплачиваемую работу. Проблема грязных сапог оказалась решена.

Теперь можно идти в центр города, искать дом менялы. Богатого менялы, ведь мало кто сможет разменять десять золотых на серебро. Ого! Это какой же кошелек потребуется? Не кошелек, а мешок! Но Эвард, выйдя от менялы, тяжестью был не обременен. Он поменял только две золотых монеты. А ведь правильно. Зачем таскать такую тяжесть? Остальное золото можно будет менять потом, по мере необходимости.

Вернувшись на старое укромное место, Эвард со вздохом стащил с себя свою одежду и с брезгливой гримасой натянул прежние обноски. А вот опять пачкать сапоги ему не

захотелось. К тому же неизвестно, найдется ли поблизости какой-нибудь мальчишка, чтобы снова их помыть. Поэтому сапоги последовали вслед за одеждой в мешок.

Побродив немного по окрестностям, парнишки вернулись на постоянный двор — под ложечкой стало настойчиво подсасывать. Эвард сразу же занял место в обеденной зале, заказав еды и вина, а Тим пошел наверх смотреть предоставленную им комнату на предстоящую ночь, да и мешок можно было оставить там.

Вино попиваешь? Хорошо устроился! — напротив Эварда за стол уселся крепкий мужчина, жестко смотревший на него.

А тебе какое дело?

Ого, щеночек зубки показывает!

Да как ты смеешь! Ты кто?

Я? Опьянел сильно? Или забылся?

Деньги мои и вино мое. Ты кто по статусу?

Эвард говорил громко, так, чтобы было слышно и соседям. Не он начинал этот разговор. И если мужчина окажется из касты воинов, то у того не будет повода обвинить Эварда в оскорблении. Надо было тому сразу же назвать свой статус. Тем более что по одежде мужчина на воина не тянул.

Ах ты, — мужчина побагровел, но взял себя в руки. — Век живи и учись. Надо же, как заговорил, когда я стал не нужен. Вот ты какой, хорошо притворялся. Хитер!

О чем это ты? Я не понимаю.

Ладно, ты выиграл. Далек пойдешь.

Лудвиг! — сзади раздался голос Тима.

Мужчина повернул голову и раскрыл рот от удивления. Посмотрел на подбегающего Тима, а потом перевел взгляд на Эварда.

Лудвиг! Ты здесь? Ты же хотел идти в Меленвиль.

А это тогда кто? — лесовик кивнул головой в сторону Эварда.

Это Варка, братишка мой, — соврал Тим. Он же давал Эварду слово, что никому не расскажет секрета.

Вижу, что брат. Близнец. Но ты мне про него не говорил.

А я потерял его. Думал, что насовсем. А тут вот встретил.

Здесь?

Нет, в Меленвиле. Я же туда пошел, думал, что ты уйдешь туда же. Так ты ушел от этих, которые гнались?

Ушел. А ты из Меленвиля сюда зачем пошел? Я ведь собирался завтра идти в Меленвиль.

А что там делать? Там коронация нового герцога, все графы, да бароны съехались. Не захотел попадаться на глаза тому барону.

Меленвиль — большой город, это вряд ли. Значит, старый герцог умер?

Лудвиг, так ты не знал?

Откуда? Я только вчера выбрался из леса.

Значит, не знаешь, что ралльский граф Дженрис умер?

Как? Он же молодой был?

Убили его.

Кто?

Наемники закололи.

Много их было?

Вроде, восемь.

Не врешь? Для графа восемь наемников — не противники. Они ему на минуту, даже меньше. С его-то даром.

А говорят, что он самозванец, дара нет. И что он скрывал это, просто хорошо умел махать мечом.

Что за вздор! Кому, как не мне знать и видеть, что граф Дженрис проходил Пробуждение! Кто распространяет эту ложь?

Новый ралльский граф.

Эвард?!

Нет, Герих.

А Эвард где?

Ну, я не знаю, — Тим замялся. Одно дело сообщать известные многим сведения, другое дело что-то говорить про тайну Эварда.

Герих его выпорол на конюшне, как пособника самозванца, — вмешался в разговор Эвард, до этого молчавший. — А ты откуда так хорошо знаешь графа Дженриса?

Потрясенный рассказом Лудвиг налил полную кружку вина и залпом ее выпил.

Раз ты брат Тимки, да к тому же теперь и скрывать особо незачем. Я был ближником графа, но провинился, сильно провинился и меня граф отправил в изгнание. А где сейчас Эвард, ты знаешь?

Эвард, до этого еще не решивший, как ему себя вести с Лудвигом, продолжить скрывать правду или что-то рассказать, после признания лесовика принял решение. Раз его отец прогнал этого ближника, то и он не будет иметь с ним никаких дел.

Говорят, что граф Герих собирался отрезать ему язык и отправить на каторгу. Наверно, так и сделал — с тех пор прошло больше недели.

А ты, кстати, как тебя зовут?

Варка, Тимка же сказал.

Ты, Варка, откуда всё это знаешь? — с подозрением спросил лесовик. — Что-то не похож ты на своего брата.

Как? Ты же сам сказал, что мы близнецы! — вмешался Тим.

По лицу похож, а вот по манерам, по речи на чумазого совсем не похож.

Лудвиг, когда еще Тим впервые его повстречал в лесу, показал, насколько он мог быть мнителен. Тогда он только из-за простого подозрения, что Тима могли подослать люди местного барона, чуть его не погубил, оставив его, привязанного к дереву, на съедение волкам. Что ответить, Тим не знал, но Эвард быстро нашелся.

А я работал в замке барона Вендориуса. У барона есть сын моих лет, вот я и был с ним. В слугах. Постоянно на господской половине замка.

Тогда понятно. Как баронета звали? — Видимо Лудвиг по привычке решил проверить Эварда.

Арнес.

Ладно, что случилось, теперь не изменишь. Засиделся я что-то впустую в лесу. Десять лет! Завтра пойду в Меленвиль.

А там что будешь делать?

В наемники запишусь. Пока еще не стар.

И Лудвиг встал из-за стола, направившись на второй этаж в свою комнату.

Варка, зачем ты ему так сказал? Он ведь очень переживал, что его изгнали. И все время думал, что сможет как-то загладить свою вину, сможет в чем-то помочь вашей семье, — Тим теперь говорил почти шепотом, боясь, что его услышат соседи, пристроившиеся за другими столиками.

Один раз предавший, пусть и не специально, предаст и в другой раз. Нет, такой мне не нужен. Пусть думает, что Эвард сейчас на каторге надрывается.

Вечером, уже устроившись на полу, Тим рассказал о своей встрече с Лудвигом, о том, почему того отправили в изгнание.

Так это он виноват в смерти мамы? Негодяй! Еще помочь хотел. Лицемер.

Нет, он же искренне. Я это чувствую.

Чувствуешь... А что ты можешь чувствовать? Я еще несколько дней назад, думая о злодействе дяди, о странных случаях, похожих на покушения, вот что заподозрил: не подстроил ли тот случай с мамой и братом дядя? Вполне мог. Если подстроил, то и твой Лудвиг был замешан. Он же нас оставил почти без охраны. В лесу десять лет сидел. А зачем? Чтобы снова подгадить? Ты долго добирался до Меленвиля после того, как с ним расстался?

Где-то с неделю.

С неделю. Мы с тобой прибыли в город одновременно. Так?

Так.

За два дня до этого убили отца. Ты теперь понимаешь?

Нет. А что?

После того, как ты с твоим Лудвигом расстался, через пять дней убивают отца.

Думаешь, это дело рук Лудвига?

А что, по-твоему, ему делать в лесу столько времени после того, как вы расстались? Слышал, что он сказал? Что только вчера вышел из леса. И не в Меленвиль он завтра пойдет, а в Ралльск, за деньгами и службой. Ну, скажи, когда ты с ним жил, странное не замечал?

Нет.

Деньги у него были?

Не знаю. Но вино, мед, мясо были. Ну, мясо он сам добывал. Про мед не знаю. А вот вино...

А вино можно купить только за деньги. Откуда деньги у отшельника, прожившего в лесу десять лет? Хорошо, что он меня в лицо не знал, а то лежал бы я сейчас где-нибудь в канаве с перерезанным горлом. Ты чего?

Это он мне сказал, что я похож на одного благородного. Он еще был очень удивлен, когда я умыл лицо, и смотрел на меня странно.

Вот! Значит, этот отшельник где-то видел меня раньше, раз твое лицо ему так удивительным показалось. А где видел? Явно не в лесу. В Ралльске. Где-нибудь в толпе пристроился.

Вар, если он завтра уйдет в Ралльск, то там может про нас рассказать. А у тебя он заметил манеры не чумазога. Твой дядя может догадаться.

Проклятье! Пожили здесь. Надо будет уходить. Хотя у нас еще есть несколько дней — пока он доберется до Ралльска, пока расскажет, пока людей дядя пошлет.

Вар, ты сам Лудвига не помнишь?

Конечно, мне тогда было-то полтора года.

А ваши люди должны его помнить?

Ну, наверно.

Ты мне рассказывал, что тот ближник, что тебя в Меленвиль вез, видел убийц. Он знал Лудвига?

Наверно. Точно знал! Хочешь сказать, что Лудвига среди тех восьми убийц не было? Может быть, и не было. Отец поехал на охоту, а твой лесовик округу знает хорошо, вот все и подстроил, вывел убийц на отца, а сам не показывался. Это один вариант. Но есть и другой. За десять лет он сильно изменился, вон бородачи какая, а видели убийц не вблизи, а с расстояния. И были те в шлемах. Могли не опознать? Могли. Так что вина твоего Лудвига доказана!

И никакой он не мой...

Только это тебя и прощает. Ладно, пора спать. Завтра еще один день здесь и уходим.

Куда?

Эвард не ответил.

Не доверяешь?

Чумазым нельзя доверять, но тебе скажу: пойдём на восток, там уже земли другого герцогства. А можно и на северо-восток, на коронные королевские земли. Хотя стоит ли? Ведь от королевской столицы до Меленвиля совсем недалеко будет.

Следующий день они впустую проболтались на улицах города, возвратившись на постоялый двор еще засветло. Эвард опять заказал лучшие блюда, что имелись в этом заведении, хотя даже лучшие изыском не отличались. Разве что тем, что мясо было не совсем жестким и жилы в нем были размером меньше, чем в тех кусках, что подавали остальным посетителям. Эвард вновь, как и вчера, расплатился серебрянкой, получив кучку медных монет на сдачу. Медь в дороге будет нужна. У селян серебро встречалось очень редко и вряд ли с серебряной монеты те могли дать сдачу.

Возвратившись в номер, парнишки вскоре легли спать — утром им уходить из этого города. Рано проснувшись, спустились позавтракать и заказать еды в дорогу. Пока на кухне для них жарили мясо, они снова поднялись в номер. Немного странно, конечно, что повариха так долго будет жарить, но Эвард удовлетворился ответом, что хорошего мяса сейчас на кухне нет, а привезут его уже скоро, надо только немного подождать.

Когда в коридоре послышались громкие шаги, парни подумали, что это слуга тащит еду, но в открывшуюся дверь вошел вовсе не слуга, а солдат, судя по нашивкам, из местной стражи.

Солдат сразу же бросил взгляд на выпирающий карман Эварда — там лежал мешочек с серебряными монетами.

Что там? Покажи!

Это мое.

Солдат протянул руку к карману, но Эвард попытался ее оттолкнуть, в итоге получил сильный удар кулаком по скуле и виконт полетел спиной к стене, сильно ударившись об нее головой. Потерявший сознание Эвард мешком повалился на пол, а солдат вытащил из его кармана мешочек с деньгами, открыл его и радостно воскликнул:

Ого! Денег-то сколько! Где украли?

Мы не крали, дяденька, — ответил Тим, не зная, как ему поступить.

Это скажешь судье. Бери своего подельника, и пойдём. Давай, поторапливайся!

Тим знал, что делали с попавшимися воришками — им отрубали руку. Правда, по первому разу только клеймили. Но это в Ралльске, а что делают с попавшимися в Турисе, Тим не знал. А судья даже не будет их слушать. Теперь одна надежда на Эварда. Но тому

тогда придется открыться, сказать, кто он. И не факт, что ему поверят. Встречают-то по одежке, а одежда у обоих была босяцкая. Правда, в мешке лежит настоящая одежда Эварда и его сапоги, но опять же, поверят ли? Могут сказать, что и содержимое мешка они украли вместе с деньгами. Эх, знать бы, как себя сейчас вести, но Эвард валяется без сознания, а на скуле у него наливаются свежий синяк.

Сильная оплеуха вывела Тима из раздумий.

Быстро поднимай!

И тогда Тим решил немного схитрить. Эвард, конечно, был тяжеловат, но для Тима это был не вес — поднимал он и потяжелее. Но сейчас он сделал вид, что с трудом приподнял Эварда, а как тащить, то и вовсе проблема.

Задумался и солдат. Чумазый мальчишка не может поднять другого — такое встречалось повсеместно — какова еда, такова и сила. Тащить самому чумазого солдату явно не хотелось. Да еще и за вторым следить, чтобы не сбежал. И мешок с серебром, как назло, в руках мешается. Звать напарника на подмогу? А серебро? Как бы делиться не пришлось. И так большую часть содержимого придется отдать десятнику. А зачем, кстати, отдавать? Зачем делиться? Никто же не знает. Хозяин заведения, что сообщил ему — тот будет молчать, если не хочет неприятностей. Есть еще двое чумазых воришек. Эти тем более болтать не будут. Наоборот рады до безумия, что на этот раз у них все обойдется, лбы и руки сохраняют.

Значит, так. Даю десять минут, чтобы духа вашего здесь не было. Если увижу еще — точно к судье пойдете. Понял?

Да, дяденька, понял.

Солдат запрягал поглубже мешочек с серебряной добычей и довольный началом дня, вышел из комнаты. Тим перевел дыхание. Кажется, пронесло. Денег, конечно, жалко — серебра почти на две золотых монеты, но в кармане у Тима лежал маленький кошелек с оставшимися золотыми монетами. Еще целых восемь штук!

Парнишка наклонился над лежащим без сознания Эвардом и, похлопывая по щекам, стал приводить его в чувство. Это помогло — виконт открыл глаза, а спустя несколько минут уже поднимался на ноги. Тим, повесив мешок с одеждой и сапогами себе за спину, поддерживая шатающегося Эварда, повел его с негостеприимного постоянного двора. Надо уходить отсюда подальше — не ровен час, стражник передумает, и тогда жди беды.

Через полчаса Эварда настиг озноб, хотя совсем небольшой. Хорошо, что ярко светило солнце и тепла вполне хватало, чтобы переждать лечение. Уже через четверть часа озноб прошел, хотя руки у виконта еще долго оставались холодными.

Что теперь будем делать, Вар?

Пойду снова к меняле. Без серебра нам никак. И еще меди наменять тоже надо.

Рядом с лавкой того менялы дом стражи.

Они разве не в замке находятся?

В замке только командир. И еще кто-то. Остальные в городе. У вас разве не так?

Я даже не знаю. Командир — да, в нашем замке стоит, а на простых солдат из стражи я внимания не обращал. Есть же ближники или хотя бы десятники. Тогда что же, появляться у лавки менялы опасно? Даже в моей настоящей одежде?

Узнать тебя может. И меня тоже. Я-то рядом буду, да и синяк у тебя только к утру сойдет.

Ладно, тогда надо поискать другого менялу. Не один же он в городе?

Менялу нашли часа через два. Его маленькая лавка располагалась не в самой лучшей части города, туда Эвард идти не решился. Не желая новой встречи со стражником, он повел Тима по окружности на противоположную сторону города, трезво рассудив, что их недруг патрулирует ту городскую часть, на которой расположен постоянный двор.

Оставив Тима на улице, передав ему свою палку (не будет же ходить парень в такой хорошей одежде с ободранным посохом?), Эвард шагнул внутрь лавчонки. Пожилой меняла с бегающими глазками ему сразу же не понравился. Тот, завидя посетителя и обратив внимание на его одежду, которая могла принадлежать человеку в статусе ближника (благородным здесь делать нечего), поклонился парню.

Что желает господин?

Разменять золото на серебро. И на медь. Сможешь?

Одну золотую монету, господин?

Нет, две.

Эвард достал кошелек, развязал его и достал два золотых. Глазки менялы забегали живее, тот не глядя Эварду в лицо, каким-то образом умудрился зорко оглядеть своего посетителя.

Э-э... могу... э-э... если господин немного подождет. Такие деньги! Здесь нельзя хранить большие суммы, даже мой Ричка не поможет.

Только теперь Эвард заметил сидящего в темном углу здоровенного мужика. Охранник менялы, значит. А как же иначе — где меняла, там деньги, а где деньги — там воры.

Ждать?

Да, господин. И в качестве виры за ожидание, я уменьшу свою долю за обмен. На четверть.

Ладно. Но поторопись. Я долго ждать не собираюсь.

В каких пропорциях серебра и меди требуется господину?

Меди на одну серебрянку.

Меняла поклонился и юркнул в заднюю неприметную дверь, оставив Эварда наедине с охранником. Минут через двадцать в дверь протиснулся запыхавшийся меняла, неся в руках два мешочка. Высыпав их содержимое на стол, он быстро пересчитал монеты и придвинул две грудки в сторону Эварда. Тот положил две золотых монеты на стол, которые тут же исчезли в руках менялы.

Медь сложи сам, — велел Эвард, сгребая серебро в мешочек.

Выйдя от менялы и подойдя к Тиму, виконт ему передал мешочек с медью, а сам запихнул серебро в карман куртки.

Не нравится мне что-то здесь, — хмуро сказал Тим.

А что с тобой?

Со мной ничего. Но вот несколько противных рож, недавно появившихся, мне не понравились.

Где? — завертел головой Эвард.

Не крутись. Здесь они и что-то высматривают. Только не пойму: с чего бы это? Или к меняле примериваются?

Там у него охранник. Крупный.

Один?

Да.

Странно. С одним охранником держит в лавке большие для этого района деньги.

Он не в лавке их держит. В другом месте.

Как в другом?

Ну да. Он выходил, минут двадцать его не было.

Я его не видел. И как это было?

У него в задней стороне лавки дверь, черный вход-выход, через нее он и вышел на улицу.

Тим взглянул в сторону лавки и нахмурился.

На улицу? Как это получилось? Смотри, его лавка стоит фасадом перед жилым домом, с обеих его сторон забор. Разве что проскользнул с правой стороны, раз я его не видел.

Наверно, так.

Может быть, — задумчиво ответил Тим, — только чей дом? Похоже, что его. Вон какие ставни! Есть что скрывать и защищать. Рядом-то дома с обычными окнами. Да и забор хитрый, с острыми кольями вверх.

Тогда что же он делал двадцать минут? Да еще и, запыхавшись, вернулся.

И потом появились странные типы. Ты всё золото показывал?

Нет, две монеты достал, не высыпая содержимое.

Когда доставал, монеты, небось, звякнули.

Ну и что?

Меняла понял, что у тебя еще есть золото. А с бандитами он заедино. Если и вовсе не их главарь. Но, скорее, наводчик.

Не думаю. Меняла был вежлив, кланялся. Четверть доли за обмен снизил. И здесь не трущобы, хоть и чумазые живут. На благородного напасть не посмеют!

Благородные в одиночку не ходят.

Так ты же со мной.

Чумазый парнишка. Нет, не такие у благородных должны быть спутники.

Теперь Эвард нахмурился.

И еще твой синяк, заметный за версту.

А это при чем?

Да при том, что пришел благородный парень, золотом трясет. Без сопровождения, да еще и побитый. Что-то с ним случилось, деваться некуда, если сунулся в такую лавку. Ограбить его — никто не вступится.

Не хотелось бы, чтобы оказалось, что ты прав.

Мне тоже.

А эти, может быть, ушли?

Нет, ждут, спрятались.

Если хотят ограбить, то почему не нападают?

Перед лавкой менялы? Если он их сообщник, то меняле достанется от стражи. Вот потому и не хотят его подставлять.

Разумно. Тогда нам надо идти к центру города. Там напасть не посмеют.

К центру, — согласился Тим, — только где этот центр? Улочки здесь кривые, запутанные. Лавку чудом нашли.

Ну, негодяй! Когда верну графство, отпишу графу про этого менялу. Погреет его спину плеть, хорошо погреет!

Идти все равно надо. Не вечно же здесь стоять?

Парнишки, выбрав направление к центру города, двинулись в путь. Тим оказался прав,

планировка этой части города была ужасной. Впрочем, где она была прекрасной? Пожалуй, нигде. Не туда свернув, парни сразу же почувствовали, что их кто-то догоняет. Эвард покрепче схватился за палку. И сразу же из-за поворота появилось трое преследователей, которые с радостными ухмылками стали полукругом окружать парнишек.

Когда расстояние между ними сократилось до полутора метров, Тим сделал шаг вперед и с размаху вlepил ногой в пах мужику, шедшему в центре. А потом, подскочив вплотную к согнувшемуся незадачливому грабителю, толкнул его в сторону мужика, стоявшего слева. А Эвард, глядя на начало боевых действий, сцепился с третьим грабителем. Хотя говорить, что виконт сцепился в поединке, сказать было не очень правдиво. Дело в том, что уже после второго удара по голове противник Эварда попросту свалился на землю, потеряв сознание.

Таким образом, из трех врагов, на ногах оставался лишь один, да и тот, запнувшись об упавшего под его ноги первого мужика, тоже растянулся на земле. А парнишки, воспользовавшись моментом, бросились бежать из столь негостеприимного места.

И куда теперь? — спросил Тим.

Уходить надо. Ищем ближайшие ворота и бежим из города.

Легко сказать, но в незнакомом городе с его запутанной планировкой найти правильное направление не так просто и быстро. Да и есть уже хотелось. К тому же путь их вывел в богатый квартал. А оттуда шла почти прямая дорога, ведущая как раз к южным воротам города.

Перед дверьми в престижный трактир Эвард остановился. Постоял, покусав нижнюю губу, и сказал:

Помню, был я здесь с отцом один раз. Два года назад, когда мы ехали в королевскую столицу. Останавливались не в замке, у отца не очень хорошие отношения с местным графом. Поэтому обедали здесь.

Здесь, наверно, очень дорого. Может, лучше купить где-нибудь еды по дороге?

Нет, раз пришли. И я еще сам хочу сюда. Это память. Вспомнить, как всё было раньше. Тебе не понять.

Почему? Понимаю. У тебя теперь все изменилось. И не к лучшему. Да? Ты это хотел сказать?

Это. И еще одно.

Эвард замолчал, Тим же не стал его торопить.

Это для заведения для благородных. Еще ближники там же. Воины — и те не все. Понимаешь?

Тим понял. Как не понять? Он же чумазый, а значит, ему там не место.

Я подожду тебя у входа.

Не обижайся.

Не обижусь.

Эвард вошел внутрь, а Тим присел немного в сторонке, стараясь не мешать проходу посетителям. В самом деле, кто он такой для Эварда? Тот виконт, графом станет, а Тиму до смерти оставаться в чумазом сословии. Почему он ходит с Эвардом? Тот ему нравится. Тиму интересно. Да и, что не менее важное — а куда ему деваться? Он беглец. Беглый закуп. В Ралльске его ищут. Хотя уже искать, наверно, перестали. Но все равно он изгой. Рассчитывает ли Тим на милости Эварда, когда тот вернет себе графство? Об этом он только сейчас задумался. А до этого, все дни, что он с Эвардом, Тиму было не до будущих милостей. Да и вряд ли у Эварда что получится. Новый ралльский граф уже всех купил, ко всем

примазался. И Эвард сейчас совсем не претендент на графский титул. Он беглец, за которым идет охота. А Тим должен помочь беглецу. Хотя бы потому, что тот не трус и хорошо умеет драться на палках. И еще, потому что Эвард обещал научить драться на них и Тима.

И, пожалуй, самое главное, на что Тим только сейчас после этих раздумий обратил внимание. Благородный виконт, получается, оправдывался перед ним за то, что Тима не мог взять с собой внутрь этого заведения. И где это видано?

Тим, в своей короткой жизни до своего побега из Ралльска ни разу не сталкивался ни с благородными, ни с ближниками. Да и откуда им взяться в трущобах? Другие, кто как-то имел возможность видеть людей высоких каст, были приучены к почтительности. Ведь иначе без хорошей порки не обойтись. Нет, Тим, конечно, знал, что этим людям нужно кланяться, а то и вставать на колени и ни в коей мере нагло не смотреть им в глаза. Знал, но только теоретически.

В лесу судьба его свела с ближником. Но Лудвиг открылся перед ним не сразу. К тому времени у Тима уже сложилось привычное к Лудвигу отношение. Уважение и почтение, но не как к человеку высокой касты, а как к взрослому человеку, хозяину, приютившему сироту.

После того, как Лудвиг признался, что он ближник, в их отношениях ничего не изменилось. Наверно, поэтому, когда Тим встретил и спас парнишку, то ли благородного сословия, то ли ближника, Тим перенес на него и свое отношение, сложившееся у него с Лудвигом. Вот только Эвард был не взрослым, сильным и уверенным мужчиной, а его ровесником. К тому же раненым и в первые дни беспомощным.

Тим, конечно, понимал, кто он и кто Эвард, понимал, был по-своему почтителен, но одновременно относился к Эварду, как к... нет, не как к другу, какая может быть дружба между ними? Но часто он вел с ним запросто, тем более Эвард вынужден был скрываться под видом чумазого и в целях маскировки отношения между парнишками должны были быть совсем простыми.

И Эвард, видимо, что-то понял, хотя его благородная сущность никуда не исчезала, да и не могла исчезнуть. Вот и сейчас Эвард поступил, как и положено благородному человеку, оставив чумазого спутника у дверей этого заведения. Оставил, но не отмахнулся, как это присуще всем благородным. И даже что-то сказал в свое оправдание.

Ждать пришлось долго. Час или даже два. Зато, когда Эвард вышел на улицу, он вручил Тиму большой кусок мяса. Да какого нежного и вкусного! Хорошо живут благородные!

Жуя на ходу, Тим двинулся следом за Эвардом, который держал путь на юг. Не прошло и получаса, как вдали показались городские ворота — вот что значит прямая улица, а не запутанный лабиринт.

Постой. — Эвард остановил Тима. — Давай-ка лучше уйдем из города через лаз.

Думаешь, нас ищут?

Вряд ли. Но попадаться на глаза охране не хочу. Жадные они, — Эвард потрогал синяк на лице, синева которого заметно убавилась.

Трудно это будет. Да и вечер скоро начнет подходить.

Почему трудно?

А где этот лаз-то?

Ты же нашел в прошлый раз. И быстро нашел.

Потому что тропка вытоптанная была. И парни местные рядом ошивались. А здесь вытаптывать нечего — земля голая, да в камнях. И никого рядом со входом нет. Разве что нам повезет, увидим, как пролезают с той стороны.

А почему никого нет? Они же деньги за проход требовали. И здесь должны.

Когда мы пролезли, то с этой стороны кто-то был?

Эвард покачал головой.

Никого не было, потому что вход в город платный, а когда денег нет, то и лезут через подкопы. А выход из города бесплатный. Зачем лаз искать?

Я понял. Значит, лучше идти через ворота?

Не знаю. Ты виконт, тебе и решать.

Тогда идем вперед. В самом деле, я же виконт.

Эвард шел с независимым видом, расправив плечи и не обращая внимания на идущих людей. А Тим, идя следом за виконтом, наоборот, поглядывал по сторонам, стараясь ничего не упустить из вида.

Вроде ничего особого, пара стражников, занятая сбором денег за право прохода в город и не обращающая внимание на выходящих людей. Сами люди, все такие разные, но в чем-то и одинаковые. Наверно, в том, что все заняты своими делами, своими проблемами. Несколько человек, не идущих, а стоящих у краев пяточка перед городскими воротами, тоже были обычным явлением. Кого-то ждут — дело обыденное.

Вот только двое парней, точнее один парень с мальчишкой-спутником заставил Тима немного напрячься. С чего это тот ткнул мальчишку локтем, а сам уставился на них? Даже не на них обоих, а на Эварда. В богатой одежде? Так что тут такого? И побогаче едут через ворота. Едут! Но не идут в одиночку. Может быть, это и добавило любопытства скучающему от ожидания парню? А теперь и мальчишка уставился на Эварда, открыв от изумления рот. А что в Эварде такого любопытного, что нет в других идущих мимо людях?

Когда Эвард уже прошел мимо парней, не замечая на себе их взглядов, а Тим, наоборот, притормозил, поравнявшись с парнями, стоявшими чуть в сторонке, старший парень наклонился к младшему и что-то сказал. Мальчишка развернулся и помчался куда-то внутрь городских районов. А парень не спеша двинулся вслед за ними. Точнее, за Эвардом, так как Тим еще замедлив шаг, пропустил парня вперед себя.

А Эвард, все так же, не оглядываясь, шел вперед, завернув на восток. Пройдя несколько сотен шагов, Эвард остановился и обернулся. Парень, шедший за виконтом в двух десятках шагов сзади, неожиданно занервничал, не зная, что делать, остановиться или идти вперед. Остановился и Тим. Он, стоя за спиной парня, рукой дал знак Эварду, показав на парня. Виконт нахмурился.

Ты кто такой?

Парень закрутил головой и, заметив стоящего в пяти шагах от него Тима, открыл в удивлении рот.

Долго мне ждать?

А я что? Я ничего.

Зачем за нами шел? — спросил парня Тим.

Я не шел. Нужно больно, — ответил парень и вдруг, затравленно оглянувшись, бросился бежать в сторону.

Кто это был?

Тим рассказал Эварду о произошедшем.

Думаешь, это за мной следили?

Как бы мальчишка не привел других, постарше и покрепче.

Тогда надо спешить, вновь встречаться с теми тремя типами желания нет.

Вар, то есть, Эвард (он же теперь в благородной одежде, значит, зовут его Эвард), может быть, нам пойти в другую сторону?

Зачем?

Этот видел, что мы пошли к востоку. Если будет погоня, то уйти будет трудно. Они же местные, всю округу лучше нас знают.

И куда пойти? На запад, в Ралльск.

Можно на юг.

Там же река.

Я раньше, когда совсем мальцом был, жил в рыбацкой деревне. Они каждый день возили рыбу сюда. Сам я здесь не был, но рассказы слышал. По южной дороге через реку мост есть.

Я тоже слышал.

Если пройдем на восток чуток, то лес уже виден. Свернуть туда, обогнуть, и можем выйти как раз к мосту.

Но в той стороне корнильцы.

Они разве такие страшные?

Нет. Просто у меня дедушка в войне с ними погиб.

Но сейчас-то войны нет?

Ладно, давай попробуем. Если не понравится, то уйдем обратно.

Они так и сделали. Прошли пару сотен шагов по дороге, и пока поблизости никого не было, юркнули в лес, взяв направление на юго-запад. И через некоторое время вышли к ленте воды. Солнце уже приближалось к закату, еще полчаса и начнет смеркаться.

Вдоль берега реки тянулась узкая дорога, по ней они и пошли в западном направлении. Деревянный мост появился внезапно из-за очередного поворота. Парнишки ускорили шаг, и вышли к мосту. Не успели они пройти по нему и несколько шагов, как со стороны города из-за деревьев выскочило четыре человека. Двое мужиков, что напали на них после посещения лавки менялы, а также парень, шедший за ними от городских ворот, и мальчишка, посланный в город. Мужики были вооружены длинными палками, а парень доставал из-за пазухи нож.

До преследователей, видно, что запыхавшихся, было пятьдесят, даже больше шагов. Эвард и Тим бросились по мосту к противоположному берегу реки. Скоро стемнеет и погоня отстанет.

Но, пробежав чуть больше половины длины моста, парнишки резко затормозили — навстречу им, ступив на мост со стороны противоположного берега, шел тот самый мужик, которого Тим пнул ногой в пах. И мужик достал откуда-то из-за спины огромный тесак.

Парнишки затравленно оглядывались в обе стороны. Из ловушки, в которую они угодили, не выбраться. А бандиты живыми их не выпустят. Выхода не было.

Глава 5

Вар, что делать? Ты как, сможешь от них отбиться?

А ты? — холодно, и как показалось Тиму, немного презрительно ответил вопросом на вопрос Эвард.

Какое там. Один на один и если они были бы безоружны. Да и то только не с любимым. А этот с тесаком, которого я тогда ногой — он больше не подставится. Так сможешь с ними? Не молчи, а то поздно будет.

Нет.

Тогда давай в реку. Уплывем, не все умеют плавать.

Я тоже не умею.

Ох! Да как же так-то...

Ты прыгай. Я чувствовал, что мне не судьба вернуться в Ралльск. Не в Меленвиле, так здесь...

Я постараюсь тебя вытащить. Давай прыгать, а то поздно будет. Вдохни посильнее, и руками не размахивай, а то мне тебя не удержать. И нос зажми рукой. Ну, давай же!

Тим подтолкнул Эварда к краю моста и в самый последний момент, когда здоровяк с тесаком уже почти вплотную приблизился к парнишкам, а четверо других преследователей были в десятке шагов от них, оба прыгнули вниз.

Глаза закрой, — уже в полете крикнул Тим.

Эвард, конечно, сразу же пошел на дно, но Тим, по сути, родился в рыбацкой деревушке, если назвать рождением находку неразумного малыша деревенскими девчонками. Когда его привезли в Ралльск, он уже плавал не хуже рыб, хотя не имел жабр и плавников. Да и в самом Ралльске именно Тим был лучшим пловцом среди окрестных любителей половить чужую рыбку.

Но одно дело самому плыть и нырять, другое — тащить, точнее, вытаскивать из-под воды не умеющего плавать человека, который, несмотря на инструкции, дергал руками и захлебывался. Все же Тиму удалось ухватить Эварда со спины, приподняв голову виконта над водой. Но за это пришлось расплачиваться самому — сделать очередной вздох приходилось, напрягая все оставшиеся силы.

Вскоре Тим понял, что он не сможет справиться со спасением Эварда, его силы быстро таяли, да и сам он нахлебался воды. Из последних сил он стал грести в сторону берега, но чувствовал, что дотянуть не удастся. Но судьба все же послала им маленький шанс в виде толстой ветви дерева, за которую Тим сумел ухватиться и наконец-то свободно вздохнуть.

Подталкивая деревяшку, он стал приближаться к правому берегу, и скорее всего, сразу же попал бы в руки преследователей, если бы не громкий крик одного из них, в наступающей темноте угодившего в яму на берегу.

К Тиму сразу же вернулась настороженность, он отплыл в сторону от берега и постарался оглядеться. Что творилось на противоположном левом берегу он разглядеть не смог, зато до него донеслись хлопки по воде. Тим, слегка утопив дерево, приподнял голову над водой и заметил плывущего за ними преследователя. Пловцом тот был плохим, а может быть, тесак тянул на дно — Тим узнал здоровяка.

Догонит он Тима или нет? Тим, конечно, плавал хорошо, но сейчас он тащил еще и Эварда. И руки были заняты, можно было только работать ногами, но так скорости не добиться. Мужику было проще, ничто его не сдерживало. Вот и расстояние потому и сокращалось. И стоит верзиле приблизиться к ним, как тот запросто сможет ухватить рукой ногу Тима или Эварда. И тогда все. Эварду не спастись в любом случае. А Тиму... Если верзила схватит ногу Тима, то и Тиму вряд ли удастся уцелеть, вырваться из цепких рук здоровяка. А если первым, кто окажется в пределах досягаемости руки верзилы, станет Эвард, вот тогда у Тима будет шанс. Хороший шанс. В одиночку, без Эварда Тим легко уйдет от грабителя. Был третий вариант — Тим бросает Эварда прямо сейчас и уплывает, но его Тим даже не рассматривал — разве можно бросить... кого? Друга, приятеля, знаконца, спутника... Как все сложно.

Был еще четвертый вариант, который он и выбрал. Он перевернул Эварда лицом к

бревнышку и зацепил его руками к нему. Лишь бы тот не начал дергаться. Одному виконту из реки все равно не выбраться, но здесь главное, чтобы Эвард сумел продержаться на плаву всего несколько минут. А дальше — как повезет. Если не повезет, то они оба пойдут ко дну. А повезет — вот тогда появится шанс, и шанс неплохой.

Тим слегка приподнялся над водой, рассмотрев преследователя. Тот уже почти приблизился к своей цели. Что же, сейчас верзила узнает, насколько опасно гнаться за хорошим пловцом. Верзила еще сократил расстояние, а Тим в ответ набрал больше воздуха в легкие и нырнул под воду. В воде почти ничего не было видно из-за наступающей темноты, но темная масса все же оказалась заметна. Тим ушел еще чуть глубже и схватил плывущего над ним человека за ногу. Тот задергался, но Тим держал ногу крепко, дергая ее вниз. Так продолжалось совсем немного, Тим почувствовал, что пора всплывать. Он отпустил ногу, а сам бросился вверх, к спасительному глотку воздуха. Когда он слегка отдышался и оглядел окрестности, то верзилы уже нигде не было. Видимо тяжелый тесак оказал плохую помощь, не дав мужику выплыть на поверхность. Тим еще раз огляделся и быстро поплыл догонять Эварда, по-прежнему висящего на стволе дерева. Впрочем, догонять пришлось совсем немного — бревно двигалось со скоростью реки, а потому и уплыло недалеко.

Четверо преследователей, что пробирались по правому берегу, судя по всему, давно уже отстали, прекратив погоню — помогла наступившая темнота. Но Тим, хотя и опасался за еде держащегося на воде Эварда, пока не решился приставать к берегу, решив проплыть парудругую верст. И еще надо было решить, какой выбрать берег — правый, на котором остались где-то позади четверо городских бандитов, или левый.

Тим, конечно, решил выйти на левом берегу и уже направил туда бревнышко, но в последний момент передумал. Будут ли их преследовать? Если не будут, то оба берега в равной степени безопасны. А если утром бандиты захотят заполучить кошелек с золотом и мешочек с серебром, то могут привлечь себе в помощь еще новых людей. Но для этого четверке придется вернуться в город. И по какому берегу двинется погоня? На их месте он бы проверил оба берега, но большую часть людей направил бы по левому. И если бандиты не совсем тупые, то они поступят точно так же. В самом деле, где выйти на берег беглецам? На правом берегу, где шла погоня или на левом, где никого не было? А раз так, то Тиму лучше направить бревнышко направо. Что он и сделал.

Вытащив совсем обессиленного виконта, Тим сам повалился на речной песок. Это плавание отняло у него последние силы.

Надо же, ты опять меня спас — первые слова, которые вымолвил Эвард, когда отдышался.

А как у тебя дела с твоей честью?

А это здесь при чем?

Трудно будет пережить эту ночь.

Почему?

В сырой одежде? Не знаю, как ты, но я уже замерзаю.

Надо найти жилье.

Где?

Подняться наверх и оглядеться. Огни поискать.

Пойдем. Только в лесу жилья нет.

В лесу?

А это что по-твоему? — Тим провел рукой дугу, — это лес. Здесь он с обеих сторон

берега. Я хоть и маленький был, но хорошо помню, как мне рассказывали. Вблизи Туриса на реке нет селений. Наше было вторым после соседской деревни.

А почему не раскорчевать лес и не выстроить эти деревни?

Туриский граф запрещает, чтобы меньше браконьерствовали. Тебе не холодно? Чего молчишь?

Да, знобит.

Честь все еще важна? Важнее жизни?

Ты меня второй раз спрашиваешь. Честь важна.

Тогда плохо.

Объясни.

В сырой одежде нам не вытерпеть ночь. И без одежды тоже.

Говори, не тяни.

Если сесть спиной друг к другу. Прижаться...

Я понял. Честь — это честь. Но я не настолько догматичен, тем более после того, что со мной было. Я вытерплю этот урон моей чести.

А со мной за это что будет?

Не бойся, хуже того, что тебя ждет за Меленвиль, уже не будет.

Обрадовал. Тогда поворачиваемся спинами.

Рассвет они встретили в зябкой полудреме. Едва появилось солнышко, протянувшее к ним свои теплые, совсем еще тоненькие лучики, парнишки вскочили на ноги и, не сговариваясь, стащили с себя одежду, так до конца и не высохшую. Немного побегав на береговом пяточке и тем самым чуть согревшись, с большим неудовольствием вновь натянули одежду. И если рубашка и штаны у Тима более-менее за ночь подсохли, то богатая и плотная одежда Эварда оставалась еще сырой.

Тим вытащил из мешка запасную одежду, которую носил Эвард, когда выдавал себя за чумазого. На траву потекли маленькие ручейки. Тим хорошенько отжал рубашку и штаны, но все равно так одежду быстро не высушить. Вот повесить на ветви дерева, да под прямые солнечные лучи, глядишь во второй половине дня она и высохнет. Только нет у них этого времени.

Моя одежда почти высохла, осталось совсем немного. Ты только не злись, давай на время поменяемся.

А с чего это так?

Я-то привычный к холоду. Даже зимой нырял, есть-то всегда хочется.

Значит, ты считаешь меня слабым? Неженкой?

Ты же благородный. За вами слуги ухаживают. Я знаю.

Ухаживают, — согласился Эвард, — но только не ты один в холодную воду нырял. Я после каждой тренировки, чтобы смыть пот, шел в подземелье замка и там плескался в проточной воде. А она почти ледяная. Потом, правда, уже наверху, меня ждала бочка с горячей водой.

Я понял. Тогда нам нужно идти, как бы погоня не появилась.

Какая погоня?

Из города. Неужели ты думаешь, что эти откажутся от золота? Это же золото! Даже за серебрянку готовы горло перерезать.

Чумазые, — презрительно констатировал Эвард.

Ага, чумазые, — усмехнулся Тим. — И вчера утром тебя чумазый по голове двинул и

серебра на два золотых отобрал.

Это же стражник. Он подумал, что мы украли эти деньги. Сам же говорил, что у тебя и серебрянки раньше не было. А тут целый кошель серебра.

Ага, он подумал. — Тим хмыкнул. — А деньги сдал казначею графа.

А разве нет?

Ага. И нас отпустил по своей доброте.

Тогда почему?

Ты временами бываешь так наивен, уж извини, но так уж есть. Себе он все взял, а нас отпустил, чтобы никто не узнал.

Вот как? Тогда чего же мы в Турисе опасались, что на него нарвемся?

Он мог сделать так, чтобы заткнуть наши рты навсегда.

Эвард молчал, обдумывая слова Тима.

Ладно, нечего здесь рассиживаться, а то вон ты от холода начал дрожать.

У тебя слишком длинный для чумазого язык.

Ну, извини. Я красивым словам не обучен. Но вижу, что тебе... не жарко. Пойдем, в дороге чуток согреешься. Да и солнышко скоро поднимется. Пока лес пройдем, как раз в самую пору и будет.

И куда пойдем?

Вдоль реки идти не стоит. Если погоня, то они тоже вдоль реки пойдут. Если не на этой стороне, то на той будут, нас увидят. А нам это надо? Лучше бы пристать к тому берегу, там можно на юг двинуть, но там и больше шансов погоню встретить. Пойдем на север.

Там же Меленвиль. Обратно туда?

Не знаю, просто идти куда-то надо.

Ладно, пошли.

Путь через лес занял часа полтора. Хорошо, что на Эварде были сапоги, а то ноги, не привыкшие к босой жизни, быстро бы поранились о множество колючек, сухих и острых веток, всего, что усыпано на лесной почве. А Тим с раннего детства не знал, что такое обувь, и теперь его ступни так просто не поранить.

Выйдя на опушку леса, они заметили вдали на пригорке небольшую деревню. Как раз вовремя, а то есть уже хотелось нешуточно.

Стой здесь, а я пойду за едой, — Тим достал из своего кармана мешочек с медью, достав из него монетку, а остальное протянул Эварду. — Держи, незачем мне показывать все деньги.

Опять грязной моркови притащишь?

А что морковь? Есть можно, ты же ее ел.

Есть можно, — передразнил Эвард Тима. — Сам ешь это дерьмо. Пошли вместе, я куплю настоящей еды.

Вдвоем лучше не ходить. Мы не знаем, что там за люди. А они разные бывают. Если пойдет один и с ним что-то случится, то второй может попытаться его выручить. Поэтому пойду я. А мне тратить серебро слишком подозрительно будет. Не может быть у меня серебра.

Тогда пойду я один. Мне серебро позволительно. Я же... ближник. Так и буду себя вести. И одет соответственно.

У тебя одежда еще не просохла.

А им какое дело?

Ладно, иди. Тогда, чтобы тебе не возвращаться впустую, давай встретимся на той стороне леса, вот, смотри, опушка с кучкой кустов. Пока ты будешь покупать, я обойду деревню по дуге и там на опушке встретимся.

Эвард кивнул головой и направился в сторону деревни, а Тим побежал вдоль опушки леса, стремясь успеть первым оказаться на назначенном месте. Заодно он оттуда и посмотрит, что творится в деревне и что с Эвардом.

Меньше, чем за полчаса, Тиму удалось незаметно для местных обитателей обойти по дуге деревню и залечь в кустах на месте назначенной встречи. В деревне все было спокойно, а через пару минут появился и Эвард. Не пустой, а нагруженный. Получилось у него! Здесь не город, где серебро высоко ценилось. Здесь его вообще не бывает. Это, конечно, в обычной деревне. В той, где он провел первые годы своей жизни, серебряные монеты, хоть и изредка, но должны были иметься у жителей. Как-никак браконьерствовали, хоть и за бесценок, сдавая в Турис наловленную рыбу.

Эвард появился на опушке минут через десять. Пара тушек куриц, плошка, заполненная наполовину сметаной, молоко в кувшине со сбитым горлышком. А это что? Рыба! Надо же! Ай, да местные. Тоже, значит, пошаливают, рыбку ловят, хотя река находится в полутора часах ходьбы.

А кресало? — с надеждой спросил Тим. Не будешь же есть куриц сырыми.

За дурня меня держишь? Смотри, осторожней с языком. А кресало, трут, кремь — всё взял.

Я и не думал тебя оскорблять. Ведь все могло быть. Я сам, может быть, забыл бы спросить у местных. Рыбка жареная — сейчас съедим и молочком запьем. А остальное к вечеру.

Парнишки набросились на рыбу, обглодав ее буквально за несколько минут. А затем не спеша пили молоко. Куриц Тим положил в свой мешок, вынув из него запасную, все еще сырую одежду. Туда же, в мешок, сверху положил и плошку со сметаной. Ее они съедят тоже ближе к вечеру. Мешок придется нести аккуратно. Сырую одежду перебросил через плечо — солнышко уже стояло довольно высоко — сейчас начнет поджаривать, в самый раз, чтобы высохла одежда.

Эвард тем временем подобрал себе новую палку. А Тим, положив мешок на землю, юркнул снова к краю опушки — надо же посмотреть, что изменилось в деревне, пока они ели и собирались в дорогу. А изменения были. Прежде всего, он заметил знакомую фигуру. Тот самый парень, что преследовал Эварда у ворот Туриса. И на мосту он тоже был. А с ним сейчас неизвестный Тиму спутник. По виду — крупный мужчина. И парень как раз с этим мужиком о чем-то говорил. Затем парень развернулся и побежал в сторону Туриса, сдвигаясь ближе к реке. А мужик направился в их сторону. Вот проклятье! Выследили.

Вар, нас выследили! Один идет сюда, а второй, тот знакомец, что шел за тобой, побежал за подмогой.

Один? Сейчас он получит как следует! Будет знать, как гнаться за благородным!

Ты, да, благородный. И тебе, конечно, решать...

Интересно. Тебе жаль этого чумазого негодяя?

Нет. Ты, наверно, с ним справишься, хотя он очень крупный. А если он тебя заденет? Что-нибудь сломает. Тогда нам не уйти.

Ты хочешь, чтобы виконт Ралльский показал спину чумазому?

Мы и так это все время делаем.

Он же нас догонит. Что здесь его остановить, что через версту. Не все ли равно?

От него избавимся, а с другими что делать? Они уже к вечеру будут здесь. Даже те, кто на другом берегу. И еще набегут.

Я не понимаю, к чему ты клонишь.

Уходить надо не на север, а пока на запад, вдоль реки идти. Бандиты все бросятся нас искать на севере, раз ты в ту сторону пошел. А мы пройдем через лес к реке и вдоль берега уйдем на запад.

Там же Ралльск.

До него далеко. Пересидим где-нибудь. Долго искать не будут. Уйдут обратно в Турис, у них там свои дела.

Ладно, уговорил.

Тогда давай скорей, пока этот нас не заметил. И вот еще что. Тебе надо снова переодеться в мою запасную одежду.

Зачем это?

Ищут парня в хорошей одежде. Из высокой касты. Вот только сапоги...

А что сапоги.

Снять бы их, но ты и получаса не пройдешь по лесу.

Отойдя немного вглубь леса, Эвард с презрительной гримасой надел одежду Тима. Было от чего кривиться. Не успел он вновь почувствовать себя тем, кем был раньше, Эвардом Ралльским, как теперь он снова чумазый Варка. Тьфу! И одежда вся сырая, совсем не просохла, в отличие от той, что он снял. Нет, та тоже не была сухой, но не такой, как эти обноски. Да и прогрелась старая одежда. А вот сапоги он снимать не стал. Он прекрасно помнил, как он уходил босиком из Меленвиля. Сколько сумел пройти босиком? Час? А ведь там дорога нечета усыпанной иголками и сучками лесной земле.

Но как бы то ни было, идти надо. А куда идти? Эвард доверился Тиму. Тот уверенно шел вперед, но река почему-то не появлялась. Эвард уже сбился со временем. До деревни от реки они добирались часа полтора, а сейчас прошли не менее четырех.

Тимка, ты уверен, куда меня ведешь?

Не совсем уверен, я ведь здесь впервые, но идем к реке.

Так долго?

Я нарочно взял немного в сторону, чтобы выйти подальше от того места, куда на бревнышке приплыли, а то на этих нарваться можно.

А сейчас не нарвемся?

Все может быть, никто уверенно не скажет. Они могли куда хочешь пройти. Но рассчитываю, что почти все уйдут к северу. Пусть нас там ищут. А, вот и река!

А теперь куда, вдоль реки? Или хочешь меня на ту сторону переплавить?

Не-а. Туда же бандиты утром ушли.

Так ты сам сказал, что их сейчас на этот берег позовут.

Позовут, кого дозовут. А если не всех? Вот то-то и оно. Да и как тебя переправлять? На чем? Опять на бревнышке? Нет. Сегодня дальше никуда не пойдем. Норку себе устроим, чтобы тепло было, а утром, как рассветет и пойдем. Не хочу сейчас рисковать — вдруг на кого нарвемся?

А утром не нарвемся?

Можем, но к утру, глядишь, здесь никого и не будет. А ты кресало не доставай, сегодня придется сметаной обойтись. Нельзя костер разводить — заметят.

А завтра можно?

А завтра, хочешь — не хочешь, а в животе урчать будет. Но костер запалим, когда еще несколько верст вдоль берега пройдем...

Идти вдоль берега на следующий день не получилось. То и дело по реке проплывали лодки, какие-то люди сновали в ту или другую сторону, поэтому ребятам на первых порах приходилось постоянно сворачивать в лес и пережидать, когда все пройдут или проплывут. Скорость передвижения упала, конечно, разительно. И тогда Тим предложил Эварду идти не вдоль береговой полосы, а взяв чуть в сторону, пробираться через лес. Скорости тоже никакой, зато не надо постоянно озираться и пугаться любого силуэта.

Зато почти сразу же в найденной ямке удалось развести небольшой огонь и поджарить одну курицу, которую они со зверским аппетитом и съели. Вторую тоже не мешало бы зажарить, иначе к вечеру она подпортится. На это еще потратили часть времени. Зато теперь не придется вечером разжигать костер, свет от которого мог бы привлечь нежданных гостей.

Замотав вторую курицу в кучу лопухов, чтобы жиром не испачкать хорошую одежду Эварда, ее поместили на дно мешка, положив сверху одежду, опять проложив все лопухами. После чего снова пустились в путь. День прошел без неожиданностей.

А на следующее утро, после того, как ребята позавтракали остатками второй курицы, перед ними встал вопрос поисков дальнейшего пропитания. Этот день можно и поголодать, но долго без еды не протянешь.

Как раз во время раздумий они вышли из леса, остановившись на опушке. Невдалеке виднелась деревня, судя по внешнему виду домов, отнюдь не бедная.

Это, кажись, Серебрянка.

Серебра там много? — удивился Эвард.

Нет, рыбацкая деревня, такая же, как и та, в которой я мальцом жил.

Браконьеры?

Да, куда без этого. А Серебрянкой прозвали по виду рыбьей чешуи. Но и серебро кое у кого водиться может.

Тогда и мое серебро там сгодится? Будет хоть сдачу мне сдать, а то отдал монету за каких-то две жалких курицы и рыбу. У тех даже медных монет на сдачу не было.

Ага, как же, будет сдача. Чем богаче человек, тем жаднее. Забыл, что нас ищут?

Даже здесь?

А кто их знает? Может, и сюда весточку кинули.

Так нам что, с голоду помирать?

Умирать еще погодим. А деньги показывать нельзя.

Грязную морковь купить хочешь?

Вообще покупать нельзя, пока не выяснится, что в деревне творится. А тебе в твоей благородной одежде вход и вовсе заказан.

Это почему же?

Так ищут же тебя.

А тебя?

Меня разве что только вместе с тобой, да и то пристяжным. Ты же один у менялы был. А я что? Я так, то ли приبلудный, то ли еще что. Деньги видели у богатого. Он же в одиночку серебром бросается. На чумазого без денег никто внимания не обратит.

И как же ты без денег еды добудешь?

А наймусь к ним в работники. Да ты меня не понял, не хмурься раньше времени. Сам

посуди — вдвоем появляться нельзя, да и что ты умеешь делать? И плавать не умеешь. А я здесь вырос. Почти вырос. До шести лет жил неподалеку. Все умею. Жратвы здесь навалом. Рыбы тебе принесу. Неделю как-нибудь протянем. Ночевать в лесу одному плохо. Но где-то здесь стога с сеном у них должны быть. Скотину они в деревне не держат. Вот в стоге и спать будешь.

А с чего ты взял, что тебя примут, и кормить будут?

Драться из-за меня будут. Меня совсем непонятливым мальцом нашли. Какой с такого прок? И то, говорят, дело до драки дошло. А уж я сейчас нахлебником не буду. И рыбы у них навалом, они ее почти бесплатно в Турисе в рыбацкую гильдию сдают. А знаешь, почему меня с руками оторвут?

Ну... работник нужен.

Это так, дело второе. Я им нужен для твоего дяди.

Как это? — опешил Эвард.

Придет он сюда, не сам лично, а солдат пошлет. Поймают они местных на браконьерстве, ну и в качестве платы, если денег нет, людьми берут. В закупы. Вот меня и примут для этого случая. Хотя, когда он еще будет и будет ли вообще? Но со мной такое было. Пришли ваши солдаты и меня в закупы в Ралльск отправили.

И ты считаешь, что это неправильно?

Я считаю, что нужно найти, где у них стога с сеном. Могут быть далеко от деревни, тогда мне не сумеешь тебе рыбки принести. Могу не успеть или в темноте заблужусь. Да и спать надо, а то большую часть ночи проваландаюсь туда-обратно. Я так думаю, сейчас попробуем найти стог, а затем место подыскать, где ты меня будешь ждать, как стемнеет. В эту ночь могу и не прийти — не обессудь, а если и в следующую не появлюсь, значит, со мной что-то не так. Тогда поутру иди дальше на запад уже один.

Полянку со стожками сена они обнаружили довольно быстро — повезло, значит. Да и от рыбацко-браконьерской деревни было недалеко — версты две или чуть больше. Между полянкой и деревней тянулась широкая полоса леса, надежно прикрывающая секретную луговину от чужих глаз. Договорившись, где Эвард вечером будет ждать Тима, парнишка, оставив виконту свой мешок и кошель с медными деньгами, налегке пошел в сторону деревни.

Свернув на окраину, Тим замедлил шаг, стараясь выбрать более подходящий дом. Основным критерием было наличие свободного выхода к той части леса, где его будет ждать Эвард. Вот хотя бы этот? Чем плох?

Тим постучался в калитку. На крыльцо вышла старуха.

Чего тебе?

Подайте что-нибудь, второй день ни крошки во рту.

Нет здесь ничего. Иди, давай уходи.

Я и отработать могу. Не пожалеете.

Не нужны нам такие. Уходи.

Бабушка, хоть кусочек.

Проваливай, а то собаку спущу.

Интересно, какая у нее собака? Нет здесь собаки, это все они так любят пугать. В его старой деревне собаки были всего на нескольких дворах, а значит, и здесь то же самое. Да и будь на дворе собака, то давно бы голос подала.

Тим растерянно огляделся. Куда еще постучать. Но будет ли прок? Сейчас все, наверно,

на реке. А кто-то в Турис подался, рыбу повез. Идти к реке? Можно, конечно, только как найти хозяина удобного для его целей дома?

Тим пошел вдоль деревенской улицы, попытавшись постучать еще в несколько домов. Только здесь и вовсе никто не появлялся на крыльце. Понятно — все на реке.

Эй, ты что здесь делаешь? — сердитый голос заставил Тима повернуть голову.

Мужчина средних лет, в руках заостренная с одного конца палка. Даже и не палка — самый что ни на есть кол.

Покушать, дяденька. Я отработаю. Я сильный.

Сильный, говоришь? — мужик задумался. — А сам откуда?

Из Ралльска я. Сирота, жил у мусорщика.

Ну и что ты умеешь? Что делал?

Дрова собирать, тяжести могу таскать, даже рыбу ловил.

В гильдии был?

В рыболовной? Нет, откуда? Я же у мусорщика жил, но больно голодно — в обмен на мусор одни рыбы хвосты доставались. А рыбку мы с пацанами сами ловили. Приноровились нырять.

Нырять, значит, умеешь?

Умею. И плаваю хорошо. И выносливый я.

А здесь чего же?

Да вот в Турис подался. Я же сирота. Говорят, там лучше живется. Может, не врут?

Может, и не врут, а может... Хорошо там, где нас нет. Значит, кушать хочется?

Хочется, дяденька. Второй день без еды.

А скажи-ка малец, по дороге кого встречал?

А кого, дяденька? Были люди, Разные.

А парня из ближников видел? Не попадался?

Откуда, дяденька? Здесь же лес, деревни и то редки.

Ну-ну. Значит, не видел. И ладно. Сегодня моя очередь здесь оставаться. А вот завтра я проверю тебя, как ты в воде будешь. Понравишься — оставлю в доме. Не в самом, а на задворках. Ничего, ночи теплые, не замерзнешь. За еду — отработаешь. Всё понял?

Всё, дяденька.

Мужик ушел в свой дом, откуда-то скорее появился, держа в руках кусок жареной рыбы. Рот Тима сразу же наполнился слюной.

Заходи во двор. На, держи. А пока будешь вон под тем навесом. На ночь сена дам. И еще рыбки. А завтра — отработаешь.

Тим, оставшись один, разделил кусок на две части, завернув одну в сорванный лопух. А другую быстро съел. Конечно, не наелся. Даже, если съел бы весь рыбий кусок, полученный от мужика, и то не наелся бы. Ну да ладно, в Ралльске, когда он жил у мусорщика, то и столько зачастую не имел. А вечером мужик обещал ему еще рыбы дать. А навес-то сделан не для ночлега вне дома. Тим вспомнил такие вот навесы в его родной деревне. В них разделявали рыбу, подготавливая ее к копчению. Ведь самые жирные рыбыны местные жители оставляли себе, а вовсе не отправляли в город. Там-то рыба шла по весу, без разницы, какая она — крупная и жирная или мелкая и тощая.

Ближе к наступлению темноты в деревню потянулись ее жители. Кто в одиночку нес на плечах корзину с рыбой, кто сам впрягся в маленькие тележки, тоже нагруженные рыбой. Встречались и подводы, даже тяжело нагруженные. Подводы заезжали внутрь дворов, а спустя

некоторое время мужики, а то и просто мальчишки уводили лошадей за околицу деревни, почти в ту же сторону, где Тим оставил Эварда. Догадаться, что где-то в той стороне лошади остаются на ночной выпас, было не трудно.

Уже почти в темноте хозяин вспомнил о Тиме, показав ему, где можно взять несколько охапок сена, а еще через час сунул ему большой и горячий кусок жареной рыбы.

Завтра рано утром пойдешь на работу. А теперь спать. И не смей шуметь, а ты выдеру.

Тим с удовольствием съел половину полученного куска, а затем, оглядевшись по сторонам, тихо и незаметно для жителей окрестных домов направился в сторону рощицы, где у него была условлена встреча с Эвардом. Передав ему два "сэкономленных" куска рыбы, Тим вернулся обратно и быстро уснул.

Следующий день ничего такого, что он не умел делать, ему не принес. Забрасывай сети, ныряй, тащи улов, грузи в корзины, таскай их — и так почти весь день. Если бы он не был привычен, то, пожалуй, к концу дня Тим мог свалиться от усталости. Но сейчас, хоть он и устал, но незаметно вернуться на берег и забрать припрятанную пару рыбешек, а затем их вместе с половиной куска жареной рыбы, полученной им на ужин от хозяина, он смог отнести Эварду без особого труда.

В следующий вечер припрятанный дневной улов увеличился в два раза — до четырех рыбин. А еще он принес Эварду пару старых опорок, которыми пользуются дети жителей деревни в холодное время года. Не будут же они зимой бегать босиком по снегу и по речному льду? Эвард брезгливо поморщился, на что Тим сказал:

Про сапоги забудь — сразу же вычислят. А тебя до сих пор ищут. И позавчера, как я появился в деревне, про тебя интересовались, и сегодня рыбаки опять обсуждали. Серебрянку за тебя посулили. Деньги здесь немалые. А босиком ты пока из норки до опушки дойдешь, ноги можешь пропороть. Я-то привычный, и то пару раз поранился.

Эвард еще сильнее скривился, но обувь на ноги натянул.

Сколько ты еще здесь пробудешь?

Тебя пока ищут, но, думаю, еще день-два и устанут, рукой махнут. А за эти два дня я еще рыбки натаскаю. Только не забывай ее потрошить, особенно жабры удали. Внутренности тоже, вместо них осокой брюхо ей набей. Или крапивой. И саму рыбеху крапивой обложи. Побольше крапивы.

И не испортится?

Если на солнце держать не будешь, то не должна. Ну, если чуть-чуть стухнет, то в золе повалять при жарке, никаких запахов не будет...

Вернувшись в деревню, Тим улегся на ворохе сена и заснул. Ведь завтра утром снова на работу. Проснулся он от громких криков на рассвете. Солнце еще только-только показало свой красный край на горизонте. Не понимая, в чем причина переполоха, Тим выскочил со двора на улицу и сразу же наткнулся на человека с мечом в руках. Это же воин! Откуда он здесь.

Быстро пошел на площадь, — полученная оплеуха подтолкнула Тима к центру селения, куда, как он сейчас заметил, сгонялось все население деревни.

Через час в согнанную толпу втолкнули последнего выловленного человека и вперед воинов, окруживших крестьян, вышел человек в хорошей одежде, на которой был вышит герб Ралльского графства. Только теперь Тим заметил на солдатских щитах ралльский герб. Так это ралльцы! Что они забыли на землях, принадлежащих Турису? Тим догадался. Пришли разбираться с браконьерами, так же, как это было восемь лет назад в его деревне. Сейчас

виру будут накладывать, а у кого денег не будет, у тех заберут в закупы детей.

А что будет с ним самим? С одной стороны, он не член ни чьей семьи. Он просто вольнонаемный работник, на несколько дней за кров и пищу нанявшийся на поденную работу. А с другой стороны, как это доказать? Его хозяин, конечно, постарается откупиться от ралльцев именно им, чужаком. И небось, скажет, что Тим его внебрачный ребенок. Или еще что-нибудь придумает. Поэтому Тим заранее приготовился отбиваться от невеселой перспективы отправиться снова в Ралльск, откуда он сбежал в прошлом году.

Негодяи! Мерзавцы! Драть вас плетьюми, да нещадно. Ну да ладно. Всё ещё будет. Всё. За убытки, нанесенные гильдии рыбаков Ралльска, а значит и казне его светлости графа Гериха, и чтобы впредь неповадно было браконьерствовать, все дети в возрасте от шести лет до почти взрослого состояния забираются в качестве компенсации за понесенные убытки. Понятно? Солдаты, начинайте, а тех, кто посмеет сопротивляться и руки распускать, тем руки рубить.

Оп-па-па! Такого Тим не ожидал. Когда его мальцом забирали в Ралльск, тогда все было иначе. А сейчас творилось что-то странное. Видимо, ралльская гильдия рыбаков решила всерьез ударить по своим конкурентам, раз сейчас забирают всех детей.

На деревенской площади творился полный кавардак. Воины, вклинившиеся в толпу, хватили детей и тащили их в сторону. Уже несколько взрослых безумно кричали, прижимая к груди или животу обрубки своих рук. Другие взрослые в полном оцепенении от происходящего почти никак не реагировали на то, что у них отбирали детей. Сами дети кричали, вырывались и уже несколько человек в бессознательном состоянии волоклись солдатами из толпы к месту сбора детей. Потащили и Тима, которому хватило ума не сопротивляться. Через полчаса в противоположных концах деревенской площади стояли две неравномерные по численности группы людей — взрослые и дети.

Вновь вперед вышел ралльский десятник. Скорее, старший десятник, так как солдат было несколько десятков. А может быть, это был ближник? Тим не очень-то в этом разбирался.

Значит, так. Кто хочет выкупить деток, тот платит серебрянку. Одна серебрянка — одно дитё. Ясно? Времени на раздумье даю четверть часа. Потом будет поздно.

Несколько мужчин с понуро опущенными головами вышли вперед и в сопровождении солдат направились по своим домам. Через полчаса группа с детьми поредела на треть. На всех схваченных у родителей, видимо, не хватило денег. А, может быть, те просто пожадничали? Детей еще можно нарожать, а вот с деньгами расставаться, ой, как не хотелось!

Тем временем по сигналу командира на площадь принесли несколько деревянных больших чурок.

Вот. Сейчас будем пальцы рубить. Вначале на руках, потом на ногах. У всех.

Толпа завывала.

Командир поднял кверху руку, призывая замолчать.

По приказу его светлости графа Гериха у браконьеров должны быть отобраны все тягловые животных, на которых, вы, мерзавцы, нашу рыбу в Турис возите. Кто сдаст лошадей добровольно, те могут выкупить их у ралльской казны по две серебрянки за голову. Если денег сейчас нет, то составим долговую бумагу. Рост будет небольшой — всего пятая часть суммы за год. Ну, а те, кто воспротивится воле графа — лишится пальцев. Даю четверть часа на раздумье, а потом — не обессудьте.

Через несколько минут из толпы потянулись вначале одиночные фигуры, а потом пошла целая струйка желающих выкупить своих лошадок. Те, конечно, были на выпасе где-то за пределами деревни, но, во-первых, пальцы жалко — как без них работать? Калеки же! А во-вторых, после того, как первые вышедшие повели солдат на секретное пастбище, другие сразу же смекнули, что теперь из-за своего упрямства останутся не только без пальцев, но и без лошадок. Ведь животных сейчас всех найдут, пересчитают и отделят из общей массы тех, за которых было уплачено деньгами или долговыми подписями.

Да, хитро придумал новый ралльский граф. Солдаты вовсе не ловили крестьян с поличным на браконьерстве, как это было при старом графе Дженрисе. Сейчас по-быстрому набивали ралльскую кошину, не опасаясь гнева туриского графа.

Но несколько лошадей остались не выкупленными. Их хозяева сейчас или лежали без памяти на земле, либо прижимали свежие культи к телу. Такой вариант командира даже обрадовал — появились лошади, которые тут же впрягли в подводы, посадив туда взятых в закупы детей. На одной из подвод оказался и Тим. А десяток подростков, кто был возрастом постарше, направился на запад своим ходом.

Уже выехав из деревни, несколько появившихся откуда-то из-за стороны солдат втолкнули в идущий пешком десяток еще несколько мальчишек — тех, кто был с лошадьми в ночном. Тима аж передернуло. Среди вновь прибывших оказался и Эвард. Но подойти к виконту Тиму не удалось — подвода, на которой он лежал со связанными ногами и руками, ехала быстрее, чем идущая пешком группа подростков, среди которых находился Эвард. Через полчаса расстояние увеличилось настолько, что Тим потерял своего спутника из виду.

По прибытию в Ралльск, привезенную добычу рассортировали. Казначей замка пересчитал добытое серебро, что-то долго высчитывая. А закончив свои непонятные вычисления, приказал отвезти в замок всех пригнанных лошадей и сам лично отобрал несколько детей для работы в качестве слуг. А остальные, среди них оказался и Тим, были отданы гильдии рыбаков в качестве компенсации за понесенные ею убытки от браконьерства.

И настали для Тима дни с привычной ему работой. Принеси, погрузи, почисти, подай... Когда на третий день пребывания Тима в бараке для закупов, там появилось пятеро новичков из числа тех, кто был отправлен в Ралльск своим ходом, то Эварда среди них не оказалось.

Тим больше всего опасался именно такого поворота. Если Эварда решат оставить при замке, то виконт будет быстро опознан и разоблачен, попав прямоком в руки своего дяди. Что тот с ним сделает, догадаться было не сложно. Или прикажет тайно убить или, наоборот, сделает все это явно. Власть графа Гериха за это время всяко укрепились, раз тот не боится посылать солдат на чужую землю, по сути, занимаясь грабежами под предлогом борьбы с браконьерами. А раз власть нового графа укрепились, тот уже без опаски может казнить Эварда или, на крайний случай, после урезания языка и клеймения, отправить парня на каторгу. Ведь Герих это Эварду обещал. А теперь и повод есть — Эварда выслали за пределы Ралльска, а юный обманщик нагло вернулся.

Поговорив с вновь прибывшими, Тим на короткое время перевел дыхание. Эварда в замок не взяли, а отдали кому-то, кто заплатил за него полсеребрянки. Но успокоение было кратким. Эварда выкупил Оррни. Так звали хозяина кулачных боев, от которого Тим сбежал прошлым летом и совсем не жаждал попасть к нему на глаза. Потому как за побег Тима ждала смерть. Или быстрая — для страха и наглядного примера всем закупам, либо медленная — это уж что придумает хозяин. А ведь Эвард — близнец Тима. Да и одежда на

нем Тима...

Эварда вместе с другими захваченным подростками пригнали в его бывший замок. Но, к счастью, старый управляющий хозяйством замка его не узнал. Да и кто разглядит в чумазом, не умытом мальчишке в рваной одежде и старых опорках всегда важного и надменного юного виконта? Управляющий отобрал самых рослых и сильных парней и миловидных девушек, а Эвард вместе с пятью более мелкими мальчишками был отдан двум солдатам для отправки их в рыболовную гильдию. Там бы и встретился виконт с Тимом, если бы не желание солдат подзаработать. А так как известному в Ралльске хозяину кулачных боев, которые с удовольствием посещали и солдаты (конечно, бесплатно), требовалось подкупить пару парнишек покрепче, то, естественно, оба солдата обратились к Орнни.

Тот в это время оказался на месте и, выйдя на крыльцо, осмотрел предложенный товар.

Ох ты! — с удовлетворением в голосе сказал Орнни. — Да это же мой закуп! Сам в руки пришел. Я его забираю.

Как это? Э, нет. Бери двоих, плати полсеребрянки, как договаривались.

Договаривались, что не щуплые будут.

А эти разве щуплые? Вот те двое — смотри, как ряшки наели.

С такими ряшками их в первый же день потопчут. А парня я беру. Полсеребрянки сейчас вынесу.

А второго кого?

Считайте, что второго в следующий раз. Остальные мне не подходят — слабые.

Будет ли следующий раз и кто в новой партии достанется им для конвоирования, солдат совсем не волновало, главное вот — полсеребрянки. Поэтому они с повеселевшими лицами повели оставшихся пятерых закупов в квартал рыболовной гильдии, оставив Эварда у Орнни.

Долго ты скрывался. Я уж думал, что всё — тебя уже не поймать.

О чем ты? — удивился Эвард.

Узнаешь. Скоро узнаешь. Вначале, в первые дни, я хотел тебя очень медленно убивать, но что-то охолодел. Быстрый гнев прошел, остался холодный разум. Да теперь ты еще мне урон нанес — на полсеребрянки. Вот отработаешь, тогда и умрешь. Медленно. Но сколь скоро это будет — зависит только от тебя. Будешь хорошо работать, будет у тебя отсрочка, Тимка.

А-а... Не Тимка я.

Вот как? А кто же?

Эвард Ралльский.

Орнни выпучил глаза и так стоял, наверно, с полминуты. Потом немного пришел в себя.

Если смеешься, не будет у тебя отсрочки. Сам виноват. А если головой тронулся... то я, так и быть, подумаю.

Ты думаешь, что я сумасшедший? Что ж, это резонно. Но я на самом деле Эвард Ралльский. Теперь уже бывший виконт. Но только временно. Если поможешь мне, я тебя отблагодарю. Золотом.

Значит, не тронулся. Ладно, Тимка, сам выбрал. Ларка, иди сюда.

Я не Тимка. Мы с ним очень похожи. Он, наверно, бастард или сын бастарда от кого-то из нашего рода. Поэтому у него и дар есть.

Вот как? Дар? У него есть, а у тебя, господин виконт?

Что за вздор? Я же благородный! У нас у всех начальный дар.

Ах, да, да, да.

Что звал, хозяин? — подошел мужик, откликнувшийся на имя Ларка.

Узнал его?

Тимку-то? Как не узнать.

А Тимка-то вовсе не Тимка. Представляешь?

Как это? — опешил мужик.

А вот так. Ну-ка быстро на колени! Да не передо мной, перед ним. Это же благородный виконт! В опорках и Тимкином рванье. Даже я его рванье помню.

Да, это его одежда, — спокойно ответил Эвард. — Мне пришлось ее надеть, ведь меня ищут. А в ней меня не узнать.

Ищут? Кто же ищет вас, ваша светлость? — с издевкой спросил Орнни.

Наемные убийцы, — на полном серьезе отвечал Эвард.

Ему сейчас пришлось раскрыться — а что делать? Иначе этот человек, заплативший за него полсеребрянки, его запросто убьет. Тимка говорил, что бывший хозяин, от которого он сбежал, ищет его. Ищет, чтобы поймать и в назидание другим закупам казнить.

Ай-яй-яй! Как прискорбно. Но здесь ваша светлость будет в полной безопасности. В железном ошейнике и на кольце в подвале. Понял, Ларка?

Да, хозяин.

Тогда носи ошейник и занимайся. А что с тобой, Тимка, сделать, я еще подумаю. У меня время есть.

Напрасно ты мне не веришь.

Да, да. Но что поделаешь. А знаешь, я, пожалуй, тебя несколько дней поиспользую. Завтра у меня как раз будет драться один мальчик. Чуть помассивней Ларки. Раза в два. И годков ему под тридцать. Зато разум чист, как у малого ребенка. Я ему разрешу тебя разделать. На кусочки.

Чем мне тебе доказать, что я Эвард Ралльский?

А что благородные умеют? Ни-че-го! Только щеки надувать.

У тебя есть арбалет? Я могу с двадцати шагов попасть в медную монету.

Орнни, до этого потешавшийся над словами Эварда, как-то быстро сузил глаза. В них промелькнула тревога, но через секунду-другую глаза вновь вернулись к первоначальному состоянию.

А еще что умеешь? Ножи метать?

Нет, нам нельзя привыкать к ножам и мечам. Особенно к мечам, иначе при Пробуждении будет плохо. Я могу на палках драться. Тимка ведь не умел, так?

Ну.

Этот мужик, что завтра будет, в самом деле, такой большой?

Как медведь.

Тогда дай мне палку. Ему можешь тоже палку дать. Или топор — без разницы. И я его свалю.

Орнни стоял и молча смотрел на Эварда, а вернувшийся Ларка теребил в руках металлический ошейник.

А знаешь что, Тимка, — Орнни специально выделил голосом имя, — народу будет интересно посмотреть на такой бой. Я тебе дам палку, а Кайка получит топор. Но если ты рассчитываешь на быструю смерть — не жди. Кайка тебя просто покалечит и очень сильно. Но я помогу тебе выжить. Через неделю снова выпущу на бой. Соперника подберу послабже. Да и какой ты потом боец? Безрукий или безногий. Это после встречи с Кайкой.

Орнни повернулся и ушел в дом, а Ларка повел Эварда за дом. Здесь оказался вход в подвал. Внутри, в одной из комнат, куда Ларка завел Эварда, в трех стенах торчали железные кольца, накрепко вмонтированные в каменные стены. Ларка надел ошейник на Эварда и прикрепил его к кольцу на центральной стене. И только после этого развязал парню руки. Дверь захлопнулась, с той стороны послышался звук запираемого запора. И Эвард остался один в темноте.

Сколько прошло времени, он не знал, большую часть заточения пробыв в полудреме. Очнулся от своей дремы он после того, как запахнулась дверь. В комнату проник небольшой лучик света. Но даже такой лучик ослепил Эварда. Пока Ларка снимал его с кольца, глаза немного адаптировались. Правда, на улице ему снова пришлось ненадолго зажмуриться — яркое солнце буквально слепило.

Подошел еще один мужчина, держа в руках палку. Через несколько минут его повели по узкой и кривой улочке, выведшей на небольшую площадку, центр которой был огорожен толстой веревкой, привязанной к кольям, вбитым в землю. Здесь и происходят кулачные бои — догадался Эвард. Вокруг огороженного места толпилось несколько десятков человек, неплохо одетых. Встречались и солдаты. Мужчина протянул палку Эварду. Его оружие на этот бой. Конечно, не дубинка, но крепкая и ровная. И что самое главное, как раз ему по руке

Мальчик Тимка против медведя Кайки, — объявил какой-то мужчина, судя по всему, распорядитель боев. — Сегодня у нас новое. Драка будет не на кулаках, а с оружием в руках. У мальчишки палка, у нашего медведя топор. Вот мальчишка. Вы его должны помнить. Это наш Тимка, который сбежал прошлым летом. За побег закупа хозяин имеет право казнить беглеца. Сам или чужими руками. Любым предметом. Сегодня это топор. Хотя Тимка утверждает, что он побьет своей палкой Кайку. Делаем ставки!

Часть зрителей, доставая монеты, бросилась к распорядителю, который лихо принимал ставки спорщиков. Когда число желающих спорить сократилось до пары человек, один из зрителей, стоявший в сторонке, хорошо одетый крепкий мужчина сказал:

А если Тимка победит, то не подстава это будет?

Зрители, в первую очередь заплатившие деньги на спор, заволновались, зашумели.

Я сам ставлю на Кайку и хозяин тоже, — ответил распорядитель.

Это не ответ. Может быть, кто-то из этих, — мужчина неопределенно кивнул головой, — из вашей шайки. Знаем мы таких хитрецов. Двое ставят на одного, другие, на них глядя, тоже, а весь куш срывает ваш человек.

Зрители зашумели еще сильнее, видимо все спорщики поставили на Кайку. Кроме кого-то одного, иначе спор был бы бесполезен.

Если Тимка победит, то любой может выйти на него с топором. Выйти сам или поставить своего человека.

Зрители опять зашумели, но их тон сменился, став довольным.

Любой, — повторил распорядитель боев. — Только условие — до смерти не убивать. Калечить можно, но в меру.

Это дело, — сказал сомневающийся мужчина. — Но тогда ставки в случае первой победы мальчишки переносятся на второй бой.

Хорошо. Пусть будет так. Если Тимка побеждает Кайку, то выплата никому не производится, а переносится на результат второго боя.

Вот теперь и я поставлю, — удовлетворенно крикнул мужчина, доставая кошелек.

А хозяин Орнни неожиданно для всех присутствующих, подойдя к распорядителю боев, достал несколько медянок.

На Тимку.

Спорщики снова заволновались.

Не бойсь. Если что, то на второй бой я поставлю своего умельца, — успокоил всех тот же крепкий хорошо одетый мужчина.

После его слов, если у кого-то и возникло желание поставить, на всякий случай, на Тимку несколько медянок, то они сразу же передумали. Конечно, поставив медную монету, при такой разнице в ставках, медянка может принести очень хороший навар. Но это при условии, что мальчишка с палкой победит, устояв по очереди двум громилам с топорами. Но это совсем уже нереально. А раз так, то зачем тратиться впустую? Медянка и так пригодится.

Слушай, может мне на мальчишку поставить? Вдруг он выиграет? Такой куш! — Эвард услышал разговор двух человек, стоявших недалеко от него.

Не выиграет. Ты сам слышал — беглый он. Его Орнни специально под топор ставит. В наказание. Не выиграть пацану!

Да? Ну, ладно.

Да и как выиграть-то? С Кайкой, если бой честен, с палкой на топор? Ха! А потом, если чудо будет... или подстава, то Дерсни специально выставит кого-нибудь из своих амбалов. Разве не видел — он серебрянку поставил против пацана.

Ну, тогда точно чем бой кончится.

Это даже бой. Из пацана обрубок сделают.

Обрадовали! Лучше бы Эварду их не слышать. И так муторно. На палках он дерется хорошо, но Кайка-то с топором. И еще неизвестно, каков он в бою. Но теперь поздно. Сам же этому Орнни предложил. Хотя вчера деваться было некуда — ну, никак тот не мог ему поверить, что он виконт, а не чумазый. Только победный бой с явно превосходящим противником может заставить Орнни если не поверить, то хотя бы задуматься над словами Эварда.

Давай, иди в круг, — Эварда чуток подтолкнули вперед.

Огороженная площадка идеальным кругом не была — скорее, прямоугольник, впрочем, какая разница? Нужно сосредоточиться и настроиться на победу. И просчитать действия этого медведя. Точно, совсем как медведь. А такие, как правило, изображают плохо. Вместо мозгов жир или мышцы. Не ходи к предсказателю, этот сразу же поперет, как... медведь. Ну, точно — медведь же!

Эвард покрепче сжал в руках свое оружие и прошел внутрь площадки для боя. А вот Кайка помучался, для его фигуры не так просто пройти под веревкой. Верзила взревел и поднял высоко над головой топор. Зачем? Ведь его соперник простой мальчишка, хоть и крепенький. Но ведь с палкой. Против топора!

Видимо эта мысль все же дошла до Кайки и тот, радостно ухмыляясь, попер на Эварда. Виконт лихорадочно размышлял, что же ему противопоставить верзиле. Где у того слабые места. Бить по голове? Не так давно в Турисе Эвард безрезультатно бил палкой по голове вот почти такого же громилы. И все было впустую. И только довольно случайный удар в живот поверг того грабителя на землю. Может быть, и с Кайкой так же поступить? А если не получится? Может не получится. Но он с этим ударом подставится. Под топор. И тогда всё.

От нескольких взмахов руки с топором Эвард довольно легко уклонился, его ответные

удары по голове, как и следовало ожидать, ни к чему не привели. Верзила только порывкивал и пер на Эварда, как носорог.

А если, как в том учебном бою в замке, когда он сломал запястье сыну Дрейка? А что? Попробовать можно. И при очередной попытке Кайки попасть лезвием топора по голове или плечу Эварда, виконт сильно ударил по сжимающей топор правой руке верзилы. Попал! Кайка странно затряс правой рукой, оставив топор в одной левой. И Эвард, не давая верзиле опомниться, нанес несколько сильных ударов по виску Кайки. Тот выронил топор и зашатался, дергая головой во все стороны. И вот только теперь Эвард со всей силы вогнал один конец палки в брюхо верзилы. Тот рухнул на землю.

Зрители закричали, громко обсуждая итоги боя. Кто-то был в восторге, а некоторые, из числа поставивших деньги на Кайку, недовольно кривили лицами.

Подстава или нет, но ставки на бой не считались. Все решит второй бой. — Хорошо одетый мужчина, которого, как Эвард слышал, звали Дерсни, уже подзывал своего человека.

Высокий, хотя и не такой внушительный, как Кайка, мужчина смотрелся очень в выгодном свете. Чувствовалось, что у него был давний и хороший опыт. И как бы не настоящих сражений. Откуда у чумазых меч? Уж не из касты ли воинов этот человек?

Высокий поднял топор, оставшийся на земле после того, как Кайку уволок с площадки и бросили за пределами собравшихся зрителей. По тому, как тот держал в руках топор, Эвард понял, что тот не простой чумазый, каким-то образом оказавшийся участником кулачных боев. Этот, как Кайка, не позволит себя беспрепятственно бить. Сам ударит, да так, что Эварду не отвертеться, не уклониться. А раз так, то у него есть право только на один удар, второго удара высокий ему не позволит.

Противники начали сходитьсь. И когда до высокого оставалось несколько шагов, Эвард рванулся вперед, но в последний момент затормозил, падая на спину, тем самым мешая противнику в нанесении верного удара. А сам виконт в это время уже направлял один из концов палки в сторону паха высокого. Здесь главное не промазать. Иначе смерть, высокий запросто зарубит лежащего Эварда. И он попал. Раздался странный хруст и высокий с выпученными глазами и перекошенным в молчаливом крике ртом стал заваливаться на землю.

Всё! Он выиграл оба боя. Пораженные увиденным и недовольные исходом боя, лишившего их, казалось, гарантированной победы в денежном споре, зрители переглядывались между собой. Но ведь всё честно. В первом бое, теоретически, могла быть подстава, но во втором против мальчишки вышел человек Дерсни. А тот вел свои дела честно. К тому же все видели, что Дерсни сам сделал ставки против победы мальчишки. Никакая это не подстава! А малец-то какой! И когда следующий бой?

Но владелец кулачных боев объявлять время и дату нового поединка с участием Тима не стал.

Еще не решил, — бросил он, уходя к себе после окончания боя. На Тиме, который называл себя виконтом Эвардом, в этот день он заработал десяток серебрянок, поставив на мальчишку лишь несколько медных монеток.

Эварда увели в подвал, неплохо покормили, а вскоре туда же спустился и Оррни.

Ты меня удивил. Выдержал два боя.

Теперь ты убедился, что я говорил правду?

Не знаю. Тим где-то пропал с прошлой осени, он мальчик способный, вполне мог научиться обращаться с палкой.

Я еще владею и арбалетным боем.

Ты говорил, я помню. Ты говорил про золото?

Да, если ты мне поверишь, то как только я верну замок, я распоряжусь выплатить тебе золото.

Сколько?

Десять монет. Это более чем достаточно.

Ладно. Но я тебе еще не поверил. Расскажи про убийц, зачем они за тобой гонятся.

И Эварду пришлось рассказать произошедшую в Меленвиле историю с попыткой его убийства.

Дядя, говоришь, подстроил?

Да, я это понял со слов этого негодяя Твелли.

Твелли?

Это главарь наемников, что меня ранил в плечо.

Значит, десять золотых, говоришь?

Да, это мое слово.

Хорошо. А арбалет я тебе достану завтра. Покажешь, насколько ты в нем искусен.

На следующий день, прямо с утра Эвард бил болтами по различным целям. И их сбивал. Орнни молча смотрел и покусывал усы. После этого Эварда снова отвели в подвал и в течение нескольких дней не тревожили, открывая двери только для передачи пищи.

В один из следующих дней, а может быть, это была ночь, дверь камеры открылась, и яркое пламя факела ослепило Эварда. По раздавшимся шагам виконт понял, что вовнутрь зашло двое, но кто-то еще переминался ногами за порогом.

Ларка, умой его.

Принесший ведро с водой, человек хозяина вымыл лицо Эварда, который стал немного привыкать к яркому свету факела.

Ну, он? — голос Орнни Эвард знал.

Да, это он, — слышался второй голос и тоже, как показалось Эварду, голос ему знакомый.

Ларка, оставь в коридоре факел, а сам исчезни.

Почти сразу же смотреть стало легче и Эвард, к своему ужасу, увидел рядом с хозяином... Твелли.

Твелли медленно вынимал кинжал из ножен.

Постой, Твелли.

Почему? Ах, вот оно что...

Твелли задвинул кинжал обратно в ножны и достал кошелек.

Как и обещано, десять золотых.

Негодяй, — прошипел Эвард. — Продался.

Я получил те же десять золотых, что ты обещал и мне. Только сразу же, а не ждал бы неизвестно, сколько времени, пока ты соизволишь превратиться в графа. Да и не стал бы ты графом. А теперь и подавно.

Орнни спокойно пересчитал монеты и положил кошелек в свой карман. А Твелли снова потянулся за кинжалом.

Подожди. Не спеши, никуда щенок не денется. Завтра днем у меня снова бои. Пусть помрет там.

Денег тебе мало?

Ну, и это не помешает. Но причина в другом. Он же беглый закуп. Зарежешь ты его сейчас — моих этим не проймешь. А вот если на площадке, да в бою, да топором по очереди отрубить руки, потом ноги — это будет показательно для всех, кто думает сбежать. Дождись до завтра. После того, как порубят ему руки-ноги, мальчишка сразу кровью истечет.

И кто его порубит?

А ты не хочешь?

А знаешь, Орнни, хочу. У него передо мной должок. Слишком долго я бегал.

Тогда завтра днем.

Глава 6

Как Тимка выполнял работу, старшему смотрящему рыболовной гильдии господину Дарису, видимо, понравилось. Иначе зачем тому переводить мальчика из подсобной команды в группу тех, кто непосредственно занят на ловле рыбы? Таких же счастливчиков вместе с Тимом набралось еще трое.

Да, именно счастливчиков — пожалуй, так назвать выбранных парней было правильно. Во-первых, питание. Не рыбы отходы, а самая что ни на есть рыбка, причем, довольно неплохая, а не какие-то там костлявые карасики. Во-вторых, работа. Сама работа легче не стала, но зато у нового надсмотрщика в руках плети не было. И в третьих, из барака закупов, где все носили ошейники, за которые закупов пристегивали на ночь к стене, счастливчиков перевели в домик, хоть и плохонький и основательно населенный, зато никаких ошейников и, что самое главное, был свободный выход за его пределы.

Конечно, поздним вечером после ужина идти особо некуда, тем более рано утром снова на работу, но сам факт возможности свободного передвижения, очень и очень радовал переведенных на новое место. И особенно Тима.

Первые две ночи он осматривался на новом месте. Точнее, спал, присматриваясь к порядку и тому, что делают и как ведут себя старожилы. А на третью ночь, выйдя из дома по нужде, Тим прошел вдоль квартала гильдии и помчался в сторону места кулачных боев, которое на его везение было всего-то в полуверсте от рыболовного квартала.

А вот что делать дальше, оказавшись на месте, Тим не знал. Найти бы кого-нибудь, кто знает о судьбе приведенного сюда неделю назад парнишки. Но сейчас ночь, и в лучшем случае в окрестностях бродят пьяные взрослые. Мальчишки — лучшие информаторы, давным-давно видят вторые, а то и третьи сны.

Простояв впустую с полчаса, Тим уже собрался уходить, но неожиданно невдалеке от дома, где обитал Орнни, в свете факела появились три фигуры. Тим прижался к дереву, осторожно выглядывая из-за его ствола. Люди свернули за угол, но свет факела не пропал, не стал исчезать, удаляясь, а застыл на месте. Там был вход в подвал, где Орнни, бывало, держал провинившихся работников. Тим это знал прекрасно — сам как-то раз туда попал. Его сердце застучало быстрее — он понял, кто сейчас мог обитать в подвале.

Свет от факела, не виденного из-за угла, дернулся и стал исчезать — люди спускались вниз. Тим двумя перебежками приблизился к дому, а затем после короткого раздумья, обогнул его с другой стороны и оказался как раз напротив входа в подвал. Изнутри шел свет от факела. Теперь оставалось только ждать.

Ожидание было не таким уж и долгим. Свет стал ярче, появился первый человек, державший факел в руке. Тим его узнал — это Ларка, подручный Орнни. Двоих мужчин, идущих следом за Ларкой, Тим тоже узнал. Первого сразу — как не узнать бывшего хозяина.

А вот второго Тим признал чуть позже, когда свет факела попал тому прямо в лицо. Это тот мужчина на постоялом дворе в Меленвиле, которого так опасался Эвард. Наемник, пытавшийся убить виконта и почти преуспевший в этом. И вот теперь этот наемник зачем-то спускался в подвал. Кстати, а как он здесь оказался?

Теперь Тим еще больше укрепился в мысли, что в подвале находился Эвард. Находился. Живой или... Тим даже чуть не застонал от мысли, что Эварда только что зарезали. Эх, если бы он вчера не проспал, не решаясь выйти из дома, а пошел сюда... Но как бы он узнал, где находится Эвард? У кого спросил бы?

Мужчины завернули за угол, но свет факела не пропал, не растворился, а наоборот, почти сразу же вновь открылся — Ларка возвращался к входу в подвал. Зачем? Убрать тело убитого Эварда? Но подручный хозяина заходить в подвал не стал, а устроился у стены дома, прислонившись к ней спиной и вытянув ноги. А затем Ларка потушил факел.

Что это могло значить, Тим понял не сразу. Ларка что-то охраняет. Но что? Точнее, кого? Эварда? Но зачем того охранять? Тим помнил, как людей сажали на цепь. Сам испытал на своей шкуре, точнее, на своей шее. Просто так не отцепиться. А если бы и так? Как сбежать из подвала, где нет окон? А единственная дверь крепко заперта на засов. Но Ларка зачем-то сидит у входа.

Что делать дальше, у Тима сомнений не было. Если Эвард все еще жив, то это ненадолго, раз здесь этот наемник. А значит, надо идти напролом, пока не поздно. Если еще пока не поздно — поправил себя Тим. Он осторожно обошел вокруг дома, стараясь найти что-нибудь увесистое. Но откуда? Сам же жил у мусорщика, подбирая любые палки и щепки. Здесь не Меленвиль, где этого добра навалом. А вот с камнями такой проблемы не было. Камней в Ралльске много. Их, правда, тоже подбирают и сортируют — дом кому-нибудь подлатать или еще для каких-то других целей потребуются. Но камней много, поэтому подобрать увесистый камешек не проблема.

Ларка уже спал, оглашая окрестности заливистым храпом. Ну вот и все, храпа больше нет. Тим спустился вниз и отодвинул засов.

Эвард? — позвал он виконта.

Тимка?

Я. Ты как? Жив?

Жив, — послышался приглушенный вздох.

Подожди, я сейчас.

Тим поднялся наверх, подобрал факел, нашел кресало и кремь в кармане сидящего все в той же позе Ларки. Затем спустился вниз и зажег огонь. Факел озарил комнату. Эвард! Живой, целый и невредимый. Прикован к стене, но это не проблема, сейчас он будет свободным — за дверью лежит прут для этих целей. Вот только ошейник сейчас с шеи не снять — нет инструментов под рукой. Но это и не нужно для того, чтобы покинуть опасное место.

На улице хоть и ночь, но этот район Тиму хорошо знаком. Сейчас нужно отойти подальше, а завтра утром, как только откроются ворота, они уйдут из города. Его у рыболовов, конечно, уже хватятся, но какое дело стражникам у ворот до какого-то беглого закупа? Тем более что можно уйти из города и через лаз, благо Тим их знает несколько.

Отойдя подальше от места обитания Орнни, ребята остановились у какого-то забора. До рассвета несколько часов, теперь можно немного подремать. Но сначала они обменялись известиями. Больше рассказывал, конечно, Эвард, чем Тим. Что интересного случилось с

ним, Тимом? Да почти ничего. Работа и опять работа. А вот у Эварда... Загляденье!

Утром они поднялись и направились в сторону ближайших ворот, но отдаляясь от опасного для них места. То, что они увидели издалека, парням не понравилось. Стражников у ворот было не два, а три. Ладно, такое бывает. Но что там делает человек Орнни? Что он так высматривает среди выходящих из городских ворот людей и проезжающих телег?

Тим придержал за руку Эварда. Хорошо, что их двое, они не так бросаются в глаза, как мальчишки-одиночки или пареньки в сопровождении взрослых, которых внимательно осматривали. Получается, что Орнни уже узнал, что Эвард сбежал. И сбежал не в одиночку, а ему кто-то помогал, оглушив Ларку. На мальчишку явно не подумали, посчитав, что сообщником в освобождении Эварда был взрослый.

Парни развернулись и пошли обратно.

И что теперь?

Пошли к лазу.

А ведь точно, ты в Турисе так и сделал.

У ближайшего лаза они оказались минут через двадцать. Но теперь шли осторожно, и сразу приблизиться поостереглись. И как оказалось, поступили правильно. Буквально в тот же момент с другой стороны улочки показалось двое мужчин — солдат и какой-то чумазый парень, который подвел солдата к лазу, а сам нырнул в него и через пару минут появился обратно. Он что-то сказал солдату и тот присел у стены.

То, что солдат появился по их душу, парни поняли сразу же. Значит, Орнни разослал своих людей к городским воротам, а этот Твелли, который был с графом Герихом заодно, побежал в замок. И вот, как следствие, вход в лаз перекрыт. Ясно, что тоже самое сейчас происходит и с остальными выходами из города. Крепко их обложили! Выходы закрыты, а теперь начнут искать по городу. И найдут. Нет сомнений, что найдут быстро. День-два, не больше. Пообещают серебрянку, как это было в Меленвиле — и все.

Искать, конечно, будут не Эварда, а беглого закупа Тимку — так объяснят всем любопытным. За простого беглеца серебрянку не платят, значит, придумают какое-то объяснение. Скажут, что беглый закуп поднял руку на человека из касты воинов. Или даже на ближника.

Эти соображения Тим довел до Эварда. Тот сидел мрачный, о чем-то думая.

У меня есть золото. Шесть монет.

А разве не отобрали?

Нет. Мешок с медью в карман не влезал, так я его положил под сено в стоге. И туда же мешок с серебром — спать мешал, выпирал из кармана. А кошелек с золотом он незаметный, я его так и оставил в кармане. Меня не обыскивали. А что искать у оборвыша?

А у Орнни?

Там меня сразу в подвал. Кошелек я тотчас вытащил и в щель запрятал. Не хотел, чтобы негодяи еще и на этом заработали. А как ты пришел, вытащил кошелек обратно.

Понятно. Золото — это хорошо. Можно подкупить кого-нибудь. Вот только как бы всё не отобрали, а нас с тобой не сдали бы страже. И золото наше получают и серебрянку за нас. Народ здесь еще тот.

Чумазые, — презрительно сказал Эвард.

Да все хороши.

Не скажи. Пойдем.

Куда?

Нам нужно в центр города. Там дом, принадлежащий барону Вендориусу.

Это тот самый, про которого ты сказал Лудвигу, что был у его сына, твоего ровесника в слугах?

Тот самый. И он был другом отцу. А Арнес — моим другом.

Это сын барона?

Он самый.

Думаешь, помогут?

Это благородные люди, а не твои чумазые.

Тим только вздохнул. А что он мог возразить? Сейчас главное добраться до дома этого барона и не попасться на глаза стражникам. Те, конечно, будут искать их на окраинах, поэтому шанс пробраться в центр города незамеченными у них был. Но на месте ли барон? Не уехал ли он в свой замок?

Им повезло, по пути поводов скрываться не было. Вот и дом барона.

Иди ты. Постучи и попроси баронета Арнеса. Скажешь ему, что от меня.

Хорошо. А почему сам не идешь?

Ты себя видел? Свою грязную мордочку? Даже не догадаешься, что ты на меня похож. Самый что ни на есть чумазый. И по своей кастовой сути и по лицу. А меня этой ночью умыли, чтобы Твелли опознал. Представляешь, как удивится слуга, увидев чумазого с ошейником на шее и с лицом виконта Эварда?

Понятно.

Тим так и сделал. Открывший дверь слуга, долго размышлял, как поступить. Впускать оборванца в дом? Ему это явно не хотелось. Но и вызывать благородного юного господина тем более нельзя. Баронета — к какому-то чумазому мальцу!

Стой здесь, — наконец решился слуга. — Я доложу его милости.

Минут через десять дверь открылась снова, и слуга явно с неохотой впустил Тима в дом.

Стой здесь, — указал он Тиму на место в гостиной.

Через несколько минут на лестнице второго этажа появился мальчишка. Из благородных. Он, не спускаясь вниз, презрительно оттопырил нижнюю губу.

Чего тебе?

Господин, — Тим низко поклонился. — Я имею известия от его светлости виконта Эварда.

А?.. — баронет явно опешил. — От Эварда? Ну, говори.

Тим оглянулся на слугу.

При нем, ваша милость?

А что? — не понял мальчишка.

Дело-то секретное.

А... тогда ладно. Иди сюда.

Тим осторожно поднялся по лестнице на второй этаж и снова поклонился.

Ваша милость, — Тим говорил тихо, чтобы не услышал слуга. — Его светлость виконт Эвард здесь в городе. И за ним охотятся, хотят убить. Наемные убийцы уже пытались это сделать в Меленвиле. Ему пришлось переодеться. Он просит помощи и защиты у вашей милости.

Да? Пусть приходит.

Он недалеко. Но вот ваш слуга... Он не проболтается?

И как поступить?

Я позову виконта, впусти в дом, а слуга пусть отвернется. Когда его светлость поднимется на второй этаж, тогда уже будет проще.

Ладно. Пусть будет так.

Только, ваша милость, он переоделся, чтобы его не узнали. Его вид очень необычен.

Ладно, я понял, зови.

Тим сбегал за Эвардом и проследил, чтобы слуга не смотрел на вновь вошедшего. Эвард гордо прошел в дом и стал подниматься по ступенькам на второй этаж. У стоящего там баронета отвалилась нижняя челюсть при виде виконта Эварда в нищенских обносках и с ошейником на шее.

Э-э...

Я и сам, Арнес, точно так же опешил, если бы увидел себя со стороны. Это все последствия грязных дел дяди. Мне пришлось стать беглецом. Твой отец дома?

Да-а...

Я вызвал тебя, а не его, потому как он мог отмахнуться от посыльного чумазого. А других людей у меня нет. Сообщи отцу, что я здесь.

Но он... спит. Он вчера поздно вернулся.

Ну и что? Разбуди. Я виконт, будущий граф.

А... да... хорошо.

Баронет сорвался и убежал в покои своего отца. Минут через десять он вернулся обратно.

Отец тебя будет ждать в гостиной. Только он умоется... сам понимаешь.

Понимаю.

Ждать Эварду пришлось довольно долго. Полчаса или даже больше. Он уже совсем был вышел из себя, но барон Жонн Вендориус все же, наконец, появился в гостиной. Появился и остановился в растерянности. Одно дело, когда сын говорит о более чем странном виде юного виконта, другое дело увидеть всё своими глазами.

Эвард...

Барон, я здесь уже почти час. И до сих пор на мне эта мерзость.

Арнес, позови слуг. С клещами.

Нет. Этого делать не следует. Мое посещение вашего дома лучше сохранить в тайне. Здесь есть мой... слуга, он все сделает сам.

Арнес, распорядись.

Баронет выскочил из гостиной и помчался вниз на первый этаж. Но по дороге Арнес вспомнил, что он благородный, а благородным не резон так себя вести перед какими-то чумазыми.

Рупка!

Я здесь, ваша милость.

А где этом чумазый?

Милорд, я его прогнал. Он такой грязный, так ужасно наследил. И от него пахло!

Как прогнал? Дубина! Ищи его, быстро!

Слуга немного замешкался, а затем, смешно подпрыгивая, изобразил бойкость в выполнении приказа юного господина, хотя на самом деле скорость передвижения этого Рупки почти не изменилась. То ли он не умел быстро двигаться, то ли понимал, что за полчаса времени, как он выставил за дверь мальчишку-оборвыша, того и след давным-давно простынет. Но к удивлению слуги, мальчишка оказался недалеко от входной двери.

Оборвыши сидел на земле немного в сторонке от входной двери, обхватив руками колени.

Ты, иди в дом.

Оказавшись снова в доме, Тим получил в руки несколько железных инструментов и был препровожден до покоев барона. Он впервые попал в дом благородного человека и был просто потрясен увиденным, хотя для благородных такое внутреннее убранство не было ничем примечательно. У других баронов не хуже, не говоря уже про покои графа.

Морща носик при виде Тима, баронет провел его до гостиной, где в это время Эвард вкратце знакомил барона со своей историей.

Эй, чумазый, освободи своего господина от ошейника.

Тим взглянул на Эварда, не заметившего смысл слов барона и принялся клещами разжимать ошейник. Провозившись пару минут, ошейник был сброшен на пол.

Подбери и проваливай, — приказал барон.

Тим поднял ошейник с пола и направился в обратную сторону. Внизу он передал принесенное слуге, но тот на этот раз не решился выгонять мальчишку из дома. Кто знает, может быть, он снова понадобится, а где его искать, если оборвыш решит не ждать на улице?

А Эвард тем временем заканчивал свой рассказ.

Через полгода ко мне придет Пробуждение и тогда всё сказанное про отца, окажется наветом. Я верну себе Ралльск.

Эвард, это хорошо. Но и твой дядя не будет сидеть сложа руки.

Он уже послал за мной убийц. Мне просто надо где-то пересидеть, а потом обратиться к герцогу или королю. И тогда справедливость восторжествует. Лучшее место — ваш замок. Там я буду в безопасности.

Не думаю, Эвард.

Почему?

Я уже сказал, что Герих не будет сидеть сложа руки. Он уже действует и это не только твои преследователи. Вот ты сам рассказал про браконьерскую деревню. Очень странная история.

Странная в чем? В том, что меня поймали мои же солдаты?

Нет, Эвард, не в этом. Мне не понятно, почему он действовал так открыто. Как будто нарочно дразнил турисского графа. А ведь Гериху еще укреплять свою власть и укреплять, пока он не решит твою проблему. Тебя же до сих пор не поймали и не убили. И если то, что он сказал про Дженриса ложь, он должен понимать, что у тебя вот-вот подойдет время Пробуждения. Но Герих как будто специально все делает для начала конфликта с Турисом. И мне это непонятно. Как будто за ним кто-то стоит. Или он знает нечто важное. И это плохо.

Почему?

Твои шансы вернуть Ралльск не такие и высокие.

Даже при появлении основного дара?

Даже так.

И что вы предлагаете, барон?

Мне надо обдумать. А вам, милорд, сейчас необходимо вымыться, поесть и отдохнуть.

Наверно, вы правы. Это мерзкая одежда меня просто злит.

Одежда Арнеса будет как раз впору.

Пока Эвард приводил себя в порядок, возвращаясь к своей прежней жизни, Рупке удалось обратиться к барону с вопросом, что делать с пришлым чумазым. Барон нахмурился,

видимо вспоминая, как мальчишка совсем не проявил почтительности к благородным, когда снимал ошейник с шеи Эварда.

Совсем слуг распустил, — подумал барон, и уже было принял решение приказать прогнать наглого чумазого, но в последний момент вспомнил, что мальчишка все-таки слуга Эварда. А Эвард... кто же сейчас Эвард? Виконт, будущий граф или ближник-изгой, превратившийся чуть ли не в чумазого закупа.

Пусть чумазый останется на конюшне. Там и ночует. С кухни что-нибудь из остатков ему...

Слушаюсь, милорд.

Оставшись с сыном наедине, барон решил поделиться мыслями со своим наследником.

С графом Дженрисом я был дружен. В детстве мы тоже, как ты с Эвардом, частенько были вместе. Когда сообщили о его гибели, я сильно расстроился. В то, что он самозванец, прикинувшийся благородным, прошедшим Пробуждение, я не очень поверил. Странно все это. Думаю, что это ошибка. Не хотелось бы считать преднамеренной ложью. Нет, все же ошибка. Почему-то он не смог одолеть нескольких наемников, вот и решили, что у него нет основного дара. Но почему это произошло? То, что Герих хочет избавиться от племянника, в это я верю. И у него это может получиться. Ты понимаешь, Арнес?

Эвард не станет графом?

Это может произойти. Многие из наших благородных, не задумываясь, сдали бы Эварда Гериху. Но это неправильно, не по-благородному. Помочь Эварду наш долг. Вот только...

Что только, отец?

Нам эта помощь может выйти боком. Герих — наш граф. И если кто-то проболтается, что в нашем замке скрывается изгой Эвард, то граф не остановится ни перед чем. Он возьмет замок штурмом, а нам придется защищаться. Чем все кончится — ясно и так. Эварду вообще не место в Ралльске и графстве. Если этот Твелли оказался здесь, то тогда его нет в Меленвиле. И никто не подумает, что Эвард решится ехать в Меленвиль. Там же его хотели убить и там его ищут. Вот пусть Эвард туда и едет.

Но, отец, там же его поймают.

Не думаю. Если поиски и продолжаются, то идут спустя рукава. Теперь будут искать чумазого, чуть ли не с ошейником на шее. И никто не обратит внимания на двух благородных юношей.

Двух?

Да, с Эвардом отправишься и ты, Арнес. Я дам солдата. Но ты не должен рисковать.

А в чем не рисковать?

Не следует бросаться на чужие мечи. Дождись Пробуждения, вот тогда можешь. И то с умом. Если Эвард вернет себе графство, то ты будешь стоять близко к графскому трону. Не упusti своего шанса, сын.

Я понял, отец.

Вот и хорошо. А пока Эвард приводит себя в порядок, да отдыхает, я проеду к воротам, посмотрю, действительно ли то, о чем поведал Эвард. Если и в самом деле ворота перекрыты, то следует подумать, как секретно вывезти Эварда из Ралльска. А тебе сейчас оставаться здесь. И как только Эварду станет скучно, ты обязан поднять ему настроение.

После нескольких мучительных дней пребывания в неизвестности, будучи прикованным к стене подвала и после почти бессонной ночи, когда Тим помог ему бежать, бочка теплой воды, настоящая еда и мягкая и чистая постель привели к тому, что Эвард проспал весь день,

проснувшись уже глубокой ночью. При свете свечи он увидел на маленьком столике колокольчик и позвонил. Потом еще и еще. Рассердившись, Эвард, шлепая босыми ногами, вышел в коридор и вновь позвонил. Откуда-то снизу появился отблеск света, и через полминуты появилось заспанное лицо слуги.

Дрыхнешь, мерзавец! Еды и вина, быстро!

Пока слуга бегал за едой, Эвард вернулся в свою комнату и присев на кровати, предался размышлениям.

Невзгоды, обрушившиеся на него в последний месяц, наконец-то позади. Он у друзей, в их замке он пересидит оставшееся время до Пробуждения. А потом... потом лучше обратиться к королю, нежели герцогу. Кто знает, может быть, дядя Герих уже спелся с новым герцогом? Да, лучше обратиться напрямую к королю. И он вернется в свой замок его владельцем. Все виновные в оскорблениях будут наказаны. И наказаны самым жестоким образом.

Дядя. Эвард, вероятно, не вправе решать судьбу благородного, это может сделать только герцог или король. Он лишь может изгнать его из графства. А вот с ближниками, которые виновны в его страданиях, он разберется. Дрейка казнит. Или лучше клеймить и отправить на каторгу? Ладно, он решит это позже. Всех мерзких чумазых, посмевавшихся над ним, он отправит на конюшню. По сто плетей на каждого. В несколько приемов, конечно, иначе за раз им не выдержать. А следовало бы сразу. Но где искать новых слуг, которые обучены и вышколены?

Тимка. Его он наградит. Возьмет себе в замок. Пристроит куда-нибудь. Хорошо дерется? Значит, самое место слугой в оружейной. Но за оскорбление, которое он нанес, когда Эвард был ранен, Тимку придется наказать. Конечно, не так сильно, как всех остальных. И еще он помнит, что должен Тимке десять золотых монет и несколько серебрянок. Сколько там их было? Кажется, три. За то, что деньги были даны без роста, он обещал Тимку не отправлять на каторгу. Он и без того обещания его не отправит. Честный и преданный чумазый. Конечно, не почтительный, но это дело времени. Тем более и сам Эвард почти весь месяц не походил на благородного. В этой мерзкой одежде! Фу! Теперь у Тимки будут деньги, чтобы купить себе хорошую одежду. И надо будет его еще наградить. Дать за его услуги еще несколько золотых. Так будет справедливо. И наука остальным.

Удовлетворившись рассуждениями, Эвард с пылом набросился на принесенную слугой еду, запивая ее прекрасным вином. И вскоре кувшин опустел, а Эвард с блаженством вновь растянулся на мягком ложе. Хорошо! И так теперь будет всегда!

А Тим в это время тоже не спал. Он думал. Эварду он помог, теперь тот в безопасности. Барон, друг погибшего графа, в обиду не даст. И баронет, с которым дружен виконт, теперь тоже займет место рядом с Эвардом. А Тим теперь лишний. Он и раньше был лишний, ну, почти лишний. Просто одному Эварду было бы не спастись. Поэтому Тим ему и помогал. Да и что ему было еще делать? Он ведь такой же беглец, как и Эвард. Вот вместе и спасались. Но у Эварда теперь все хорошо, барон его спрячет, а потом после Пробуждения, Эвард вернет себе графство.

А у него, Тима, проблемы все те же, только еще увеличились. Если раньше его искал Орнни, то теперь он сбежал еще и из гильдии. Из города теперь тоже не уйти — ворота перекрыты, все лазейки тоже. И ищут не его, а Эварда, но они же похожи, как близнецы. Ищут Эварда, а поймают его. Если завтра его выгонят, то спастись не удастся, поймают быстро. Его сегодня уже один раз выгоняли. Но могут и оставить. При Эварде. Слугой. Этот

барон так и сказал: "слуга". А Эвард ничего не сказал.

Правильно, ишь губу чумазую раскатал. Хотя он же ни на что и не рассчитывал, помогал просто так. Без задней мысли. Но в слугах не останется. Другие бы с радостью согласились. Еда, кров, легкая работа, не то, что на реке или в сарае, где разделявают рыбу. Но он не согласится. Нет.

Вот только уйти бы из города. Куда? А куда-нибудь. А хоть в Меленвиль. Там тоже, небось, есть кулачные бои. Если понравится новому хозяину, тот за него заступится перед Орнни. Ведь Меленвиль — столица, а Ралльск лишь графский город. Кто выше? Герцог или граф? Герцог, конечно.

В кулачных боях тоже не сладко. Пару раз в неделю огребать синяки, а то и переломы. Зато кормежка и кров. Как и в слугах у Эварда. Зато он унижаться не будет. Хотя будет. Тому же хозяину кланяться, зрителям из высоких каст, распорядителю. Но к этому он привычный. Это он запросто. Поклонится и не раз поклонится, спина не отвалится. А Эварду не будет. Пусть будет хуже, но не будет. Значит, в Меленвиль? Да...

Первым, кого утром увидел Эвард, был Арнес. Первым, кроме пары слуг, которые еще раньше попались Эварду на глаза, но слуги ведь не в счет.

А, Эвард... Ну ты и спать!

Переспал, конечно. Но, наконец, выспался за последний месяц! А где твой отец?

Он сейчас в замке.

Зачем? — неприятно удивился Эвард. Маленький червячок подозрения заставил его насторожиться. Слишком много ему выпало за последнее время. А сейчас он что-то расслабился.

Отец хочет узнать, что в замке творится. Ты вчера был прав — все ворота перекрыты, ищут мальчишку, похожему по описанию на тебя. На вчерашнего тебя, — уточнил Арнес.

И как тогда нам попасть в ваш замок?

Ищут-то чумазого!

Думаешь, в этой одежде не ищут? А... понял, зачем твой отец поехал в замок. Хочет узнать, нет ли тайного приказа искать и молодого человека в хорошей одежде?

Не знаю, отец не говорил.

Хотя, зачем искать? — не расслышав последних слов Арнеса, Эвард продолжил вслух размышления. — Откуда им знать, что я переоделся в настоящую одежду? Для этого деньги нужны, а про них они не знали. Ладно, дождемся возвращения барона.

Ладно, — согласился Арнес. — А ты мне расскажешь, что с тобой было? Я ведь пропустил большую часть рассказа.

Эварду не очень хотелось вновь вспоминать неприятные моменты, но, с другой стороны, Арнесу это интересно и он его друг.

Давай, я тебе лучше расскажу только часть истории. Поверь, многое, что произошло, мне очень неприятно. И пока я не отомстил, не восстановил свою честь, рассказывать не хочу.

И Эвард рассказал про то, как Твелли заманил его в ловушку, и чуть было не убил. И про то, как он дрался на круге у Орнни. Арнес, слушая Эварда с раскрытым ртом, был в полном восторге.

Когда мы с тобой пройдем Пробуждение, наши враги будут падать гроздьями от ударов наших мечей!

Вот только отец почему-то погиб, — грустно сказал Эвард.

Да, — согласился Арнес. — Мне жаль, очень жаль. Это был сильный воин и прекрасный правитель. Но ты будешь не хуже!

Спасибо, Арнес.

Ты и сейчас сильнее любого чумазого и даже воина одолел.

Не знаю. В бою на палках я может и сильнее, но на кулаках...

На кулаках? — презрительно скривился Арнес, — это занятие для чумазных. Кулаки не оружие. А для чумазных лучшее средство палка или плеть.

Вот получим мы основной дар. Но если так случится, что наших мечей с нами не окажется, что будет?

Палки возьмем. Ты же палкой троих, у которых были мечи, побил тогда в Меленвиле.

А четвертый меня.

Так тебе только четырнадцать, а тот, сам говорил, очень сильный и опытный.

А если нет мечей ни у меня, ни у моих врагов? И палок нет. Тогда что?

Тогда? — озадаченно переспросил Арнес. — Не знаю.

Вот тогда и пригодится умение кулачного боя.

Ну, вряд ли такой случай появится.

Все может быть. Я, когда буду в вашем замке, не только на палках продолжу учиться, но и на кулаках.

А кто учить-то будет?

Ну... поищу.

Эварду не хотелось упоминать Тимку. Ведь он тогда в Меленвиле с ним дрался и чумазый его побил. Его, благородного. Арнес просто не поймет. И сам бы Эвард еще месяц назад не понял бы, скажи ему кто про такой случай, но жизнь заставила, научила. И хорошо, что у него, Эварда, нет спеси. Была бы — не выбраться бы ему из города. А если и выбрался бы каким-то чудом, то все равно его поймали бы и убили бы. Эх, жаль, что Арнес этого не поймет. Жаль! Кстати, а где Тимка?

Арнес, а где мой... слуга?

Этот чумазый? Не знаю. Спит где-нибудь, наверно.

А как узнать?

Зачем тебе он? У нас же слуги есть. Не такие грязные и вонючие. Если что надо, позвони в колокольчик.

Я и сам был таким же грязным и вонючим. Хотя умываться не забывал.

Вот видишь. Они просто ленивы. Хочешь, я прикажу слуге найти и вымыть твоего мальчишку?

Арнес потянулся к колокольчику и позвонил в него.

Нет, — запоздало сказал Эвард.

Он вспомнил их секрет, что они с Тимом очень похожи. Его лучше не раскрывать. Почему не стоит рассказывать — он и сам не знал. Но вспомнил поздно — вот и слуга появился на зов господина. Хотя, почему поздно?

Эй, где мальчишка, который вчера утром пришел?

На конюшне, ваша милость.

На конюшне? — удивленно воскликнул Эвард. Ведь там порют провинившихся чумазных. Что, и Тимка чем-то провинился?

Да, милорд, — слуга поклонился Эварду. Он не знал, кто гостит у его хозяев, но одежду своего баронета признал. Значит, и этот юный милорд благородных кровей.

Почему? За что?

Его милость господин барон распорядился отправить его ночевать на конюшню.

Грязный он.

Вот-вот, — вмешался Арнес, — пусть его вымоют...

Не надо, — перебил баронета Эвард. — Сделаем это потом. Пусть будет таким, какой он есть.

Ладно, — немного удивился Арнес. Хотя ему-то что до какого-то чумазого? Как говорится, растереть и забыть.

Пока он разговаривали, настал полдень и вернулся барон Вендориус. Тот не раздеваясь, сразу же прошел в комнату, выделенную Эварду, где и застал его в компании сына.

Барон? — вопросительно посмотрел Эвард, ожидая известий из замка.

Тебя не ищут. Никто ни разу не упоминал. Вообще про какие-либо поиски в замке ни слова. Ни вчера, ни сегодня. Хотя еще утро, но если бы что-нибудь изменилось со вчерашнего вечера, то я бы заметил. Прежде, чем вернуться сюда, я снова проехал до городских ворот. Вот там все так же. Стражников трое, а не двое, как обычно. И какие-то чумазные мельтешат, крутят головами. Тебя ищут, но как чумазого мальчишку.

Вы думаете, мне следует отсидеться здесь?

Мои слуги. Они, конечно, выдрессированы и если я прикажу, то болтать не станут. Но это же чумазные, кто-то не утерпит, поделится. Суди сам: в доме появляется чумазый мальчишка, который приводит другого чумазого. А потом этот чумазый вдруг надевает одежду моего сына и ведет себя как благородный. Еще со вчерашнего дня я запретил своим людям покидать дом, но скоро начнут кончатся продукты.

Я понял, барон. Надо уезжать.

Да, Эвард.

А в вашем замке слуги не проболтаются? Хотя, там же мы появимся, как двое благородных и никто не... проклятье! Меня же там знают в лицо. И если узнают, что я изгой...

Вот именно, Эвард. Я считаю, что тебе надо уезжать из графства и как можно быстрее. Лучше прямо сейчас. Как бы заставы у ворот не усилили.

Хорошо, барон. Но... меня же узнают. И не только у ворот, я же поеду через город.

Оденешь закрытый шлем. Тебя примут за низкорослого солдата.

Пожалуй, это правильно. А мой слуга? Что с ним?

Для него найдем клячу.

Его тоже не должны видеть.

Почему?

Его тоже ищут. Он сбежал из закупов.

Оставить его здесь, а завтра прогнать и наказать, чтобы не болтал.

Нет, он поедет со мной.

У меня здесь нет второго закрытого шлема таких размеров. К тому же чумазого наряжать воином...

Я понимаю. Я подумаю. Может быть, он что предложит?

Чумазый? — удивился барон. — Ладно, думай, я пойду, отдам распоряжение, чтобы готовили выезд. Сам я провожу вас до полпути, а потом сверну на боковую дорогу и отправлюсь в замок. С тобой поедет Арнес и один солдат. Этого достаточно, никто не посмеет остановить баронета, тем более на земле герцога.

Арнес хотел тоже уйти с отцом, но вспомнил его наказ быть рядом с Эвардом, да и самому баронету было интересно, что же может предложить чумазый. Это так необычно!

Тима местный слуга проводил до дверей гостиной комнаты. Тим вошел и увидел Эварда вместе с баронетом. Увидел и улыбнулся.

Ты совсем распустил своих слуг. Если бы не предстоящая дорога, я бы сам лично всыпал бы наглому чумазому пару порций плетей. С твоего разрешения, конечно.

Тим понял, в чем дело и низко поклонился баронету. Эвард тоже все понял и слегка усмехнулся. Во-первых, Арнес не знал про его отношения с Тимкой во время совместного путешествия, точнее, их бегства. А во-вторых, Тимке и в самом деле не помешает трепка за столь непочтительное отношение. Ничего, научится.

Тимка, мы уезжаем из города. Но нас ищут. Тебя ищут. Я поеду в закрытом шлеме, но что делать с тобой? Я не хочу тебя оставлять в городе.

Тиму этого тоже не хотелось. Прошлой ночью он решил уйти от Эварда и направиться в Меленвиль. Но как выйти из города?

А если мне спрятаться в телеге? Под сеном.

В какой телеге?

Ну, в обычной.

Чумазый, как нужно обращаться к благородному? — начал закипать Арнес.

Простите, ваша милость, — Тим еще раз поклонился барону и, взглянув на Эварда, низко поклонился и тому. — Простите, ваша светлость.

Вот то-то же! — наставительно сказал Арнес, а Эвард сделал вид, что ничего не заметил.

Ладно, Тимка, иди, — отпустил он Тима.

Когда Тим покинул комнату, Эвард повернулся к Арнесу.

А ведь это мысль. В телеге под сеном. Искать не посмеют. Лошадь с телегой у вас есть?

Конечно. На чем слуги еду привозят?

Тогда распорядись. К отцу сходи.

Арнес поспешил в покои отца, а Эвард, вспоминая минувшую сцену, усмехнулся.

В середине второй половины дня из ворот городского дома барона Вендориуса выехала группа всадников. Во главе ее ехал сам барон вместе со своим юным сыном. Их сопровождало четверо солдат, один из которых в закрывающем лицо шлеме отличался невысоким ростом. А следом за всадниками ехала телега, которой правил возница. В телеге, загруженной различного рода поклажей, столь необходимой в дороге, ехал пожилой слуга. А сзади на поводу шла кляча, нагруженная мелкой поклажей.

Группа добралась до городских ворот, откуда начинался путь на Меленвиль. Трое стражников молчаливо пропустили выезжающих, слегка наклонив головы в поклоне. Как-никак, а барон, благородное сословие. Останавливать и обыскивать подводу они, конечно, не решились. Подвода-то баронская!

Стоявший неподалеку чумазый по имени Зарка внимательно посмотрел на проезжающих, но тоже промолчал. Мальчишки Тимки, которого он знал в лицо, здесь быть не могло. Вечером, когда наступила темнота, его заменил сменщик, а сам Зарка пошел к хозяину доложить. А потом он неплохо поест и завалится спать. Утром-то снова идти на это странное дежурство. Надо же, ищут чумазого мальчишку, да не только люди Орнни, но даже стражники!

Придя на место, Зарка поспешил к Орнни. Быстрее отчитаешься, быстрее пойдешь

ужинать и спать. А о чем говорить-то? Среди множества чумазных, прошедших через городские ворота, Тимки не было, хотя проверял он на совесть, от души. Даже молодых девиц щупал — а как вдруг Тимка переоденется? Ну и подержаться за девичьи груди тоже неплохо.

Всех, значит, проверил?

Всех хозяин. Бородатых за волосы дергал — вдруг приклеены. Нет, никто не ушел непроверенным.

А подводы?

Подводы тоже. И сверху и под днищем, всё смотрел. Кроме баронской, вестимо.

Какой баронской?

Барон, как же его, длинное такое имя, а, вспомнил, Вендориус, он проезжал, а с ним его подвода ехала с вещами. Возница, старый уже, явно не Тимка. Да и в подводе мужик, еще не старый, но без бороды. Тоже не Тимка.

Больше никого?

Нет. Барон с сыном, наверно. И с ними четверо солдат. Лица троих я усмотрел, но мельком. Нет, не мог быть там Тимка, среди баронских солдат-то.

А четвертый?

Не рассмотрел. Да и лица его не увидишь, в шлеме был. Закрытом.

Закрытом? С чего бы это? Войны не предвидится, бандиты только в лесу могут встретиться, а не у городских стен.

Может быть, больной какой? Или уродец? Или карлик? Нет, не такой уж и карлик. Хоть и маленький.

Маленький? Ладно, иди.

Приняв отчеты еще от трех своих людей, Орнни наскоро перекусил, хотя не было никакого аппетита. Из-за этого мальчишки ему пришлось вернуть Твелли десять золотых. Да еще придется отдать столько же, если мальчишку не найдут. Вина-то его, Орнни. Его человек, тупица Ларка, упустил мальчишку. И к тому же сам Орнни не дал в позапрошлую ночь зарезать мальчика. Пожадничал на свою голову. Захотелось еще заработать пару серебрянок на предстоящем бое. Теперь нужно копытами землю рыть, но найти беглеца. А тому кто-то помогает, не один он.

Солдат невысокого роста с закрытым шлемом лицом не выходил из головы хозяина боев. Станный солдат. Очень странный. И утром Орнии, взяв коня, поехал разыскивать Твелли, остановившегося в одной из гостиниц города. Нашел, вначале сообщил, что за прошлый день поиски ничего не дали. И рассказал про выезд барона Вендориуса.

Вендориус, я слышал, был дружен с покойным графом, — сказал наемник.

Что не знаю, то не знаю.

Плохо, что не знаешь. Сиди, жди меня.

Твелли, оставив в зале гостиницы неудачника, направился в замок к графу Гериху.

А вот и ты, как раз вовремя. Не позднее чем через неделю ты должен быть в Меленвиле и дожидаться гонца из Вьена.

Из Вьена, милорд?

Да. Я хочу дать тебе шанс реабилитироваться. И даже готов заплатить десять золотых. Это очень много за простую работу.

Но, вероятно, очень важную, милорд?

Да. Плохое ее выполнение будет стоить тебе головы. А сделать ты должен будешь вот

что...

Закончив объяснения, граф поинтересовался причиной, по которой Твелли его побеспокоил. И выслушав сообщение наемника, нахмурился и тут же вызвал ближника Дрейка, приказав тому, взяв несколько солдат, не медля, скакать к замку барона Вендориуса. И если потребуется, то именем графа, обыскать замок.

Щенок мог обратиться за помощью к барону. Тем более ему кто-то же помог выбраться из подвала. А сын барона к тому же был дружен со щенком. Этот, который в закрытом шлеме, мог быть Эвардом. Если я ошибаюсь, то ничего страшного не произойдет. Перетерпит барон. Ты понял?

Да, милорд, — ответил Дрейк.

А Твелли, выйдя из графских покоев, размышлял над последними словами Гериха. Ведь действительно, мальчишке кто-то помог, а семейство баронов Вендориусов вполне для этого подходило. А еще, когда он поинтересовался у Дрейка, уже вышедшего от графа, то оказалось, что замок барона расположен к востоку от Ралльска. Интересно. А барон почему-то выехал через северные ворота. Там путь ведет в Меленвиль, где до сих пор оставались его люди. Когда в Меленвиль прибыл от Орнни человек с известием, люди Твелли находились в разных местах города, вызывать их было поздно. Полученная информация о пленнике хозяина кулачных боев просто жглась от своей важности и срочности. И Твелли не стал ждать, когда соберутся его люди, а бросился в Ралльск.

Вернувшись в гостиницу, Твелли распорядился:

Орнни поедешь со мной. И немедленно.

Куда?

Куда скажу, туда и поедешь. Едем сейчас же, только еды и воды прихватчу, в дороге времени не будет.

Через десять минут два всадника спешили в сторону северных ворот. Твелли решил догнать Эварда сам. А Дрейк пусть едет в замок.

Через несколько часов они подъезжали к придорожному двору, где решили остановиться на полчаса, коней надо было покормить, да и сами были не прочь подкрепиться.

Скажи-ка, любезный, — обратился Твелли к хозяину заведения, — этой ночью кто-нибудь из благородных останавливался здесь?

Да, господин. Двое благородных с четырьмя солдатами.

Вот как? Опиши всех подробно.

Милорд очень важный, наверно, барон. Его сын, юный милорд лет четырнадцати. Солдаты, двое лет по тридцать, один постарше. И еще один, но сколько лет, не понятно. Он был в шлеме.

И где они ночевали?

Барон с сыном и тот маленький солдат в большой комнате для благородных, а трое солдат по соседству.

Маленький солдат, говоришь?

Не очень маленький, но меньше других. И не такой массивный, как остальные трое.

Худой для солдата?

Пожалуй, так, господин.

А утром он появился в шлеме?

Да, господин.

Как же он тогда завтракал? Да и ужинал тоже?

Для благородных господ и этого солдата ужин и завтрак был принесен в их комнату.

Давно они уехали?

С утра, господин.

Твелли был доволен. Его догадка подтверждалась. Ну кто еще мог быть в глухом шлеме, невысокого для солдата роста и соответствующего телосложения, как не мальчишка Эвард? Теперь надо наверстывать расстояние, в Меленвиль барон со спутниками прибудет раньше, чем он с Орнни, но это не так страшно. Хороших гостиниц, где не зазорно остановиться аристократу, в Меленвиле всего с десятков. Меньше, чем за день их обойти, узнать, где остановились. А там останется только выследить и дожидаться, когда щенок останется один.

Правда, был вариант, что барон поедет прямо в замок герцога, но этот вариант он почти отбросил со счетов. Бароны в замке останавливаются только по герцогскому приглашению, а его у Вендориуса быть не могло. Или барон решит искать у герцога защиту? Вряд ли что получится, граф Герих уже имел на этот счет беседу с герцогом. Нет, ничего у них не получится.

Через полчаса Твелли с Орнни уже скакали в сторону Меленвиля, скоро границная черта, отделяющая земли Ралльска от личных владений герцога Меленвильского. Догнать они, конечно, не догонят, но заметно сократить расстояние смогут — ведь помимо всадников с бароном ехала и подвода с припасами в дорогу или просто с необходимым скарбом.

Через несколько часов показался еще один придорожный двор, в который они не могли не заехать. Здесь, как в прошлый раз, Твелли поинтересовался у хозяина придорожного трактира проезжающими.

Да, господин, не так давно в сторону Меленвиля проехало несколько человек во главе с благородным господином.

Сколько их было?

Четверо, если считать и слугу.

А другие были?

Сегодня не были. Мимо проезжал кто-то, но вот кто... Я не смотрю на дорогу.

Твелли нахмурился. Неужели барон свернул на боковую дорогу, уходящую на восток? Там его замок, но это же глупо делать такой крюк. Хотя, как посмотреть. Если это сделано ради того, чтобы сбить со следа возможную погоню, то тогда так и было. Могло быть. Или же барон проследовал в Меленвиль, не останавливаясь. Это тоже могло быть. Припасы у них есть, целая подвода, вот и перекусили прямо в седле. Но что теперь делать ему, как поступить, куда двигаться?

В баронский замок сейчас едет графский ближник Дрейк. И он может прибыть на место даже раньше самого барона, который сделал такой крюк. Да и скорость у Дрейка выше. Тогда Дрейк может застать барона вместе с этим щенком у ворот замка. Но если барон так предусмотрителен, что сделал крюк, запутывая следы, он может и перехитрить Дрейка. Увидев того с солдатами у стен замка, барон повернет обратно. И вот тогда Твелли очень удачно окажется на месте.

Но если барон все же поехал в Меленвиль, то следует ехать туда же и искать, где барон остановился. Жаль, что он не может разорваться на две части. Правда, с ним Орнни, но толку-то от него. Ведь Орнни по статусу чумазый, хоть и богатый. И мечом владеть не умеет.

На всякий случай Твелли решил еще раз расспросить хозяина трактира — вдруг тот

недоговаривает. Тем более, зачем тому вообще что-либо сообщать о своих постояльцах? Твелли достал серебряную монету и, держа ее перед глазами трактирщика, сказал:

Если сможешь удовлетворить мое любопытство, то клянусь, монета твоя.

Да, господин, спрашивайте.

Вопрос прежний. Кто несколько часов назад ехал в сторону Меленвиля. Меня интересуют только благородные или воины.

Трактирщик, жадно поглядывая на монету, и в то же время хмурясь, ответил:

Милорд. Только четверо, нет трое, как я уже говорил, ехали в ту сторону.

А ты мне говорил про четверых.

Четвертый слуга, чумазый мальчишка. А вас же интересуют, как вы сказали, благородные и воины.

Что-то кольнуло Твелли. Может быть, слова "чумазый мальчишка"? Он уже несколько дней только им и занимается. Мальчишкой Эвардом в одежде чумазого.

Сколько лет мальчишке? Какой он из себя? В чем одет?

Одет, как все. Оборвыш. Рубаха, штаны в заплатах. Обычный. Вот только волосы не как у других. Редкие волосы. Такие золотистые. Или мне так показалось?

Возраст, возраст? — прохрипел Твелли. — Неужели удача к нему вновь повернулась? — подумал он.

Лет четырнадцати.

А спутники? Остальные кто был?

Юный благородный. Тоже тех же лет. И двое солдат.

И все? А взрослого благородного не было?

Нет, господин.

А подвода с ними была?

Не видел. Нет, не было подводы. Они только на конях были.

Серебряная монетка упала на стол и быстро исчезла в руках трактирщика.

Ай, да барон! Вот хитрец! Он довез щенка до границы Ралльского графства, сам свернул на восток, взяв с собой одного солдата, а остальных двух оставив сыну. И подводу прихватил. А Эвард, сняв шлем, переоделся в чумазого. Это ему не впервой. Зачем? Наверно, чтобы запутать погоню. И ведь у них почти получилось! Если бы он, Твелли, не стал вновь расспрашивать трактирщика, то ему пришлось бы выбирать, куда ехать: к замку барона или в Меленвиль. И он, вероятно, выбрал бы направление к замку. Ведь в Меленвиле он должен появиться через шесть дней. Время, чтобы заняться поиском щенка в баронском замке вполне достаточно. А тем временем Эвард с баронетом спокойно бы добрались до Меленвиля. И ищи их там. Ведь искали бы по гостиницам взрослого барона с людьми, а никак не маленького баронета.

И Твелли вновь пустился в погоню. В пригород Меленвиля он въехал в вечерней темноте. Добраться до более-менее приличной гостиницы уже было поздно, тем более что хорошие гостиницы располагались во внутреннем городе за городской стеной, но с наступлением темноты ворота закрывались, и попасть внутрь было нельзя. Поэтому Твелли направил коня к знакомому постоялому двору, расположенному в пригороде прямо у дороги. Здесь он месяц назад подстерег Эварда, но тому удалось уйти.

У хозяина двора он снял комнату для себя и Орнни, заказал ужин и уже по привычке спросил:

Здесь недавно не проезжал юный баронет с двумя солдатами?

Да, господин. Он здесь.

Где? — голос Твелли вновь стал хриплым. — Где он?

Здесь, на моем дворе. Послать мальчишку, чтобы он сообщил юному милорду о вас?

Нет, не стоит. Уже поздно. Пусть с дороги отдыхает. А завтра утром я сам к нему подойду.

Удача целый день была расположена к нему. Не надо бегать по городским гостиницам. Мальчишка здесь. Теперь главное его не спугнуть. Не дождавшись заказа, но заплатив за него, Твелли с напарником вновь забрались на коней и поехали в сторону городских стен. Теперь найти кого-нибудь из старших стражников и завтра утром мальчишка будет в его руках.

Найдя нужного человека, Твелли от лица присутствующего Орнни обратился к старшему стражнику с просьбой и одновременно с жалобой.

Мы прибыли сегодня из Ралльска, остановились на постоялом дворе и там обнаружили беглого закупа по имени Тимка.

А ко мне зачем пришли? Если беглый закуп, хватайте и разбирайтесь сами.

Дело в том, что он сумел каким-то образом пристроиться к людям барона Вендориуса.

Ладно. Разберусь. Завтра утром пошлю солдата.

Боюсь, что солдат не справится. Или будет поздно и закуп исчезнет.

В руках Твелли появилась серебряная монета, которую он пододвинул старшему стражнику.

Хорошо, завтра я сам лично разберусь. Сейчас уже слишком поздно. А за ночь ваш закуп никуда не денется. Я же задерживаться не буду...

На постоялый двор Твелли и Орнни вернулись поздний вечером, точнее, уже ночью. Удостоверившись, что баронет с людьми не покидал постоялый двор, и строго наказав себя разбудить рано утром, они поднялись в свою комнату и быстро уснули.

Утром, правда, не таким уж и ранним, старший стражник вместе с двумя солдатами въезжал на постоялый двор. Внутри обеденного зала их дожидались Твелли и Орнни, разместившиеся так, чтобы их не было видно входящим и выходящим из здания. То, что Эвард, переодетый в чумазого, ночевал на сеновале, Твелли совсем недавно узнал от хозяина постоялого двора. Это удивило, но не слишком сильно. Значит, беглецы продолжали играть в переодевание и запутывание следов. Схватить Эварда было можно, но, во-первых, уже вызваны стражники, а во-вторых, тут может подняться шум — ведь все будут считать, что они схватили человека юного баронета. А баронет, хоть и молод, но относится к благородному сословию, а он, Твелли, всего лишь наемник из касты воинов.

Твелли сразу же повел стражников наверх в комнату, которую снимал баронет. После стука в дверь и сообщения своего имени и должности, дверь открылась. На пороге стоял парнишка, явно, из благородного сословия.

Милорд, на постоялом дворе скрывается беглый закуп. Нам сказали, что он каким-то образом относится к вашим людям.

Закуп? Кто он?

Его зовут Тимка.

Тимка. Да есть такой, он слуга... Так он из беглых?

Да, милорд. Нам нужно его задержать и передать в руки его хозяина. Хозяин находится здесь же.

Забирайте. Мне то что до этого?

Благодарю, милорд.

Дверь захлопнулась, но не успели стражники дойти до лестницы, как дверь открылась, и на пороге снова появился баронет.

Постойте. То, что он беглый закуп, нужно доказать через суд. Разве в Меленвиле не такие законы?

Такие, милорд. Но через суд решаются лишь спорные дела.

Считайте это дело спорным.

Да, милорд. Чумазого мы доставим в суд.

Такой поворот дела не сильно обрадовал Твелли, который рассчитывал заполучить Эварда сразу же в свои руки. Сейчас же щенок приобретал временную отсрочку на пару-тройку часов. Впрочем, это не так страшно. Совсем не страшно. Если в суде Эвард заявит, что он ближник, бывший виконт, то у всех меленвильских судей уже с месяц под сукном лежала бумага о розыске некоего ближника по имени Эвард, подозреваемого в краже кошелька с десятью золотыми монетами. И приметы вора прилагались.

Заседание суда состоялось через несколько часов. Оно проходило за пределами городской стены в пригороде, где жили более-менее зажиточные горожане, но в основном из чумазого сословия. Твелли это вполне устраивало. Легче вывезти щенка из пригородной черты и по-быстрому зарезать.

Судья находился за высоким столом в заполненной людьми большой судебной комнате. В основном это были зеваки, которым то ли от скуки, то ли из-за любопытства было интересно послушать решения различных дел. Вначале судья заслушал жалобу Орнни на своего беглого закупа Тимку. Владелец кулачных боев, завершая свою жалобу, сказал:

Намучился я с ним, господин судья. Мальчишка немного болен на голову. То он заявляет, что он ближник, то внебрачный сын благородных господ, ведь если так дальше пойдет, то заявит, что он сын герцога или короля. Вот из-за своей больной головы он и сбежал.

Да? Гм. Интересно. — Судья уставился на Тима, стоявшего со связанными руками немного в стороне от судейского стола.

Так ты ближник? Или кто там еще?

Нет, господин судья. Я обычный чумазий. Работал у мусорщика, потом меня перекупил Орнни.

И ты сбежал от него?

Да, господин судья.

И ты не сын короля? — насмешливо и с издевкой спросил судья.

Нет, что вы. Я же не сумасшедший.

В зале все засмеялись. Улыбался и судья.

Вижу, что не сумасшедший. Вылечился, пока бегал. Только зачем мне дали это дело? Как там тебя?

Орнни, господин судья.

Забирай своего закупа.

Спасибо, господин судья, — Орнни шагнул к Тиму, а сзади парнишки уже стоял Твелли, страхуя Орнни от всяких неожиданностей, хотя какие теперь могут быть неожиданности?

Постойте! — Из задних рядов публики раздался молодой голос.

Что такое? — заворчал судья.

По закону за беглого закупа могут внести выкуп, и он перейдет к новому владельцу.

Судья рассмотрел воина невысокого роста в закрытом шлеме. Действительно, такой закон есть, но на его памяти никто еще его не применял. Слишком накладно для кармана.

Гм. Скажи, — обратился судья к Орнни, — сколько ты заплатил за закупа?

Две серебрянки, господин судья.

По закону в таких случаях медь меняется на серебро, а серебро на золото. Кто хочет выкупить этого беглого закупа, тот обязан уплатить потерпевшему две золотых монеты. И еще две золотых монеты должны пойти в герцогскую казну.

Я плачу, — воин достал кошелек и достал четыре золотых.

Зал зашумел от вида золота. Здесь оно было крайне редким гостем.

Но по закону выкупить беглого закупа имеет право только человек с даром. А ты с даром? — язвительно спросил судья невысокого воина.

Да. Я с даром.

Воин расстегнул застёжки и снял шлем, показав всему залу золотистые коротко подстриженные волосы.

Я ближник Эвард. Сын бывшего графа Ралльского.

Господин судья, — взвился Твелли. — Арестуйте его. Он находится в розыске. У вас есть бумага.

Да, я помню. Стража, возьмите и арестуйте этого человека.

А как же закуп?

Закуп?

Судья смотрел на золотые монеты в руках парнишки.

Закуп по закону твой. Две монеты потерпевшему, две монеты мне, то есть, в казну герцога.

Тогда развяжите его. Тимка, ты свободен.

Твелли было дернувшийся при виде чумазого, которому стражник развязывал руки, понял, что тот ему совсем не интересен. Чумазый — это чумазый, а вот его цель — это Эвард, которому другой стражник связывал руки. Теперь щенка отведут в тюрьму, и будут готовить к суду. А этого как раз Твелли было не нужно. Придется заплатить судье золотой, чтобы тот выпустил Эварда из-под стражи. Вечером. И с заднего двора. А там будут ждать его люди.

Глава 7

С бароном Вендориусом они расстались сразу же после того, как покинули Ралльское графство. Теперь можно было не очень опасаться козней Гериха. Здесь уже земли герцогства и Эвард находится на них на законных основаниях. Конечно, еще существовали наемные убийцы, но Твелли остался в Ралльске, а Эвард уже не один. С ним едет баронет Арнес, который в случае дорожного затруднения своим положением откроет прямую дорогу на Меленвиль. Кто же захочет связываться с благородным человеком? Наконец, барон оставил с ними своего солдата. Четвертым их спутником был Тимка, пересевший с подводы, где он прятался всю дорогу от Ралльска до границы, на клячу, поклажу с которой перенесли на подводу.

До герцогской столицы добрались уже в потемках, поэтому им временно на одну ночь пришлось остановиться в придорожном постоялом дворе. Все было хорошо до утра следующего дня, пока в дверь их комнаты не постучался человек, назвавшийся старшим стражником. Открывший ему дверь баронет Арнес немного растерялся и отдал страже

Тимку. К счастью, Эвард слышал весь разговор и успел исправить оплошность баронета.

Понять, в чем дело, Эварду труда не составило. Ведь стражник сказал, что хозяин Тимки находится рядом с ним. А как Орнни оказался в Меленвиле? Последний раз Эвард видел Орнни три дня назад в компании с наемным убийцей Твелли. И если бы не Тимка, Эвард уже был бы мертв. И вот теперь Тимка попал в руки Орнни, а значит, и Твелли. Точнее, еще не попал, но попадет.

Конечно, Тимка — чумазый, к тому же довольно наглый. Разве можно сравнивать ценность жизни чумазого и благородного? Но, с другой стороны, Тимка несколько раз спасал жизнь Эварду, хотя мог бы это и не делать. Ведь сейчас Эвард считается обычным ближником, он изгой из Ралльска. А значит, требовать что-либо от подданных графства Эвард права не имел.

Помочь Тимке или нет? Спасти его или оставить в руках убийц? А то, что те убьют чумазого, хотя бы потому что он очень похож на него, у Эварда сомнений не было. Убийцы даже не станут разбираться, убьют тут же, приняв Тимку за Эварда. Чаша сомнений застыла в равновесии. Но Эвард благородный, честь которого не позволяет допускать трусость. Он не собирается прикрываться чумазым. Нет! И он, натянув шлем, направился искать место судебного заседания.

Эвард понимал, что, скорее всего, ему придется раскрыть свое имя. Перед судьей, перед Орнни и перед Твелли. В присутствии людей те не решатся его убить или похитить. Но следить будут и рано или поздно, но настигнут. И это произойдет, скорее, рано, чем поздно. Но праздновать труса виконт Эвард не будет!

В суде, как он и предполагал, вместе с Орнни оказался и Твелли. Они уже добились права забрать с собой Тимку, как вмешался Эвард. Четыре назначенных судьей золотых монеты за освобождение Тимки Эвард достал из кошелька без сожаления. Но настал момент, когда нужно открыться. Эвард снял шлем и назвал свое имя.

А вот дальше пошло совсем не так, как он думал. Эти негодяи оказались предусмотрительными, заранее приготовив ложное обвинение в краже. Уже потом, когда он оказался во временной тюрьме при зале суда, Эвард понял, что Орнни не случайно рассказывал судье выдумки о том, что Тимка немного сошел с ума и называл себя ближником, а мог назваться и сыном герцога или короля.

Ведь Орнни и Твелли сейчас принимали Тимку за Эварда, а он, будь на месте Тимки, конечно же, отверг бы принадлежность к чумазому сословию, назвав свое настоящее имя и звание. А назвав, попался бы в ловушку, сотворенную словами Орнни. Судья посчитал бы, что перед ним, действительно, тронутый умом чумазый мальчишка. Эварду не поверили бы и, приняв за беглого закупа Тимку, отдали бы в руки Орнни, а значит, и Твелли.

А ложное обвинение в краже еще надо будет доказать в суде. Он ничего не крал, а деньги, которыми он расплатился за Тимкину свободу, ему дал дядя Герих. Тот подтвердит... Проклятье! Ну, конечно же, ложное обвинение не только дело рук Твелли, но и дяди, который сейчас в прекрасных отношениях с новым герцогом. И Эвард понял, что живым ему отсюда теперь не выйти.

Тем временем, Твелли после окончания судебного заседания, поджидал момента, когда судья останется один. То, что он собирался сделать, требовалось делать без лишних глаз и ушей. Он прекрасно слышал оговорку судьи о двух золотых монетах, которые должны пойти в казну герцога. Как же пойдут! Одну еще можно там будет встретить, зато вторая наверняка окажется в кармане судьи.

По закону, судья пригорода не мог решать дела ближников, а щенок как раз им и считался. Судить Эварда могли только судьи, набранные из соответствующей касты, то есть касты ближников. А значит, Эварда должны под стражей отправить до захода солнца, то есть до закрытия городских ворот, в главную городскую тюрьму, где на следующий день и состоится судебное разбирательство. Чем оно завершится, Твелли предположить не мог — слишком много фактором были ему неизвестны. И, что даже более важно, времени у него было совсем немного. Почти что ничего. Гонец из Вьена, которого он ждал не раньше, чем через пять дней, прибыл в это утро и сообщил, что сроки смещаются на более ранние. Гонец опередил вьенскую карету на два дня, значит Твелли нужно покинуть Меленвиль уже этим днем. В Ралльске граф поручил ему еще одно безотлагательное дело. Дело ценой его собственной головы. Вот потому теперь он и ждал, когда продажный судья (а где вы видели не продажных судей?) останется один.

Оставшись с судьей наедине, Твелли без лишних разговоров выложил перед ним четыре золотых монеты. Это очень большая сумма, даже для благородных, не говоря уже для судей из касты чумазах.

Я думаю, что сын покойного графа Ралльска не может быть вором. Произошла какая-то ошибка, которую нужно исправить.

И Твелли передвинул монеты к судье.

Э-э... я... да... этот молодой человек не похож на вора.

И его следует выпустить.

Да, пожалуй, так.

Но, с другой стороны, есть же предписание об его задержании.

Хм. А ведь точно.

И отпустить его в открытую, так, чтобы все видели, будет совсем неправильно.

Неправильно.

Но есть дверь с задней стороны здания. И в потемках... а сделать это лучше в потемках, чтобы никто ничего не увидел. И молодой человек исчезнет в густых кустах, что растут за вашим зданием.

Да. Так будет правильно.

Значит, как только стемнеет. В темноте. И никто из стражи за дверь не выходит. Ничего не видит. А чтобы они ничего не заподозрили, молодому человеку руки развязывать не нужно.

Да.

Теперь дело осталось за малым. Встретить у задней двери щенка, оглушить, сунуть в мешок и отнести мешок на берег протекающей невдалеке реки. Там перерезать горло, сунуть в мешок несколько камней и сбросить труп в реку. Вот и все. Сам он заняться этим грязным делом не успевает, но на это у него есть подручные, которые месяц назад показали себя с самой плохой стороны. Не могли втроем одолеть одного мальчишку! Теперь их четверо, новенький показал, что весьма недурно владеет мечом, явно лучше этих троих олухов. А ведь они из касты воинов! Воины, называется. Куда мир катится...

Тим, получив свободу, затравленно смотрел, как Эварду вяжут руки. И что теперь делать? Как помочь? Он здесь ничем не поможет. Оставалось только бежать и искать юного баронета. Тот ведь из благородных!

Арнеса Тим застал на постоялом дворе.

Милорд, — Тим низко поклонился, памятуя о предыдущих встречах с баронетом.

Ты? Откуда?

Милорд Эвард меня выкупил в суде. Но его там самого арестовали. Сказали, что он вор и украл кошелек с золотом.

Как так? — растерянно спросил Арнес. Он ничего не понимал и не знал, что ему делать.

Там был Твелли, он и сказал судье, что Эвард вор.

Как Твелли... Тот самый? Он же был в Ралльске.

Милорд, надо срочно спасать Эварда.

Но как? — баронет, видимо, от растерянности снизошел до разговора с чумазым.

Идти в суд. К герцогу.

К герцогу... Я же не барон. Кто я ему? Он меня не примет. Не примет...

Идти в суд.

А в суде что я скажу? Я же ничего не знаю.

Милорд, вы хотя бы узнайте, что с Эвардом и где он сейчас.

Разве что...

Баронет собирался долго. Пока запрягали коней, пока, запутавшись в дороге, искали здание суда, Арнес встретился с судьей уже после того, как тот получил четыре золотых монеты от Твелли.

Выслушав с почтительностью баронета, судья быстро смекнул, что появление заступника очень даже кстати. Теперь он может оправдаться, если кто-то поинтересуется, почему он решил выпустить из-под стражи задержанного за подозрение в воровстве. Как-никак перед ним благородный.

Ваша милость, мне понятна ваша озабоченность за судьбу юного господина. Я сегодня же дам распоряжение отпустить его из-под стражи. Как только подготовлю необходимые бумаги. Я вам обещаю. Сегодня же!

А когда...

Я не покину это здание до тех пор, пока юный господин не будет свободен.

Тогда ладно, — Арнес явно повеселел и покинул здание суда.

Господин, — подбежавший к баронету Тим с надеждой смотрел на него.

Арнес слегка выпятив нижнюю губу с заметным превосходством, столь контрастирующим с его предыдущей растерянностью, бросил через губы:

Я все решил. Сегодня Эвард будет на свободе.

Сопровождающий баронета воин подвел к нему коня и Арнес, забравшись в седло, направился в сторону постоялого двора.

Теперь Тим был растерян. Эвард будет свободен? Сегодня? Но куда поехал баронет?

Ваша милость, — Тим бросился вдогонку. — Ваша милость! Нельзя же уезжать. Нельзя Эварда оставлять одного!

Да как ты смеешь, мерзкая тварь, мне указывать? — баронет развернул коня и стал наезжать на Тима. — Давно плетей не получал?

Ваша милость, но здесь рядом Твелли. Он убийца. Что ему стоит убить Эварда, ведь тот один и безоружен?

Разумные слова немного отрезвили Арнеса и тот, остановив коня, задумался. Затем, недовольно скривив лицо, сказал:

Плетей получишь вечером, а сейчас... Барни, едем обратно.

Вернувшись снова к зданию суда, баронет и солдат спешили и присели неподалеку от входной двери. Тим тоже примостился там же, но в отдалении от баронета. Ждали долго, но

Эвард так и не выходил. Не было и судьи. Значит, тот все еще выправляет бумаги на освобождение Эварда. Так сказал вслух баронет. Сказал, конечно, не Тиму, а своему солдату.

Тима охватило беспокойство. День уже клонился к закату, и он решил обежать все здание. На всякий случай. С тыльной его стороны он заметил дверь. Запасной выход. И это ему очень не понравилось. А еще больше не понравилось, что в дальних кустах мелькнуло два силуэта. Тим, уже собравшийся уходить, задумался. Затем решительно повернулся и, не выдавая для прячущихся людей своего беспокойства, направился к баронету.

Милорд, с той стороны здания есть еще одна дверь.

Ну и что, дурак? В каждом доме бывает черный вход-выход.

А вдруг Эвард выйдет оттуда?

Глупость. Даже если и так, то он пойдет сюда, а здесь я и Барни.

Там в кустах кто-то прячется!

Ну и что?

А вдруг убийцы?

Хватит болтать! Замолчи.

Милорд, — не унимался Тим. — А вдруг судья с ними заодно? Надо кого-нибудь оставить там.

Вот и иди.

Я пойду, милорд.

Наконец-то ты избавишь меня от своей болтовни!

Я пойду, но если что-то случится, то кто я такой? Чумазого никто не слушает.

Арнес задумался. В принципе то, что болтает невоспитанный чумазый, не так уж и глупо. Нет, конечно, глупо, но все-таки, а вдруг? Тем более что быстро сгущалась темнота.

Ладно. Барни, остаешься здесь, а я буду караулить с другой стороны.

Когда Тим с Арнесом добрались до задней стороны дома, в свете луны они успели рассмотреть, как двое мужчин что-то заканчивали запихивать в большой мешок. А потом мужчины, подхватив мешок, сразу же направились в сторону кустов. Тим и Арнес это видели с угла боковой стены дома, поэтому их никто не заметил. Да и темно уже было, чтобы специально не всматриваясь, что-то заметить.

Теперь не только Тим был встревожен увиденным, но и до Арнеса дошла вся сложность ситуации. Звать Барни? Но если это не Эвард? Да и пока докричишься, пока тот прибежит. Да и как тот оставит без присмотра лошадей? А людей с мешком следовало срочно преследовать. Тем более что те, зайдя в кусты, тут же пропали из виду. И темнота сильно мешала.

Тим и Арнес почти сразу же бросились следом за неизвестными. Но из-за потери следа, погоня пока оказалась безрезультатной. И лишь только выйдя к берегу реки, чей правый берег нависал над лентой реки в виде обрывистого овражка, они заметили внизу на берегу четыре фигуры.

Там Эвард, я чувствую, что там Эвард, — негромко произнес Тим.

К счастью, висящая на небе луна как будто нарочно хорошо освещала фигуры на берегу. И увидеть, что все они вооружены мечами, было не сложно.

Надо идти вниз, проверить, что там! — настаивал Тим.

Если это убийцы, то им так же просто убить тебя или меня, как и Эварда. У тебя оружие есть?

Откуда?.. — растерянно прошептал Тим.

Вот и у меня нет. Ничего мы не сделаем. Только себе навредим. Нас как свидетелей тоже убьют.

Тем временем можно было увидеть, что один из людей наклонился над мешком и что-то с ним делает. Судя по всему, развязывает. Развязал, вдвоем мешок схватили за одну сторону и вытряхнули на песок его содержимое. На песке лежал человек и не двигался. И руки, как можно было заметить, у человека были связаны за спиной.

Тим увидел, как один из четырех людей, столпившихся возле неподвижно лежащего пленника, вытащил кинжал и тут Тим не утерпел.

Эвард! Эвард!

Вся четверка повернула головы на раздавшийся крик, и один из них побежал в их сторону, на ходу доставая из ножен меч.

Стража! Стража! — Тим кричал изо всех сил, а наемный убийца — у Тима на этот счет не было иных мыслей — уже подбежал к краю обрыва и на несколько мгновений задумался, прикидывая, как забраться наверх. Лезть напрямую наемник поостерегся — неизвестно, чем мальцы встретят его наверху. Заметив в нескольких метрах сбоку пологий спуск, наемник бросился туда. И уже почти вскарабкался наверх, как крики снизу заставили его обернуться назад.

А внизу происходило нечто странное. Связанный человек так и остался неподвижно лежать на берегу. Рядом с ним валялся, корчась, один из наемников, а два остальных схлестнулись на мечах в поединке друг с другом. Тим тоже с удивлением смотрел на разыгравшуюся сцену, почти забыв о подбирающейся к нему опасности. Наемник, так и не дошедший буквально двух шагов до верха овражка, бросился вниз. Но помочь одному из сражавшихся он не успел. Бой внизу закончился быстро и победил, судя по всему, противник наемника, потому что тот бросился на победителя с обнаженным мечом. Этот бой тоже оказался скоротечным, а победитель остался прежним. И он, не обращая внимания на Тима и Арнеса, заспешил к связанному пленнику.

Тим, опасаясь самого худшего, снова закричал: "Эвард! Эвард!". И бросился вниз на берег. За ним, пусть и не так стремительно, а гораздо осторожней, пошел и Арнес. Тем временем победитель наклонился над лежащим рядом с Эвардом наемником и вытащил из его груди кинжал. Повернулся к Эварду и разрезал веревки на связанных за спиной руках. Зачерпнув ладошкой воду из реки, мужчина осторожно полил ее на лицо Эварда, а затем распрямился во весь рост.

Тим, который уже почти подбежал, вдруг резко затормозил с удивлением вглядываясь в мужчину.

Лудвиг?!

Хм! Тимка.

Как ты здесь? — Тимка огляделся, всматриваясь в убитых Лудвигом наемников. — Лудвиг, а здесь нет главного, даже двоих. Твелли и Орнни. Они где-то рядом. А Твелли хорошо владеет мечом.

Твелли здесь нет. Он далеко.

Ты его тоже убил?

Убил? Нет, тот просто должен был уехать из Меленвиля. А это кто? — Лудвиг взглянул на подошедшего к ним Арнеса.

Это баронет Арнес Вендориус.

Милорд, — Лудвиг склонил голову и тут же ее поднял. — Ближник Лудвиг.

А что с Эвардом?

Его оглушили. Сейчас попробую привести его в чувство.

Лудвиг снова зачерпнул воды из реки, на этот раз ухватив ее двумя ладошками, и аккуратно направил струйку на лицо виконта. Тот разомкнул глаза, оглядел склонившиеся над ним лица и слегка улыбнулся.

Арнес, спасибо, я твой должник. — И снова потерял сознание.

Когда виконт окончательно пришел в себя и они втроем (без Барни и тем более Тима) расположились в их комнате на том же постоялом дворе, Лудвиг рассказал свою историю. Почти не касаясь дел давно минувших лет, весь рассказ шел о том, что делал Лудвиг после того, как он расстался с Эвардом и Тимом в Турисе.

Узнав о смерти графа Дженриса и отправке виконта Эварда на каторгу (Эвард сам это придумал и рассказал Лудвигу во время их встречи в Турисе), Лудвиг ушел в Меленвиль, думая завербоваться в наемники. Там он и встретил Твелли, который представился командиром группы наемников. Да еще и желая показать себя с самой лучшей стороны, Твелли похвастался очень хорошими заработками. А они и в самом деле были не просто хорошими, а просто удивительно хорошими. Редкий наемник может зарабатывать золото, а тут, по словам Твелли, его люди это золото буквально гребли руками.

То, что Твелли занимается разбоем, Лудвигу не понравилось, но Твелли заверил своего нового наемника, что всё это они делают под покровительством самых высокопоставленных лиц в королевстве. Это уже меняло дело. По сути, наемники жили не только жалованием, но и грабежами захваченных селений.

В этот день он обрисовал своим людям цель и ее место появления, сообщив, что "щетка со связанными руками вытолкнут из задних дверей, как только стемнеет". А дальше парня нужно оглушить, засунуть в мешок, дотащить до реки, где и перерезать горло. А затем, набросав в мешок камней, бросить груз в реку. "И концы в воду" — сказал Твелли. Сам же главарь срочно засобиравшись уезжать из города, наказав своим людям, закончив дело, нагнать его по дороге.

Наемники сделали все, что им велел Твелли. По распоряжению главаря, убить пленника должен был новичок. Так они его проверяли в деле, а заодно и повязывали кровью. Когда парня вытряхнули из мешка, Лудвиг, уже доставший кинжал, удивился, увидев знакомое лицо. Вот только кто перед ним, Тимка, который жил прошлую зиму в лесной землянке, или его брат Варка? Правда, как признался Лудвиг, колебался он немного. Ведь он теперь наемник и должен выполнять приказы. Любые. Тем более, это же чумазый.

И Лудвиг уже начал движение руки с кинжалом в сторону горла пленника, как раздался крик: "Эвард!".

Эвард? — удивился Лудвиг. — Что за Эвард?

Сынок покойного графа Дженриса. Был виконт, сейчас ближник, а через несколько минут корм для рыб, — засмеялся один из двух наемников, оставшихся рядом с ним. Третий же побежал на крик.

Давай режь, это из-за него тебя граф в изгой отправил, — добавил наемник.

И Лудвиг, конечно, зарезал. Наемника ударом кинжала в грудь. И не тратя время на вытаскивание кинжала, Лудвиг обнажил меч. То же самое сделал второй наемник. Ну, а что было дальше, видели все. Кроме, Эварда, конечно. Тот увидел только результат верных ударов мечом.

Почему ты меня спас? Ведь они правильно сказали, что мой отец тебя изгнал. И тебе

пришлось все эти годы жить одному в лесу.

Милорд. Мою вину искупить нельзя. Я это знаю и всегда помню. Поэтому я остался на соседних с Ралльском землях в надежде хоть как-то ее чуть-чуть загладить. Ждал любого случая, хотя понимал, что его не будет. Но, к счастью, ошибся.

Да, к счастью. Если бы не ты и не Арнес...

А Тимка?

И Тимка тоже. А куда делся Твелли? Если бы он был там... Ты смог бы с ним справиться?

Лудвиг задумался, а потом наклонил голову.

Боюсь, милорд, что нет. Я являлся одним из лучших мечников графства, но с тех пор прошло двенадцать лет, и почти все время я провел в лесу. Теперь стреляю очень неплохо, а вот с мечом практики не было. А Твелли очень силен. С этими тремя сравнивать нельзя. Даже я без долгой практики смог их одолеть. Почти без особого труда. Но Твелли слишком силен. Вот если попрактиковаться. С полгодика хотя бы, вот тогда...

Понятно. Так куда же делся Твелли?

Он пропал на неделю, а вчера появился снова. И получил новый заказ. Каждому из нас обещано по одному золотому.

И что за заказ? Он не сказал?

Сказал, — невесело скривился Лудвиг. — Похищение маркизы Вьенской.

Что?! — Эвард и Арнес одновременно вскочили в изумлении от этих слов. — Да как ты посмел!

Мы ее должны были, наоборот, освободить.

Объясни!

Маркиза является невестой новому меленвильскому герцогу. И вот-вот должна была выехать к своему жениху. Сегодня днем прискакал гонец из Вьена. Он сообщил, что вьенский герцог отправил свою дочь на несколько дней раньше, чем планировалось. Ее сопровождают нескольких благородных и десятков солдат. По дороге их опоят. Нет, не ядом, а сонным зельем. Маркиза вряд ли будет пить, а вот остальные не утерпят. После этого разбойники похитят маркизу и захотят доставить ее турисскому графу, где и сделать ее супругой старшему сыну графа. Но это так, обман.

Обман? Объясни.

Маркиза в это поверит, а потом мы должны будем отбить ее у разбойников. Их всех перебить и отвезти маркизу в Ралльск.

Но Травису всего одиннадцать лет. Ему до Пробуждения еще три с лишним года. Но что рассчитывает Герих? Это ведь он заказал Твелли похищение?

Он. Только он не собирается женить своего сына на маркизе. Он ее освободит и передаст меленвильскому герцогу.

Ничего не понятно!

Да все просто и изощренно. Разбойники, перехватив карету с маркизой, повезут ее в сторону Ралльска, и в двадцати верстах не доезжая города, где у дороги высохший колодец, их должны встретить мы. Твелли, который спасет маркизу от рук разбойников, представится солдатом, служащим графу Гериху. Привезет маркизу в замок, а на следующий день граф самолично отвезет ее в Меленвиль.

А сопровождающие маркизы? Не бросятся ли они в Ралльск? Им вполне по силам успеть добраться до города до отъезда Гериха и маркизы.

Нет. Сонное зелье будет сильное. Пока очнутся и придут в себя, утечет много времени. И куда им ехать? Они же не будут знать, куда увезли маркизу. Поскачут в Меленвиль. А поэтому еще неизвестно, кто раньше прибедет в Меленвиль: Герих с маркизой или они. Да и дороги у них разные — не пересекутся.

Здесь все прояснилось. Но зачем все это? И зачем ложно обвинять Турис?

Герих после спасения маркизы станет лучшим другом герцога. А граф Туриса попадет в опалу. Доказать его участие в похищении маркизы вряд ли удастся, но сильный осадок останется. И Гериху под шумок удастся захватить все турисские деревеньки, что расположились вдоль реки. И браконьерская рыбка за бесценок пойдет не в Турис, а в Ралльск. Герих будет иметь постоянный хороший куш на налогах на рыбу. И полное расположение герцога, что стоит немало.

Дядя хитрый. Точно также хитро придумал с моим отцом, обвинив его в самозванстве. Ты не слышал про то, как убили отца?

Нет, милорд. Про старые дела не рассказывали — у стен всегда могут быть уши. Но теперь после всего увиденного и услышанного, я бы не прочь задать несколько вопросов Твелли.

Я тоже, — ответил Эвард. — А маркизу нужно спасти. Но как? Если мы перехватим Твелли по дороге, разбойники успеют напасть на сопровождение маркизы?

Это я не знаю. Про дело слышал только то, что мне рассказали, пока мы сидели в кустах, дожидаясь темноты. Но, думаю, нападут. Твелли вряд ли сам нападение организывает. Значит, без него все будет сделано.

А если по дороге его не нагоните, то что тогда?

Он все равно будет ждать разбойников на дороге и нас ждать тоже. Даже если нас не будет, он в одиночку способен разделаться с этим чумазым сбродом.

Я думаю, что нам не мешало бы с ним встретиться.

Но ведь тот силен в мечном бою. — Подал голос Арнес, до этого молчавший.

Твелли один, а у нас Лудвиг и Барни. Лудвиг, ты пойдешь с нами?

Я пойду всюду, куда прикажет ваша светлость.

Хорошо. Тогда два меча против его одного. И ты еще взял в дорогу арбалет. Так, Арнес?

Взял.

Я его возьму себе. На время, пока не настигнем Твелли. Не обижайся, Арнес, я знаю что ты хорошо стреляешь из него, но и я не хуже. Даже лучше. Вспомни, как в прошлом году было. Вряд ли за год ты смог меня превзойти. К тому же, у меня личные счеты к этому негодяю. Два меча и арбалет — это уже хорошо.

Но, Эвард, все же это не честно. Получается, что я один окажусь не у дел. Меч взять в руки мне нельзя, а единственное оружие ты у меня хочешь забрать. Я хочу тебе предложить другое. Завтра утром едем в центр города. Там есть хорошие оружейные лавки и подбираем тебе арбалет. Деньги у меня есть.

Спасибо, Арес. Я знал, что ты не захочешь оказаться не у дел. Но все-таки прости. Нет у нас времени на покупку арбалета. Завтра на рассвете нужно будет выезжать. И насчет денег, я тоже тебе благодарен, но они и у меня есть. На арбалет денег хватит.

Едем встречать маркизу?

А если не успеем? Тогда придется сворачивать на ралльскую дорогу, сделав целый крюк. И в итоге пока доберемся до места, где должен быть Твелли, разбойники могут уже быть там.

Тогда как поступить?

Я помню, где тот высохший колодец. Из Меленвиля до того места есть хорошая проселочная дорога. Я думаю, что и Твелли по ней поехал. Другой-то короткой дороги нет. В обход терять сутки, а то и двое.

Давай, тогда так и поступим.

Рано утром из постоялого двора выехало пятеро верховых. Двое взрослых воинов, двое парнишек на хороших конях и еще один парнишка на дрянной и неказистой кляче. Это, конечно, был Тим.

Почему он поехал вместе со всеми? Он же хотел добраться до Меленвиля, выбравшись с негостеприимной ралльской земли, где все его искали, а затем покинуть виконта. Но, узнав, о новой цели, Тим в последний момент передумал. Уйти он всегда успеет, а вдруг снова Эвард окажется в беде? Кто знает, может быть, опять понадобится его помощь?

Но главная причина, почему он остался с Эвардом, была в ином. Но озвучивать ее даже самому себе Тим не хотел. Почему? Да потому что Тим был обычным чумазым, а Эвард — человек благородного сословия, виконт. И благородный виконт неожиданно для всех (для Тима в первую очередь) его спас. И спас ценой своей собственной жизни. Ведь там в суде Эвард не мог не заметить Твелли, наемного убийцу, преследовавшего Эварда. Видел, не открылся для всех. И за это поплатился. Но спас Тима от смерти. И после этого он должен бросить Эварда, бросить в один из самых ключевых моментов в его судьбе? Нет.

Вот поэтому Тим и пристроился в самом конце маленькой колонны, двигавшейся в сторону Ралльского графства, откуда совсем недавно они сбежали. Теперь им нужно успеть догнать Твелли и освободить маркизу. В своих силах они были уверены — все-таки их трое против одного, но опытного и сильного наемника.

И никто из них не догадывался, что гонцов было не один и не два (считая того, кто прискакал несколько дней назад в Ралльск), а трое. Третий, главный среди них, проинструктировав главаря разбойников (из-за чего гонец и потерял лишний день пути), направился в Ралльск и прибыл к графу Гериху только к вечеру того дня, ранним утром которого Эвард со спутниками выехал из Меленвиля. А Герих, выслушав гонца, вызвал к себе десятника Ренни...

До развилки, они добрались уже к наступлению темноты. Влево уходила прямая дорога на Ралльск, а вправо дорога вела до другой развилки, где шел путь из Вьена в Меленвиль. Несмотря на то, что в дороге старались не задерживаться, они все-таки немного опоздали. Твелли уже встретил разбойников, сумел всех их перебить и в это самое время привязывал своего коня к запяткам кареты, намереваясь, за неимением помощников, поработать кучером.

Он был хорошим воином, поэтому заставить врасплох себя не дал. Быстро сориентировался, кинжалом перерубил привязь и успел вскочить в седло. Даже почти вытащил меч из ножен, но лишь почти. Его остановил направленный в его сторону арбалет. И, наверно, немного задержало удивление от вида того, кто держал в руках этот арбалет. Насколько хорошо умеют стрелять благородные мальчики, наемник тоже знал. Поэтому позволил подъехавшему Лудвигу себя обезоружить. А Барни уже сноровисто связывал Твелли руки.

Эвард, убедившись, что наемник уже не опасен, не разряжая арбалет, соскочил с коня и, подойдя к карете, открыл дверцу. Перед его взором появилось миловидное женское личико, немного удивленное и встревоженное. Девушка лет семнадцати с курносым носиком,

серыми глазами и... веснушками, столь редкими среди жителей королевства.

Миледи, разрешите представиться. Виконт Эвард Ралльский, к вашим услугам. А это мой друг баронет Арнес Вендориус, — Эвард представил баронета, успевшего подойти к дверце кареты.

Девушка молча смотрела на них.

Я уже знаю о дерзком похищении маркизы Вьенской. Возможно, этот человек сказал вам, кто организовал ваше похищение?

Да, — тихо, но твердо ответила девушка. — Граф Туриса.

Это неправда, миледи. Насколько я информирован, граф Туриса не имеет отношения к вашему похищению.

Тогда кто тот человек?

Боюсь, что это граф Герих Ралльский.

Как? Но меня освободил его солдат. Он убил всех разбойников. И собрался отвезти меня в Ралльск под защиту графа.

Он не солдат графа. Этот человек самый обыкновенный наемный убийца.

Девушка вздрогнула.

Последний месяц он ищет меня, намереваясь убить. Не далее как вчера его люди меня похитили и пытались убить, а затем утопить тело в реке. А месяц назад этот человек поразил меня в левое плечо и если бы не мой дар, то вы сейчас могли бы лицезреть шрам от удара его меча.

И что вы собираетесь со мной сделать, виконт Ралльский?

Девушка не случайно назвала Эварда Ралльским. Ведь, со слов виконта, ее похищение организовал его дядя, граф Ралльский. Не заодно ли дядя и племянник?

Маркиза, я намерен доставить вас как можно быстрее в Меленвиль к вашему жениху. Но сейчас уже темно, а короткая дорога до герцогского города в не очень хорошем состоянии. Я могу предложить нам выехать завтра утром. Вы не возражаете, миледи?

А мои сопровождающие? Что с ними, виконт, вы не знаете?

Как меня информировали, их опоили сонным зельем. Я думаю, после того, как они проснутся, у них не будет иного выхода, как направиться в Меленвиль, чтобы сообщить вашему жениху плохую весть.

А почему нельзя вернуться по той дороге, по которой меня везли?

Как будет вам угодно, маркиза. Но она вдвое длиннее и в Меленвиль вы приедете не завтра к вечеру, а на день позже.

Хорошо, пусть будет так, как вы считаете нужным. Но скажите, виконт, откуда вам известны подробности моего похищения? От вашего дяди?

Я изгой и дядя пытается меня убить чужими руками. Один из подосланных убийц оказался ближником моего покойного отца, графа Дженриса Ралльского. Он и спас меня, перебив убийц. И рассказал о том, что планировал вот этот человек, — Эвард кивнул в сторону стоящего в десятке шагов от кареты Твелли. — Миледи, у меня накопилось несколько вопросов к этому человеку. Вы не будете возражать, если я вас оставлю и займусь им?

Можете заняться... А я, пожалуй, посмотрю.

Как прикажете, маркиза.

Эвард повернулся к наемнику и всерьез задумался. Что он хочет от него узнать? Про убийство отца, если, конечно, тот имеет к нему отношение? А что еще? Подробности

похищения маркизы? Но они и так известны, пусть и не в полном виде. И маркиза почему-то решила посмотреть. Представления захотелось? Должна же понимать, что беседа будет далеко не дружеской. Без пыток допросы не получаются. Неужели такой милой девушке это нравится? Эвард оглянулся. Маркиза была спокойна, с интересом ожидая его действий. Неужели внешность обманчива? Он слышал, что некоторые благородные матроны с удовольствием посещали различные экзекуции. Бр-р-р. Эварду стало неприятно. И даже не столько от мысли, что освобожденная пленница хочет жестких развлечений, а от того, что этих развлечений жаждет именно эта девушка, к которой он сразу же проникся симпатией.

Твелли, — Эвард наконец решился и повернулся к наемнику, — я хочу от тебя узнать правду. Тем более что ты уже кое-что слышал, то есть должен понимать, что многое я знаю.

Я слышал ложь. И ничего более. Я наемник, а не какой-то страшный убийца, гонящийся с мечом против детей. И если ближнику Эварду хочется насолить своему дяде, то он это сейчас и делает. Это не благородно. Впрочем, ближники не являются благородными.

Эвард вспыхнул. Ему захотелось ударить наглеца, а затем приказать его... но он сдержал свою ярость. И тут он понял, почему наемник ответил именно так. И еще Эвард догадался, почему маркиза захотела присутствовать при его разговоре с наемником. Твелли понял это раньше него, вот и начал не только отрицать обвинения Эварда, но даже предпринял что-то вроде атаки. По сути, наемник показал маркизе, что Эвард сам все выдумал с целью отомстить дяде Гериху.

Да, Эвард мог приказать начать пытаться наемника, но тот, видимо, рассчитывал выдержать пытку, а потом, возможно, вмешалась бы маркиза. Почему она могла вмешаться? Да хотя бы потому, что она девушка, которая не сможет долго смотреть на мучения человека, к тому же, невинного. А то, что маркиза решит, что Эвард оговорил Твелли и Гериха, это вполне можно было предположить.

Да, Твелли пришлось бы помучиться и возможно его даже где-то покалечили бы. Но лучше немного помучиться и остаться, пусть даже калекой, но в живых, чем получить допрос с полным пристрастием в подвалах герцога, а затем умереть медленной и мучительной смертью. Эвард все это понял и теперь раздумывал, как поступить. Неужели Твелли его обыграл? Начнешь допрашивать — проиграешь, не решишься на допрос — как докажешь правоту своих слов?

И про гибель отца теперь даже и не спросишь. Твелли все будет отрицать, а маркиза решит, что Эвард делает все нарочно, чтобы отомстить дяде. Теперь главное — не Твелли, а маркиза. Эварду сейчас надо добиться доверия девушки. Нужно, чтобы она поверила, что Эвард был прав в своих обвинениях наемнику.

Твелли, так ты в одиночку перебил бандитов, похитивших маркизу?

Конечно. Это же сброд.

И помощников у тебя не было?

По напрягшемуся лицу Твелли, Эвард понял, что он нашел правильный путь в разговоре с наемником. Простой вопрос, а Твелли молчит.

Ты их не ждал?

Эвард продолжал давить на Твелли, а тот продолжал молчать. А что ему ответить? Сказать, что нет и не было никаких помощников? Как же не было, были. Вот только где они, что с ними? И как здесь очутился Лудвиг, который вместе с тремя наемниками должен был вчера убить Эварда? Они убиты? Бежали? Схвачены герцогской стражей? Твелли этого не

знал, а потому не мог ответить на вопрос Эварда. Что еще припасено у этого мальчишки? Какие каверзные ловушки могут быть? Чтобы он сейчас ни сказал, все приведет к тому, что его изобличат. А по тому, как Эвард держался и начал допрос с этого вопроса, кто-то из его людей вчера был схвачен.

Знаешь что, Твелли, я хочу предложить тебе сделку. Да-да, сделку. Я не буду тебя сейчас пытаться, калечить, превращать в кровавый кусок мяса. Кстати, ты уверен, что выдержишь все до конца, не начнешь рассказывать всё, что знаешь? И это не всё, что будет с тобой. Потом всё продолжится в подвале у герцога. И только затем четвертование на колу. Вместо этого я мог бы дать тебе слово, что тебя никто не тронет пальцем ни здесь, ни в Меленвиле. И казнен будешь по благородному — от меча. И до казни останешься цел и невредим. А одну-две ночи даже проведешь не в подвале, а на свободе. Но связанным.

От последних слов Эварда у Твелли почему-то не по-доброму загорелись глаза. Как будто он что-то задумал. Но Эвард почти не обратил на это внимание, стараясь добавить наемника.

Ну так что скажешь?

Ты дашь слово? А герцог? Он разве признает твое слово?

Если это будет слово благородного человека, к тому же виконта, то герцог будет вынужден согласиться. Все-таки слово благородного, как и честь благородного для герцога не просто слова. Если, конечно, он посчитает, что я благородный.

И Твелли усмехнулся. Он понял, к чему клонит этот мальчишка. Эварду нужна правда о гибели его отца. Сейчас для всех Эвард простой ближник, к тому же изгой. Но стоит Твелли рассказать правду про убийство графа Дженриса, то герцог признает Эварда благородным и тогда по закону наследования мальчишка станет ралльским графом. А присутствие маркизы будет гарантией, что герцог примет именно такое решение.

Теперь перед Твелли стояла дилемма: продолжать отказываться и тогда через пару часов он станет калекой, но все равно признается, или рассказать всю правду и остаться целым и невредимым на несколько дней. А за это время многое может измениться. Ведь здесь ралльская земля, а хозяин на ней граф Герих. И у него еще есть шанс уйти. Шанс не такой и маленький, шанс есть! Мир большой и наемники нужны везде. А если учесть, что Твелли резонно предполагал, что граф решит подстраховаться и направит сюда усиленный разъезд своих воинов, то... Вот только когда это будет? Сейчас уже темно, вряд ли стоит ожидать солдат. А завтра? До завтра еще нужно дожить и желательно остаться целым и здоровым.

Хорошо, я буду честен. Если ты дашь такое слово.

Да, даю слово виконта.

Что тебя интересует в первую очередь?

Отец.

Твелли усмехнулся. Всё правильно, всё упирается в тайну гибели графа Дженриса.

Твой отец умер от моей руки. От моего меча. Нас было восемь человек, троих граф убил, одного ранил.

Но ведь отец был благородным, он прошел Пробуждение! Для него восемь человек не соперники.

Тем более, милорд, что это довольно слабые воины. Те, кто лучше владеет мечом, записываются на южные рубежи, а здесь остаются олухи.

Почему?

Почему ваш отец не смог справиться? Его опоили, поэтому он оказался слишком медлителен.

Кто?

Думаю, это сделал ваш дядя. По крайней мере, это он мне заплатил приличную сумму.

А я? Что со мной?

За вас тоже были уплачены хорошие деньги. У самозванца, коим выставили покойного графа, не может быть сын, достигший Пробуждения. А до него осталось не так много времени. Вот я за вами и гонялся. Вы удовлетворены ответом?

Да. А как обстояло дело с похищением маркизы?

Так, как вы сказали. Кто из моих людей оказался слаб?

Слаб? Ах, да, я понял вопрос. Нет, все ваши люди убиты, там же, где они хотели убить меня. А узнал я от Лудвига, ему же проболтались ваши люди... Хотя, почему проболтались? Они считали, что он с ними заодно, вот и рассказали о предстоящем деле, пока ждали, когда появлюсь я.

Вы удовлетворены? Я могу рассчитывать на ваше слово... граф?

Да, но только в пределах обещания. На пощаду надеяться не следует. И не рассчитывайте, что вам удастся сбежать. Барни!

Да, ваша светлость.

Его надо связать покрепче. Он верткий. Я думаю, что не просто так вдруг решил согласиться рассказать правду.

Барни стал связывать наемнику ноги, а к Эварду подошел Арнес.

Он не захотел мучений и жестокой казни. Вот потому и согласился.

Так сразу? Может быть, и так. Только думается мне, что есть и другая причина. Мы не успеем его передать герцогской страже до послезавтра, вот он и рассчитывает, что сможет как-то развязаться и уйти. Так, Твелли?

Но наемник молчал, не поднимая головы к Эварду. Боялся, что его выдаст лицо и глаза. Теперь он знал, что случилось с его людьми. Они мертвы, а значит, страже ничего про похищение маркизы неизвестно. Вот почему здесь только эти пятеро, а вовсе не потому, что люди герцога не решились появиться на земле графа. Это бы их не остановило. В конце концов, граф вассал герцогу. И если раньше Твелли думал под шумок появления солдат графа попросту исчезнуть, покинув навсегда это королевство, то теперь ситуация менялась.

Если бы его люди оказались схвачены герцогской стражей и признались во всех преступлениях, в том числе и в участии в похищении маркизы, то за ним охотились бы все. И поэтому нужно было бежать. И ему и графу. А вот сейчас вышла интересная ситуация. Он получил отсрочку, а перед ним люди, которые знают правду. И если их не будет, то граф окажется вне подозрений. Свидетелей-то нет. Ни трех мальчишек, ни двух взрослых воинов, ни... маркизы. Ее тоже нужно убить, иначе графу придется бежать от гнева герцога, узнавшего от своей невесты про делишки Гериха. А смерть маркизы свалить на изгоя Эварда. Граф будет доволен.

Вот только как оправдаться перед Герихом в том, откуда маркиза узнала правду? Надо будет сказать, что Эвард пытал его людей, вот те и выдали. И он сам поэтому попался в ловушку. Попался, но всё исправил. В конце концов, ради чего всё это затеял граф? Подставить туристского графа и оттяпать у него часть прибыльных деревенок. С мертвой маркизой это будет еще лучше. Гневу герцога не будет границ.

Но для этого ему нужно будет выпутаться. Все будет зависеть от того, появится здесь

завтра ралльский разезда или нет. И когда появится? Не опоздает? И сколько их будет? Даже пятерых вполне хватит, чтобы справиться с двумя с половиной воинами. Полвоина — это Эвард с арбалетом. Мальчишка! Вон как стелется перед маркизой. Да и та стала более покладистой, нос уже не задирает. Чай, мальчишка уже почти граф.

А Эвард и в самом деле старался понравиться маркизе. И вовсе не потому, что она скоро станет герцогиней Меленвильской, про это он даже и не думал, а если слегка и мелькали похожие мысли, то почему-то они вызывали у Эварда чувство досады. Он тривиально завидовал герцогу. И чем больше общался с маркизой, тем сильнее разгоралась зависть. Такого с ним никогда не было в его жизни. Умудренный жизнью человек легко бы понял, в чем дело, но Эвард был слишком юн, чтобы догадаться.

Первоначальное чувство скованности прошло. Возможно, на это повлияла вынужденная откровенность наемника, которая покончила с его бедами и нескончаемым бегством. В его жизни все разом изменилось и порукой тому вот эта девушка.

Да и маркиза немного оттаяла, теперь не была столь молчаливой и даже немного подозрительной, как это было при встрече с ней. Теперь девушка охотно шла на беседу с Эвардом, да и с Арнесом тоже. Хотя, как с радостью заметил Эвард, с ним девушка была более откровенной и раскованной. Даже рассказала немного о себе. Но больше слушала Эварда. Особенно ее увлекла история его походов за последний месяц. Хотя Эвард постарался упустить из рассказа наиболее нелицеприятные для него события. Слишком сильно пострадала его честь. Но всё не скроешь, иначе от рассказа почти ничего не останется.

Про то, как ему удалось выжить после ранения, и про роль Тимки Эвард благоразумно не стал рассказывать. А вот про переодевание в чумазую одежду он, скрепя сердце, все же поведал, сильно опасаясь негодования маркизы. Но, к его облегчению, девушка отнеслась к этому благожелательно, по крайней мере, не стала возмущаться, а именно этого и опасался Эвард.

Благосклонный взгляд маркиза отпустила и Арнесу, когда Эвард рассказал про свое похищение в суде Меленвиля и про то, как Арнес спас Эварда. Конечно, в первую очередь, благодаря мечу Лудвига, который в это время охранял подступы к их придорожному лагерю, а потому и не смог удостоиться благосклонного взгляда в отношении себя.

Никто из путников не потревожил их расположение. Ведь темно, а в темное время суток по дорогам не ездят. Да и дорога эта не вела напрямую к какому-нибудь городу, а только к развилке трассы, соединяющей Меленвиль с Вьеном.

Но посиделки у костра рано или поздно должны были закончиться. Маркиза несколько раз зевнула, прикрыв рот ладошкой, и Эвард понял, что должен предложить девушке руку, чтобы отвести ее к карете, где большое количество тюфяков и подушек вполне могли обеспечить более-менее достойный сон.

А где вы будете ночевать, виконт?

Маркиза пока еще не называла Эварда графом. Впрочем, это и правильно, официально он еще даже не виконт, а только ближник. Лишь меленвильский герцог мог исправить его статус, признав незаконность обвинения графа Дженриса в самозванстве.

Как всегда, маркиза, на земле.

Но это не очень удобно. Люди благородного сословия обычно проводят ночи в палатке. А вас два юных милорда.

Мы мужчины, маркиза.

Эварду было приятно так себя назвать. В свете, отбрасываемом костром, Эвард увидел, как девушка улыбнулась. А после занавеска на дверях кареты закрылась.

Эвард вернулся к костру и, возможно, сидел бы так до утра, если бы не подошедший Лудвиг, которого сменил Барни.

Милорд, пора собираться ко сну. Мы с Барни разделим дежурство на две половинки ночи. Я еще Тимку привлеку на самый опасный отрезок времени. Боюсь, что одного часового будет мало.

Мало? А мы с Аресом? Мы тоже.

Но милорд, половину ночи бодрствовать, это не юных господ.

Почему половину? Считай еще и Тимку. Дели ночь на три части. И вы с Барни по полночи.

Как скажете, милорд.

Арнес, твой арбалет мы будем посменно держать. А вот Тимка... Тимка, ты оружие в руках держал? Арбалетом умеешь пользоваться?

Арнес только громко хмыкнул:

Эвард, где это видано для чумазого?

Эвард... Милорд, я владею луком. У Лудвига есть лук, если он отдаст его на время дежурства. Лудвиг!

Ты в самом деле умеешь стрелять из лука? Откуда?

Лудвиг, пока я жил с ним в лесу, научил.

Лудвиг, он не врет?

Пожалуй, нет. Стреляет он не так, чтобы и хорошо, но... стреляет. У меня лук тугой, но Тимка сильный. Натягивает, правда, не в полную стрелу, но... натягивает.

Тогда дай ему лук и стрелы. И тебе с Барни надо поделить время так, чтобы ты с Тимкой не попал в одну смену.

Ночное дежурство прошло без происшествий. Никто мимо не проезжал, ни проходил, ни проползал. Да и, наверно, не пролетал. Ночь — время для сна, ну, и конечно, для любителей разбоя. Но на пустынной дороге разбойников не было, за исключением тех, кого поразил меч Твелли, да и те, оттащенные далеко в кусты, теперь уже никого не ограбят.

Чтобы успеть засветло добраться до Меленвиля, нужно отправляться в дорогу на рассвете. И в пути лучше делать меньше привалов, да и короче они должны быть. Но маркиза сразу же внесла корректировки в намеченный прошлым вечером план. Не будешь же будить девушку в такую рань? А потом ей нужно привести себя в порядок. Хоть немножко умыться, причесаться, да и мало ли дел утром у юной девушки? Даже, чтобы просто ей умыться, пришлось потратить чуть ли не полчаса времени. Это они за минуту освежали холодной водой лицо (кроме Тимки, тот хоть за время знакомства с виконтом стал брать с него пример, но сейчас лица не вымыл — зачем посторонним знать, что они с Эвардом на одно лицо?), а юной миледи вода нужна теплая, да еще и определенной температуры.

Вот и полетел коту под хвост план успеть добраться до города за один день. Эвард только тяжело вздохнул, но быстро забыл об этом, найдя в этом свои прелести. Ведь теперь он будет рядом с маркизой еще, как минимум, сутки.

Когда, наконец, закончили неспешные сборы, утро уже было в полном разгаре, но до полудня было еще далеко, поэтому несколько часов пути до наступления дневной жары у них еще было.

Чужих людей первым заметил Лудвиг. Группа всадников приближалась с юга, где в

двадцати верстах располагался Ралльск. Чужаки, судя по всему, выехали из города почти сразу же после наступления рассвета. Эвард и его спутники быстро вскочили в седла, лишь только Тимка, сжимая в руках лук, остался стоять на земле. Какой из него верховой стрелок? Это опытные солдаты, как Лудвиг и Барни, могут стрелять, сидя в седле, успокаивая коней, чтобы те не мешали стрельбе. Но сейчас в руках воинов были только вытащенные из ножен мечи. Сзади них пристроился на коне Арнес. Он же безоружный, ведь его арбалет снова забрал Эвард. Виконт, поняв, что меткость стрельбы возрастет, если он спешится, поэтому вскоре он уже стоял на земле, расположившись между конями Лудвига и Барни. А Тимка пристроился сбоку от них — чумазый должен знать свое место.

Чужаки остановились в нескольких сотнях метров от них. Пять человек. Солдаты, которые доставали длинные овалы щиты, готовясь прикрыться ими. Агрессивные намерения чужаков были видны отчетливо. Никто из них не попытался узнать, что за люди, да еще и с каретой, расположились на лужайке рядом с обочиной дороги. Разве сейчас война? Разве так встречают путников? Эвард, да и все остальные поняли, что без боя не обойтись. Он же изгой, незаконно захвативший на земли графства.

Вот разве что Арнес. Сын ралльского барона Вендориуса. Эта же мысль, вероятно одновременно пришла в голову и юному баронету. Он тронул за поводья коня, направив его в сторону ралльского разезда. Проехав полсотни шагов вперед, парнишка крикнул:

Я баронет Арнес Вендориус, а кто вы?

Милорд, я десятник его светлости графа Гериха Ралльского. Меня зовут Карри. Что вы здесь делаете, баронет?

Мы спасли маркизу Вьенскую. На нее напали разбойники. И теперь собираемся отвезти ее в Меленвиль. Она невеста нашего герцога.

Десятник молчал, о чем-то думая.

Десятник! В чем дело? Вы можете сами спросить это у маркизы.

Только пусть один человек подъедет, я им не доверяю, — тихо произнес Эвард, но так, чтобы Арнес смог его услышать.

Десятник, пусть один из вас приблизится и спросит у маркизы. А после мы уедем в Меленвиль.

Десятник, что-то бросив своим спутникам, направил коня в сторону кареты, но не успел проехать и пяти шагов, как раздался громкий крик Твелли.

Карри! Десятник Карри! Убейте их! Всех! Именем графа Гериха! Здесь ближник Эвард, они замышляют заговор против графа! Убейте! Иначе это будет предательство!

Десятник остановил коня, а Арнес развернул своего в обратную сторону и быстро вернулся на старое место за спинами Лудвига и Барни.

Приказ, полученный десятником вчера вечером лично из уст графа, требовал от Карри выехать на рассвете из города и направиться на север, где на развилке дорог он должен был встретить карету с сопровождающими ее наемниками. И не выдавая своей осведомленности, Карри должен со всей почтительностью проводить карету до графского замка. Но сейчас всё что-то пошло наперекосяк. Наемников не было, точнее, был один, да и то связанный. Его Карри рассмотрел лежащим на земле за спинами коней неизвестных людей. Впрочем, почему неизвестных? Баронета Арнеса он узнал, а теперь рассмотрел и Эварда, бывшего его виконта. Было еще двое солдат на конях. И всё. Да, еще какой-то чумазый мальчишка с луком в руке. И эти люди захватили карету с маркизой и вместо графского замка собирались отвезти ее в Меленвиль. А это шло вразрез с приказом графа Гериха. И еще связанный

наемник. Он требовал убить этих людей, кричал, что они заговорщики. Возможно, так и есть, иначе, откуда они здесь. Тем более, вместе с Эвардом, которому под страхом смертной казни, как изгою, было запрещено появляться на землях Ралльска.

И Карри отдал приказ готовиться к бою. В его исходе он не сомневался. Мальчишку с луком в руке он сразу же сбросил со счетов. Если чумазый и решится на выстрел, то промажет. Даже если случится чудо и попадет в цель стрелой, то ее задержит щит, который полностью прикрывал всадника от стрел врага. Была еще маленькая щелочка для глаз над щитом, но чтобы попасть именно в нее требуется нешуточное мастерство. Ведь всадник не стоит на месте, а движется вместе с конем.

Виконт Эвард с арбалетом. Точнее, бывший виконт, а теперь, получается, заговорщик. Да, стреляет очень хорошо. Этот может попасть и убить арбалетным болтом. Но выстрел будет только один, на второй у Эварда не будет времени. Не успеет перезарядить свой арбалет.

Так, теперь остальные. Баронет безоружен. Остаются два солдата. Подъехав поближе, Карри узнал одного из них. Солдат барона Вендориуса. Насколько тот умел, он не знал, но уж его парни точно не хуже баронского солдата умеют владеть мечом. Второй тоже ему был смутно знаком. Еще один баронский солдат? Тоже не противник, если вчетвером навалятся на этих двоих. Нет, не вчетвером, а втроем. Четвертый, пока трое будут насаждать на баронских солдат, проскочит вперед и порубит мальчишек. Он так и сказал своим солдатам.

Один должен заняться мальчишками. Эварда не убивать. Разрубите ему плечо, чтобы не смог стрелять. Баронет не опасен, но если попытается уйти, то после того, как разберемся с солдатами, его догнать или пустить стрелу. Самого тоже не убивать, пусть его светлость решает, что с ними делать. А чумазого с луком зарубите.

И полностью прикрывшись щитами, они подъехали почти вплотную к заговорщикам. Сейчас должна начаться рубка. И никто не способен ее предотвратить. Даже маркиза, чья карета стояла чуть поодаль. У Карри приказ графа, а его солдаты подчиняются только ему.

Готовься, — произнес Карри. Но так, чтобы слышали только его люди. И тронул поводья, чтобы сделать последний шаг перед рубкой.

Глава 8

Карри сквозь щель между верхней кромкой щита и козырьком шлема в последний раз осмотрел противников. Эвард. Его арбалетный болт смотрел на Карри. Что ж, это правильный выбор — вывести из боя самого опасного противника, а им по определению всегда был старший, в данном случае это он, десятник Карри.

Карри хорошо знал Эварда, они часто пересекались на тренировках, и десятник не понаслышке знал, какой хороший стрелок бывший ралльский виконт. В пылу схватки велик шанс, что противник занервничает и промахнется, но Эварда всегда отличала выдержка и хладнокровие. Карри умирать, как и любому другому человеку не хотелось, но он воин и должен всегда быть готов к смерти. И он обязан выполнить долг перед своим графом. Сейчас он, скорее всего, погибнет, но зато его солдаты выполнят приказ и добьются победы над заговорщиками. Впрочем, в то, что перед ним заговорщики, Карри не очень-то и верил, просто принимал это как данность за неимением других объяснений тому, как здесь оказались эти люди.

Карри чуть скосил глаза вправо. Чумазый мальчишка натягивал лук — силен оказался, хотя на всю длину стрелы так и не дотянул. Но лук тугой, даже и этого хватит, чтобы стрела

с такого расстояния могла пробить кольчугу. Если, конечно, попадет в незащищенное щитом место. Сейчас его солдаты плотно прикрыты щитами, но через несколько мгновений всё придет в движение и тогда... тогда чумазому всё равно не попасть. Это же не парень из касты воинов, а простой мальчишка из чумазого сословия.

Карри уже собрался отвести взгляд от мальчишки, но что-то его остановило. Что-то неестественное было в чумазом. Неправильно, неумело держит лук? Нет... Нет! Чумазый натягивал лук левой рукой, так как это свойственно делать левшам. Вон и Эвард тоже левша и соответственно в него целится, зеркально держа арбалет. Чумазый — левша!? Этого не могло быть. Левшами были только люди благородного сословия, да и то они в меньшинстве — большинство же, как и все, правши.

А этот левша. Как покойный граф, как и его сын Эвард. Откуда? Кто же он? Хотя сейчас это совсем не важно. Главное — это то, что Карри ошибся, отмахнувшись от такого противника. И десятник отчетливо понял, что мальчишка не промахнется. И тогда останется в строю только трое его солдат. Двое против двух заговорщиков, а третий против мальчишек. Успеет их порубить, прежде чем те сделают по второму выстрелу? Должен успеть. Баронские солдаты не такие умелые воины, чтобы вдвоем противостоять троем его людям, при этом не давая третьему прорваться сквозь их ряд и порубить мальчишек.

И все-таки, где же он видел этого бородатого? Смутно знакомое лицо, но все равно — знакомое! Если сбрить эту бороду, то... Струйка горячего пота потекла по спине десятника. Он вспомнил этого человека. Ближник Лудвиг, один из лучших мечников графства. Да что там, один из лучших — лучший!

Двенадцать лет назад покойный граф изгнал Лудвига и вскоре все про него забыли. Жив ли, нет ли — сколько времени прошло. Но, оказывается, жив. И теперь он здесь, с Эвардом.

Двенадцать лет назад Карри был молодым двадцатилетним воином и не имел ни одного шанса выстоять в поединке против Лудвига. С тех пор он заматерел, стал десятником, но ведь и ближник тоже где-то был эти годы и улучшал свое мастерство. То, что Лудвигу по силам в одиночку сдержать нападение трех его солдат, Карри не сомневался. А ведь еще был и второй баронский солдат, тоже умеющий владеть мечом. А это значило, что эти двое до мальчишек никого не пропустят. Эвард сможет перезарядить арбалет, а чумазый и вовсе послать еще, как минимум, две стрелы.

И вся его пятерка поляжет, не нанеся никакого ущерба противнику. И беспрепятственно уйдет. А граф ничего не узнает.

Стойте. Медленно отступаем. — Успел приказать Карри. Ведь еще несколько мгновений и смертоносные болт со стрелой полетели бы в короткий полет, забирая их жизни...

Напряжение, охватившее Эварда и его спутников, понемногу отпускало. Графские солдаты в последний момент перед началом схватки почему-то от боя отказались, отступив назад, а потом и вовсе исчезли, ускакав в сторону Ралльска. Лежащий, связанным на земле, Твелли совершенно охрип от своих криков, пытаясь вернуть пятерых солдат, но так и не добился ничего. А теперь лежал, отрешенно смотря куда-то вдаль.

Негодяй, — Арнес, спрыгнув на землю, несколько раз пнул ногой наемника.

А ведь он думал не о Герихе. О своем спасении. За счет наших жизней, — Эвард устал смотреть на Твелли. — Гериха все равно это не спасло бы. Маркиза все слышала, все знает.

Негодяй! — Арнес в последний раз в сердцах пнул наемника.

Милорд, — приблизившийся Лудвиг смотрел на Эварда взглядом умудренного жизнью

человека, впрочем, так ведь и было с ним. — Конечно, этот человек желал спасти себя. Но и граф Герих тоже мог выкрутиться.

Вздор! — Эвард вспыхнул от негодования. Разве маркиза решится солгать и выгородить организатора своего похищения?

Если ваш дядя пошел на убийство вашего отца и вас тоже пытался убить, то он не остановился бы и перед ее сиятельством.

Что?! — Поразился Эвард, а почти одновременно с ним удивленно воскликнул и Арнес.

Вы хотите сказать, что эти люди могли бы поднять руку и на меня? — девушка стояла возле открытой дверцы кареты и вопросительно смотрела на Лудвига.

Эти люди способны, миледи.

Девушка молчала и видимо переваривала полученную информацию, слишком невероятной для нее она была. На нее, маркизу Вьенскую, посмеют поднять руку? Она не могла в это поверить. Вероятно недоверие отразилось на ее лице и Лудвиг, опережая возможное возражение, быстро добавил.

Но ведь они осмелились на ваше похищение. Вы были в руках разбойников, а это такая категория людей, что лучше к ним не попадаться.

Девушка задумалась. В словах этого ближника был определенный резон, но все же... все же... нет, она так и не смогла определиться. Как все сложно!

Миледи, не стоит себя подвергать очередному испытанию судьбы. Неизвестно, не вернуться ли ралльские солдаты. Возможно, с подкреплением. Нам нужно срочно ехать в Меленвиль, — слова Лудвига были справедливы.

Действительно, опасно здесь оставаться и задерживаться. Неизвестно, как поступит Герих, узнав о случившемся. Необходимо не медля ни минуты срочно отправляться в путь. Они и так потратили слишком много времени на сборы. Маркиза очнулась от своих размышлений и, приподняв голову, приказала: "Едем".

За кучера на передке сел Тимка. Его клячу решили оставить на дороге — сейчас им придется ехать быстро и с минимальными задержками, а кляча просто не выдержит такого темпа. Еще вчера из-за ее медлительности они задержались в пути. А ведь еще немного, буквально четверть часа задержки и Твелли увел бы карету к Ралльску.

Что делать с наемником, решили быстро. Твелли прикрепили к запяткам кареты. Очень неудобно связанному по рукам и ногам человеку, особенно по такой плохой дороге, но наемник лучшего обращения не заслужил, особенно после его криков к ралльским солдатам.

Несколько часов быстрой езды и вот они уже за пределами графства. Здесь земли меленвильского герцога. И вовремя, кстати. Коням нужен отдых. Высыпав в торбы остатки овса, люди тоже повалились на траву у обочины дороги. Видно, что устали все, даже Лудвиг и Барни. И маркиза была очень бледна. Эвард вынес для нее пару подушек, на которых девушка устало сидела. Чувство голода было у всех, но еще утром они съели остатки последней еды. Хорошо хоть вода оставалась в дорожных флягах, да и то совсем немного. Маркизу в утолении жажды ограничивать никто, конечно, не посмел, а вот остальным досталось по три-четыре глотка, а Тиму и вовсе меньше. Он, как чумазый, пил в последнюю очередь.

Миледи, через десять верст будет маленькая деревня, а там староста держит небольшую харчевню для проезжих.

Хорошо, виконт, я потерплю.

Милорд, боюсь, что для такой маленькой харчевни, как вы соизволили сказать, у этого

старосты ничего заранее приготовленного мы не найдем. В такую жару мясо быстро портится, а проезжих мало. Нам навстречу попались всего две повозки.

И что ты, Лудвиг, предлагаешь?

Мы или потеряем много времени, которого у нас нет, или останемся голодными. Мы потерпим, а вот маркиза... Я предлагаю одному человеку проехать вперед и заранее предупредить этого старосту, чтобы он разогревал очаг и что-нибудь для нас жарил. Только по-быстрому. Не поросенка — слишком долго ждать. Можно цыплят. Жарятся быстро.

Ты прав. Поедешь ты?

Если прикажете, милорд. Хотя...

Договаривай.

Опасность еще не исчезла. За нами может быть погоня и лишать отряд одного меча будет не разумно. К тому же моя лошадь больше устала, чем другие — больше веса несет.

Я понял.

Эвард оглядел остальных спутников. Кто менее ценен в возможном столкновении? И у кого чуть более свежа лошадь. У того, кто меньше весит. Его взгляд остановился на Арнесе. Конечно, Арнес.

Арнес.

Да, Эвард. Я с радостью выполню поручение моего графа!

Спасибо, Арнес.

Парнишка встал с земли и, вскочив на коня, направил его рысью дальше по дороге.

Не загони коня, Арнес! — вдогонку крикнул Эвард.

Надеюсь, у него хватит ума гнать лошадь переменным аллюром, — Лудвиг немного нахмурился.

Не бойся, Арнес всё знает.

Пока располагались на отдыхе, Эвард погнал Тимку по окрестностям в надежде, что тот найдет какой-нибудь источник с водой. Хоть ручеек. Но вернувшийся спустя полчаса Тим только развел руками. За это время Эвард пытался разговорить маркизу, но та, погруженная в свои мысли, отвечала невпопад, и Эвард вскоре отказался от дальнейших попыток поболтать с девушкой.

После возвращения Тима, немного отдохнувшие, кроме Тима, конечно, Эвард и его спутники продолжили свой путь. Опасения, что по дороге им встретится Арнес, загнавший коня, не подтвердились, и когда на пригорке показалась та самая деревенька, где у одного из домов стояла привязанная лошадь Арнеса, все вздохнули с облегчением.

Благодаря рывку баронета, удалось сэкономить около получаса драгоценного времени. И что самое главное — в случае, если они продолжат двигаться в том же темпе, то их компания сможет добраться до городских ворот Меленвиля еще засветло. Эварду, памятуя о своих прошлых посещениях постоянного двора, совсем не хотелось снова оказаться в нем на ночлеге. За городскими стенами он чувствовал бы себя в большей безопасности, чем ночь, проведенная на окраине. И еще он немного надеялся, что герцог пригласит его остаться в замке. Ведь он же спас его невесту. И к тому же теперь доказано, что он благородный. И скоро наденет графскую корону. А еще ему совсем не хотелось расставаться с маркизой. Из-за этой спешки он так и не смог с ней нормально поговорить, девушка ограничивалась лишь дежурными фразами. Жаль. Очень жаль!

До закрытия городских ворот они все-таки успели. А вот чтобы попасть в сам замок герцога пришлось потратить кучу времени и нервов. Стражники вначале наотрез отказались

их пропустить, а на требование вызвать старшего смены, тоже ответили отказом. Не поверили они и в то, что в карете находится невеста их герцога маркиза Вьенская. А как поверишь? Кто ее сопровождает? Мальчишка-баронет и мальчишка... даже неизвестно кто. То ли виконт, то ли нет. Про то, что виконт ралльский оказался вовсе не благородным, стражники знали уже с месяц. А тут появляется мальчишка, называющий себя виконтом. Поэтому прибывшая компания и вызвала у них недоверие. Тем более на козлах кареты маркизы какой-то оборвыш из чумазных!

И только когда, по проществу, наверно, получаса, открылась дверца кареты и из нее вышла потерявшая терпение юная миледи, только тогда стражники немного смутились — а как если всё правда? Быстро вызванный офицер стражи сразу же осознал ошибку и вину своих подчиненных и с тысячью извинений перед маркизой приказал открыть ворота. А сам, разрываясь между сопровождением невесты его герцога и необходимостью известить о гостях мажордома замка, бросился вслед за каретой.

Маркизе пришлось прождать еще четверть часа, прежде чем у кареты появились благородные господа, в первую очередь включая виконта и двух баронов Вьенского герцогства, которые после того, как они очнулись на дороге после сонного зелья, и не увидев рядом с собой кареты с маркизой, срочно бросились в Меленвиль.

Суматоха, связанная с прибытием исчезнувшей невесты герцога, продолжалась, наверно, больше часа и всё это время Эвард и его спутники провели во дворе замка. На них никто не обращал внимания. И когда Эвард окончательно понял, что он так простоит во дворе до утра, а то и дольше, он развернул коня и поехал обратно к воротам замка. Солдаты, уже давно осознавшие свою серьезную ошибку, за которую им еще в скором времени крепко достанется от начальства, беспрепятственно выпустили из замка четверых всадников и пешего чумазого мальчишку.

Ночлег, а вместе с ним и хорошо прожаренный поросенок вместе с несколькими бутылками недурственного вина, они заполучили уже через полчаса. Внутри городских стен, в отличие от окраин, проблем с гостиницами не было, да и качеством обслуживания гостиницы намного превосходили недавний постоялый двор. Были бы деньги, а у Эварда еще оставалось два золотых из того десятка, что он занял у Тимки. Эвард помнил это обстоятельство и поэтому не забыл и своего чумазого спутника. При таких гостиницах существовали комнаты для слуг, в одной из которых нашлось место и для Тима. Вместо нежного мяса поросенка парнишке досталась большая миска с жареной требухой — редкий чумазый мог себе позволить такое пиршество. А вместо прекрасного анлийского вина Тим довольствовался обычной водой.

На следующий день Эвард и Арнес дали знать в замок, в каком месте они остановились и стали ждать. День, два, три... От того, что произошло и как их встретили, Эвард на первых порах забыл о связанном Твелли, оставленном ими на запятках кареты. Узнать о судьбе наемника им удалось лишь через пять дней, когда из замка прибыл посланец, пригласивший баронета Арнеса и... ближника Эварда к герцогу Меленвильскому. Такое обращение означало, что герцог до сих пор не признал Эварда благородным.

Во время короткого приема герцог поблагодарил приглашенных за помощь в спасении своей невесты, сказал несколько дежурных фраз и на этом аудиенция завершилась. Сказать, что Эвард расстроился — ничего не сказать. Он был почти раздавлен. Его надежды на скорейшее восстановление в благородном статусе, а следовательно, и в признании первоочередного права на Ралльск быстро погасли. И будущую герцогиню он с тех пор ни

разу не видел.

Тим, собравшийся было покинуть Эварда и уйти, куда глаза глядят, уходить передумал. Эвард снова оказался не у дел и возможно ему снова понадобится его помощь. Но с виконтом Тим теперь виделся крайне редко, тот все время проводил в обществе баронета, давнего своего друга еще со времен жизни в Ралльске. Впрочем, Тим не расстраивался. Ведь, с одной стороны, он при крове и с хорошей едой, хотя с другой, его сокровенные мечты, о которых Тим старался не думать, и даже не смог их сформулировать, быстро таяли. Впрочем, кто он для Эварда? Случайно встреченный чумазый, который сильно помог виконту, но разве это не обязанность всех подданных? И теперь у Эварда есть Арнес, его друг. А уйти Тим всегда еще успеет.

Так прошло еще несколько грустных для Эварда и Тима дней, пока из замка вновь не прибыл посыльный, который сообщил, что его сиятельство герцог Меленвильский приглашает к себе его светлость виконта Ралльского и его милость баронета Вендориуса. Удивления, а затем сменившей его радости, не было предела. Получилось! Герцог признал Эварда благородным. А это значило, что перспективы получения графской короны у него теперь более чем обещающие.

В этот раз на аудиенции вместе с герцогом присутствовала и маркиза, с явной благосклонностью взиравшая на Эварда и Арнеса. Да и сам герцог милостиво улыбался. Уже после Эвард узнал подробности того, как и почему судьба все же повернулась к нему лицом.

Рассказу своей невесты герцог вначале не поверил. Если быть точным, то он не захотел поверить. И этому были причины. Герих Ралльский за прошедший месяц сумел основательно очаровать герцога. А тут получалось, что граф организовывает дерзкое похищение маркизы, а до этого он же устроил убийство своего брата. В это не хотелось верить. И не столько разумом, а сердцем.

Допрос с пристрастием наемника Твелли подтвердил не очень приятный для герцога расклад. Твелли пытали, несмотря на данное Эвардом слово. Но где Эвард? Да и кто он для герцога? Маркиза, правда, пыталась заступиться за наемника, известив герцога о слове, данном наемнику виконтом Эвардом. На что ее будущий супруг резонно ответил: да, слово благородного должно быть твердо, в противном случае невыполнение слова заденет его честь. Но Эвард пока еще не считался благородным. До вынесения герцогского вердикта он всего лишь ближник. А чтобы вынести правильный и справедливый вердикт наемника нужно допросить. После такого ответа герцога маркиза заметно ослабила свой натиск, признав его определенную правоту.

Герцог, несмотря на полученные признания, пока еще не собирался принимать сторону сына погибшего графа. В конце концов, все основывалось лишь на словах наемника. Даже уверенность маркизы вытекала опять же из признаний Твелли, сделанных наемником тем вечером на дороге в Ралльск.

Принять решение в пользу Эварда помогли благородные господа, сопровождавшие маркизу в Меленвиль. Она очень напористо пообщалась с вьенским виконтом и баронами, те же чувствовали свою вину в похищении своей госпожи. И опасаясь гнева вьенского герцога (а гнев в любом случае будет, с той лишь разницей, каким сильным его ждать), благородным господам пришлось при каждой встрече с герцогом почтительно настаивать на принятии решения в пользу спасителя маркизы из рук разбойников.

После официальной аудиенции герцог пригласил Эварда в свой кабинет, где они остались наедине.

Скажи, Эвард, что ты собираешься делать, когда вернешь графство своего отца?

Наверно, то же самое, что делал отец.

Я имел в виду твои планы в отношении Гериха.

Казнь. Жаль, что мечом, а не четвертование. Я же не могу его объявить самозванцем и лишить благородного звания.

Ты и казнить его не можешь.

Почему, ваше сиятельство?

Казнь благородных — это прерогатива, как минимум, герцога. Я имею в виду тех благородных, у кого имеется титул. Твой дядя виконт и никто не вправе его лишить этого звания. Кроме нашего короля, конечно.

А вы, милорд, разве не дадите согласия на его казнь?

Стоит ли быть таким кровожадным? В конце концов, ты получишь замок и все графство в свои руки. Это уже хорошо. Тебе ужасно везет, не находишь? Если бы не случай с маркизой, ты был бы обычным изгоем, каких много.

Даже когда я пройду Пробуждение?

Думаешь, если покажешь всем, что у тебя появился основной дар, свойственный лишь благородному сословию, тебе сразу же вернут графство?

А разве нет?

Твой отец с таким даром ничего не мог сделать с несколькими жалкими наемниками.

Они его опоили!

А что сделали бы с тобой? Даже зелья не нужно. Достаточно одного арбалетчика. Это если из засады. А в каком-нибудь замке можно просто не проснуться из-за перерезанного горла. Сколько таких случаев было! И еще будет. Ты, кстати, мог вообще не дожить до Пробуждения, для всех так и оставшись ближником, сыном самозванца.

Но Твелли же дал показания.

А кто про них знает?

Если его допросить при всех...

Твелли сегодня четвертовали.

Как?! Я же ему дал слово.

Слово ближника, а ты до сих пор ближник. Указ о восстановлении тебя в правах подготовлен, но я его еще не подписал.

И что для этого нужно?

Не быть слишком кровожадным.

Вы мне ставите такое условие?

Нет, Эвард. Указ я подпишу в любом случае и ты возвратишься в замок твоих предков, сядешь на трон... Но есть еще один трудный вопрос. Кто будет править?

Как кто? Разве не я?

Пока ты не прошел Пробуждение, ты ребенок. Хотя с другой стороны, не пятилетний же малыш? Будет регент, мной назначенный. Это виконт Бербас, мой дядя по материнской линии. Он может быть полным регентом, не допуская тебя до власти. Разве что над слугами. Или станет регентом, который будет только надзирать, а править будешь ты сам лично. Бербас в этом случае может лишь отменять некоторые твои неразумные приказы. Разница, как видишь, огромная. Если я увижу, что передо мной сидит разумный юноша, то регентство, конечно же, будет лишь надзорным.

Но он же убил отца!

Я не требую от тебя немедленного ответа. Завтра в это же время жду в замке. Кстати, завтра сюда прибывает твой дядя, граф Герих Ралльский. И я должен принять решение.

Вы против его казни. Тогда что?

Обычная практика изгоя, которому воспрещено появляться на запрещенных для него землях. В данном случае, на земле Ралльска...

Вернувшись из замка в гостиницу, Эвард собрал маленькое совещание. Действительно, маленькое. Кроме него был баронет Арнес и ближник Лудвиг, который по своему статусу имел право совещательного голоса, если господин давал на то добро. Эвард, конечно, дал. Ведь они с Арнесом еще слишком юны, чтобы понимать многие нюансы во взаимоотношениях среди правителей.

Эвард пересказал свой разговор с герцогом. Первым, по старшинству, ответил Арнес.

Эвард, Гериха надо казнить! За то что тот натворил — только казнь!

А регентство Бербаса?

Это плохо. Но у тебя через полгода будет Пробуждение, и ты станешь полноправным правителем графства. Зато сейчас покажешь всем, что ты настоящий властелин!

А ты что скажешь, Лудвиг?

Милорд, очень все запутано. Чтобы ответить на ваш вопрос, нужно вначале понять мотивацию герцога. Почему он так держится за Гериха? Даже после того, что стало известно и про вашего отца и про похищение маркизы.

Может быть, герцог чем-то ему обязан?

Похищение его невесты даже не повлияло на его отношение к Гериху? Она же была целый день в руках разбойников. Ужасно представить, что могло бы произойти. А герцог, как будто, все забыл и простил. Странно. После твоего рассказа герцог мне теперь кажется умным и расчетливым человеком. Такие опасны.

Интересно. А когда я с отцом бывал на королевских приемах, то герцог, он еще не был герцогом, казался всем каким-то никаким.

Всем?

Отцу и мне. Отец так и сказал, что маркиз Гастон никакой.

Это странно... Как будто речь идет о двух разных людях. Он так изменился? Значит, регентом будет дядя герцога?

Да, по материнской линии.

А о нем что скажешь?

Ничего. Ни разу его не видел.

Тоже странно, хотя и не так сильно. Если делают регентом, то присутствуй хотя бы на твоём приеме. Своему дяде герцог мог бы дать полное регентство над тобой без всяких условий, что было бы понятно, но вместо этого герцог тебе предлагает сделать регентство ограниченным. Своего дядю не любит? Тогда зачем регентом назначает? Этот Бербас метит на твое графство? Тогда Гериха надо было казнить, убрав еще одного человека с пути.

Ты хочешь сказать, что если со мной что-то случится, то Бербас может стать графом Ралльским?

Не знаю.

У Гериха же сын Травис есть. Он наследник.

Это тоже смущает. Все запутано. Но такое ощущение, что плетется какая-то интрига. Герих будет завтра в Меленвиле?

Да, герцог так сказал.

Для чего его вызвали? Отправить его в изгнание, а тебе освободить путь на Ралльск? Вполне возможно. Кстати, милорд, а где графская казна?

Как где? Наверно, в замке.

Или Герих забрал ее всю с собой. Вместе с казначеем.

Ты думаешь?

Все может быть. И еще Герих мог собрать налоги впрок. Раньше времени. Тогда у тебя в ближайшие полгода не будет денег. Брать их в рост? Разоришься!

И что мне завтра ответить герцогу?

Лучше, конечно, отказаться. Тем самым нарушить чьи-то планы. Сейчас-то они думают, что вы, милорд, согласитесь. Но тогда до вашего Пробуждения вы окажетесь в роли узника в ралльском замке, пусть и почетного. Солдаты ведь тоже будут подчиняться только регенту. Это плохо. А если согласитесь на герцогское условие, то придется все время быть настороже, опасаясь какой-то пакости или ловушки. Но зато у вас появятся силы, которыми сами будете распоряжаться.

Но без денег, — вставил Арнес.

А вот здесь можно пободаться. Пойти на условие герцога, но заставить Гериха вернуть казну. Это справедливое требование. Конечно, все не вернет, но и той части, что получите, думаю, окажется достаточно на первые месяцы. И в Ралльск ехать не одному. А с тем же Бербасом. Хотя тоже опасно, но из двух опасностей лучше выбрать меньшую.

Казна, говоришь... — задумался Эвард.

На следующий день Эвард вновь встретился с герцогом. На этот раз присутствовал третий персонаж. Им оказался виконт Бербас, будущий регент Эварда. Вот только в каком качестве? Полное регентство или только надзорное? Ответ, а значит, решение должен дать Эвард.

Бербас, мужчина, можно сказать, в самом расцвете лет, внешне выглядел чуть старше своего венценосного племянника, вероятно, он был младшим братом матушки герцога. Довольно холеный, но поджарый и странно учтивый. Когда виконт улыбался, его глаза оставались все такими же холодными и внимательными. Эварду он сразу не понравился. Хотя, может быть, это было просто предубеждение против человека, которого тебе навязывают в регенты?

Итак, Эвард, что ты скажешь в отношении твоих планов на ближайшее будущее? Граф Герих, кстати, уже в замке.

Милорд, вы меня вчера убедили. Почти убедили. Я не хочу быть таким уж кровожадным.

Герцог с улыбкой слушал Эварда.

В конце концов, впереди меня ждет графство.

Вот и правильно, юноша.

Но графство должно быть с казной. Найду ли я ее, когда прибуду в Ралльск? А без казны это не правление. Тогда уж лучше согласиться на полное регентство и ждать Пробуждения.

Улыбка сползла с лица герцога, и он растерянно оглянулся на своего дядю. Бербас прищурил глаза и, не обращая внимания на вопросительный взгляд герцога, задумался. Но вскоре расслабился и приторно улыбнулся.

А ведь молодой человек прав, не правда ли, Гастон? Если Герих вывез казну, то ее следует вернуть законному владельцу замка.

Да, да. Я тоже так думаю. Значит...

Я поговорю с Герихом, чтобы он прислал человека и вернул казну.

Вот видишь, Эвард, все решилось. Значит, ты отправляешь Гериха в изгнание?

В таком случае именно так, ваше сиятельство.

Тогда после получения денег, ты можешь выехать в свои владения. Указ я уже подписал.

Благодарю, милорд. Со мной поедет его светлость виконт Бербас?

Виконт, не давая герцогу ответить, быстро сказал:

Да, конечно, вместе с вами, граф.

Спустя полчаса в гостинице Эвард снова заперся с Арнесом и Лудвигом, делясь новостями и своими впечатлениями.

И когда я сказал про деньги, герцог просто растерялся. Он был не готов к моим словам. И посмотрел на своего дядю, растерянно посмотрел. Не знал, что сказать. А вот Бербас, тот чуть подумал и ответил. Не просто ответил, а высказал решение. Вчерашний ум герцога — это просто видимость. За решением герцога стоит его дядя. А сам герцог, как и раньше, никакой. Теперь я в этом уверен.

Милорд, если Бербас крутит герцогом, то чего же он добивается с вашим регентством? Точнее, с его регентством над вами.

Я не знаю, Лудвиг. И это мне очень не нравится. Надзорное регентство должно осуществляться на месте?

По идее, да.

Бербас сам идет на то, чтобы на полгода, год уехать из Меленвиля в Ралльск. Ради полного регентства, то есть полной своей власти, это еще можно было бы понять. Но тут он сам отдает эту власть мне.

Этот Герих что-то пообещал Бербасу, вот тот и старается, — подал голос Арнес.

Возможно. Но тогда, если Бербас так высоко ценит Гериха, почему он, а в его лице герцог, согласился на вашу кандидатуру? Зачем лишать Гериха графства? Они могли сказать, что Твелли оклеветал графа Гериха. И все осталось бы по-прежнему. Поэтому сейчас мне ничего не понятно, но ясно только одно — Бербас и герцог что-то задумали, и боюсь, это может выйти нам боком.

Обсуждение посещения замка прервалось стуком в дверь. На пороге появился солдат с ралльским гербом на куртке и довольно увесистым мешком.

Милорд Эвард, милорд Герих просил вам передать двести сорок золотых. После того, как вы пересчитаете монеты, я покину вас.

Это всё?

Простите, милорд?

Ладно, значит, не знаешь.

И Эвард вместе с Арнесом высыпали содержимое мешка на стол и начали собирать столбики по десять монеток каждый. Лудвиг, не отвлекаясь на подсчет денег, цепко смотрел на солдата, демонстративно держа руку на рукояти меча, готовый в любой момент его выхватить.

Все точно, можешь идти. Хотя, постой. Ты знаешь, что его сиятельство герцог Меленвильский лишил Гериха замка? Нет? Графство вернулось по праву наследования мне. А сам Герих теперь изгой. Теперь можешь идти.

Здорово ты его просветил! — Арнес был в восторге. — "Графство вернулось по праву наследования мне", — повторил он слова Эварда. — Здорово!

Ладно, чего уж там. Это же ралльский солдат, но служит Гериху. Пусть знает и другим

передает. Лучше посмотри на это. Двести сорок золотых! Это хорошо. Но сколько золота Герих оставил себе? И обратите внимание, как быстро золото сюда доставили, я ведь только полчаса назад вернулся из замка. Этот Бербас очень непрост...

После ухода Эварда из замка, виконт Бербас, не задерживаясь, тут же прошел в покои, которые предоставили Гериху. Этим днем, когда Герих въезжал в Меленвиль, тот еще был ралльским графом, но час назад герцог лишил его титула. Теперь Герих изгой и завтра он будет вынужден покинуть замок. Придется останавливаться на постой в местной гостинице. Или купить или снять дом. Были бы деньги. Денег же, что бывший граф вывез из Ралльска было предостаточно, чтобы не заморачиваться мыслями об оплате. А через какое-то время у него появится хороший шанс вернуть себе графство. По крайней мере, так ему намекнул дядя герцога виконт Бербас. Хитрый человек, очень хитрый. И имеющий полное влияние на герцога. А герцог слаб, бесхарактерен, им можно вертеть по своему усмотрению. Вот Бербас и вертит. Но сам остается в тени. А это признак опасного человека. Что у него по-настоящему на уме никто не знает.

Поэтому, когда Бербас вошел в комнату, которую занимал Герих, бывший ралльский граф со всей внимательностью отнесся к словам виконта. Нужно вернуть Эварду казну? Можно не всю? Хорошо, он вернет. Но что ожидать от будущего?

Наберитесь терпения, милорд. И все вернется. Даже эти деньги, что вы сейчас передадите Эварду.

Деньги быстро тают, особенно в молодых и неопытных руках.

Много ли потратится? Тем более теперь есть регент, который может отменить некоторые слишком большие траты юного графа. Да и не так долго эти траты будут.

А потом, виконт?

Потом? Потом трат не будет. Видите ли, милорд Герих, мертвые как-то перестают транжирить деньгами.

А как с обвинениями в мой адрес? Кто будет наследовать Эварду?

Можно ли верить словам какого-то наемника? Других-то свидетелей нет. Я не думаю, что мой венценосный племянник поверил во весь этот навет.

Тогда почему я здесь, а в Ралльск едет Эвард?

Отнюдь не потому, что вас, виконт, обвиняют в гибели графа Дженриса. Завтра какой-нибудь чумазый скажет, что прежнего меленвильского герцога отравили и что, этому верить?

Тогда почему?

Все просто. Нет серьезных доказательств, что ваш брат, граф Дженрис был самозванцем, а значит, и его сын, милорд Эвард по-прежнему сын благородного человека. И наследник графской короны. А вы его наследник.

И сколько, милорд, придется ждать?

Немного, совсем немного. Через полтора месяца состоится бракосочетание моего племянника, сюда съедется вся ралльская знать. Будет и граф Эвард. А дальше все в ваших руках. Именно, в руках.

Но это не так просто.

Вам помогут. Всё окажется просто...

На следующее утро Эвард вместе с регентом виконтом Бербасом выехал в Ралльск. Ехали хоть и резво, но до наступления темноты до города добраться не смогли. В эту ночь спать пришлось мало из-за опасения, что регент сотворит какую-нибудь пакость, а то и

просто прикажет своим солдатам всех убить. Но ночь прошла спокойно, и уже к полудню следующего дня Эвард въезжал в возвращенный ему замок. Месяц назад, обесчещенный, он покидал его изгоем и вот теперь он победно возвратился.

Высыпавшие слуги стояли на коленях во дворе замка, низко опустив головы. Негодяи! Месяц назад на конюшне они посмели над ним насмеяться! Эварда перекосила злобная гримаса, он сжал кулаки и мстительно оглядывал смиренных чумазых. По сто плетей каждому. Не сразу, конечно, иначе он лишится в одночасье всех слуг. Те просто столько не выдержат. Ничего, он растянет сроки наказания. А вот конюха, который посмел поднять на него руку, он четвертует. Жаль, что с Герихом сбежали главные участники его несчастья и в первую очередь дядин ближник Дрейк. Тот просто четвертованием не отделался бы. Эвард придумал бы что-нибудь более мучительное.

Первые два дня Эвард принимал дела у оставшихся распорядителей замка, либо просто ходил по замку, осматривая доставшееся наследство. Нет, он и раньше знал почти все местные закоулки, но теперь он полноправный владелец всего. И замка и города и графства. Всего!

А затем потянулись дни восстановления его поруганной чести. Бербас присутствовал рядом, но в отдаваемые приказы не вмешивался, время от времени любезно улыбаясь. Насколько виконт мог быть опасен, Эвард теперь даже не задумывался — слишком растянулась череда разбора дел и отдаваемых приказов о наказании.

Орнни... Владельца зрелища кулачных боев вместе со всеми подручными арестовали в первый же день приезда Эварда в Ралльск. А позавчера Орнни четвертовали на колу, та же участь постигла и Ларку. Остальных просто повесили.

К сожалению, дядя забрал с собой из замка больше половины солдат и почти всех ближников. Что он там им наобещал, Эвард не знал. Тех, кто остался для защиты замка в случае нападения врага, вполне хватило бы, но вот на город людей для его защиты не было. Поэтому пришлось срочно тряхнуть мощной (регент страшно поморщился, но промолчал) и нанять несколько десятков наемников. Точнее, выделить деньги для найма и послать гонцов по соседним городам с известием о том, что Ралльску требуются наемные солдаты. Зато местные бароны не подкачали. Почти все прибыли с изъявлением верности новому графу, а вместе с ними приехала и их охрана. То есть вооруженных людей в замке теперь стало даже с избытком.

Прибыл из своего замка и барон Вендориус, отец баронета Арнеса. А Арнес, друг юного графа, теперь совсем не отходил от Эварда, расставаясь с ним разве что уходя на ночлег. Старший Вендориус горделиво посматривал на других баронов, впрочем, те из них, у кого были дети или даже внуки ровесники новому графу, незамедлительно послали людей в свои замки, чтобы привести своих чад, юных баронетов и прелестных баронесс.

Многие аристократы решили заручиться поддержкой регента графства, который к тому же приходился дядей самого герцога, но Бербас вел себя безукоризненно по отношению к Эварду, ограничиваясь любезными улыбками и несколькими ничего не значимыми словами. Этим он еще больше ослабил внимание Эварда.

Лудвиг, единственный ближник, если не считать пожилого Релвиса, возглавил службу охраны графа. Релвису же достались лишь второстепенные обязанности. Нельзя сказать, что Эвард после всего, что с ним случилось, не доверял Релвису, ведь тот месяц назад даже поделился с изгоем серебрянками, но неприятное чувство у Эварда все же осталось. Он понимал, что Релвис обязан был выполнить приказ Гериха, который тогда стал ралльским

графом, но, с другой стороны, ближник вместе со своим внуком уехали, оставив Эварда одного на том постоялом дворе. А спустя пару часов Эвард просто чудом спасся от меча Твелли.

Через неделю после возвращения в замок Эвард вспомнил о Тимке. С ним тоже надо разбираться. Оскорбил честь Эварда? Безусловно. За такое и наказание должно быть серьезным. Но ведь и спасал его, так? Да, несколько раз Тимка спас жизнь Эварду. Но и Эвард тогда в суде, рискуя жизнью, спас Тимку из рук Твелли и Орнни.

И вот теперь чумазый парнишка стоит в зале приемов перед восседающим на троне графом Эвардом, роскошная одежда которого сейчас совсем не напоминает нищенские обноски, носимые им совсем недавно. А вот Тимка все такой же, с чумазым лицом и в той же рваной одежде. Впрочем, если внимательно приглядеться, то можно было заметить, что одежду Тим выстирал, да и сам хорошенько отмылся. Кроме лица, конечно. Тим просто не знал, следует ли всем знать, что он очень похож на графа. Вот и помывшись, тут же испачкал лицо. Но никто ничего в его облике не заметил — кому интересны чумазые?

Вызова к Эварду Тим ждал почти с самого момента прибытия в замок. Что он желал получить от этой встречи? А он и сам не знал. Да и что мог ему предложить Эвард? Он же чумазый, им он был от рождения, им и умрет. Не представляя возможных результатов этой встречи, да и не думая о них, Тим просто почему-то хотел встретиться с Эвардом.

Вот и встретился. Вошел, увидел и улыбнулся.

Милорд, он не исправим, — раздался знакомый голос и Тим чуть повернул голову — неподалеку по правую руку от Эварда стояла группа важных господ, а самым ближним к графу был баронет Арнес.

Тимка, а ведь он прав.

Тим понял, что имел в виду Арнес и низко поклонился Эварду и сидящему по левую руку от юного графа холеному мужчине, а затем поклонился и важным господам, судя по всему, баронам Ралльска.

Милорды. Сей чумазый оказал мне ряд важных услуг. За это он будет награжден согласно его заслуг. Но это не сейчас, не сегодня, а потом. Сейчас же я должен выполнить свое обещание. В Меленвиле мне пришлось безоружному с простой палкой в руке драться с четырьмя наемниками, подкупленными моим дядей. Трех я поразил, а вот четвертый, негодяй Твелли, нанес мне сильный удар в грудь, в район плеча. Только благодаря темноте мне удалось уйти от преследования. Я набрел на какую-то развалину, где и свалился в ознобе от дара лечения. Там не было ничего, ни одеял, ни попоны, ни жарко горящего очага. Только вот этот чумазый.

Я, думаю, вы поняли, как мне, используя его, удалось выжить и вылечиться. За урон чести я должен серьезно его наказать. Но клеймить и отправлять на каторгу не буду, к тому же мне пришлось об этом поклясться. Зато я ему обещал плети. Скажи, Тимка, ты же хвастал, что сбежишь. Так почему ты здесь, почему остался?

Тим, довольно безмятежно слушая речь Эварда, немного забеспокоился. А ведь точно, ведь Эвард обещал его наказать плетями, а он совсем об этом забыл. Он, что, будет его бить? И теперь Тим даже растерялся.

Так почему ты остался?

Чумазый, отвечай, когда тебя спрашивает граф! — вновь подал голос Арнес.

Я не знаю.

Надо добавлять: милорд или ваша светлость, — добавил Арнес.

Простите, милорд.

Вот то-то же!

Пятьдесят плетей и месяц тюрьмы, я думаю, будет достаточной мерой наказания за мою поруганную честь.

Тим вздрогнул и побледнел. Совсем не этого он ожидал. Он поднял голову и встретился глазами с взглядом Эварда. Тот смотрел задумчиво, о чем-то размышляя.

Ладно, пусть будет двадцать пять плетей и месяц тюрьмы. И ты их получишь с отсрочкой. Сейчас тебя бить не будут. Потом, как-нибудь.

Граф, — подал голос сидящий рядом с Эвардом холеный мужчина, — это будет неправильно. За такое чумазый должен быть наказан по всей строгости. Ваша честь оказалась слишком оскверненной. Все эти дни вы верно поступали, наказывая виновных, но сейчас вы слишком мягкотелы, отменяя плети. Я вынужден по праву регента вмешаться.

Виконт, разве вы не заметили, что я не отменил плети, а только отсрочил их? Сейчас он пойдет в тюрьму, а через месяц мы продолжим.

Действительно, граф, это я упустил. Значит, плети будут через месяц?

Нет. Отсрочка может быть разной по времени. И месяц, и год. Разве я не имею права дать отсрочку?

Имеете, граф. Поступайте, как думаете.

Тогда отведите его в тюрьму. Через месяц выпустить и направить сюда.

Когда стражник увел Тима, Бербас повернулся лицом к Эварду.

Граф, удовлетворите мое любопытство, впрочем, думаю, не только мое. Этот чумазый, как вы сказали, вам оказал важные услуги, когда вы находились в изгоях. Но ведь это же чумазый, тем более подданный Ралльска. Награда — да, такое не редкость, но вот излишняя мягкотелость мне странна.

Видите ли, виконт. Он чумазый, что они собой представляют известно. Достаточно походить на конюшню в последние несколько дней. Почти все там перебивали. Они подлы, но этот другой. Он чумазый, но... честен, смел и верен. Он подданный Ралльска, но ведь я тогда к Ралльску, как изгой, отношения не имел. И он был верным мне спутником. Хотя ничего от меня иметь не мог.

Любопытно, — задумался регент.

Ничего иметь не мог? Для него и мелочь уже много. А мог поиметь совсем не мелочь.

О чем ты, Арнес?

Готов спорить на что угодно, что чумазый спит и мечтает о кошельке с золотом.

С золотом? Я ему должен кошелек с золотом. Кошелек был моим, но я проспорил, и когда у меня ничего не осталось, мне пришлось взять у него золото взаймы.

Значит, надеялся на хороший рост. Сколько он заломил роста на золото?

Нисколько. Я обещал не отправлять его на каторгу.

Вот видишь! И еще этот чумазый думает, что получит награду. Спорим, что как только ты ему вернешь долг, да дашь еще денег, чумазый будет весьма доволен. И в замке думает остаться где-нибудь на теплом местечке.

Вот как? — Эвард задумался.

А Тим, когда его увели, заметно повеселел. Тюрьма, конечно, не сладость, но вся его короткая жизнь разве не тяжелей? Нужно было цепляться за всё, чтобы выжить и не умереть с голоду или просто, чтобы тебя не убили. А в тюрьме не надо работать, только лежи, да ешь. Еды, конечно, будет мало, но не меньше же, чем тогда, когда он жил у мусорщика.

И с обещанными плетями Тим тоже разобрался. Эвард просто молодец, он сумел сделать так, чтобы Тим понял, почему Эвард был просто обязан назначить ему наказание. Какой-то регент собрался даже отменить отсрочку, но Эвард перехитрил этого холеного. Здорово придумал: отсрочка. Вроде бы и наказал, а наказания нет и никогда не будет. Ни через месяц, ни через год. Ни через десять лет — этого Эвард не сказал, но понять можно. А еще Эвард говорил о награде за то, что Тим несколько раз спасал ему жизнь. После месяца тюрьмы его снова отведут к Эварду, вот тогда и будет награда.

А Эвард как красиво смотрелся! Настоящий граф, рядом с которым стояли бароны. Не сидели, а стояли! Вот здорово! А ближе всех Арнес. Друг Эварда. И Тим почему-то вздохнул.

Тюрьма располагалась в подземелье замка. За неделю, проведенную Эвардом в Ралльске, стражники, видя твердый и жесткий характер нового графа, буквально землю рыли в поисках городских бандитов, воров, насильников. Хотели хорошо зарекомендовать себя в графских глазах. Они и раньше ловили преступников, но скорее по инерции, чем действуя активно. Обычно полупустые камеры за эти дни заполнились полностью. В одну из них и попал Тим.

Цыпленок! Откуда ты и за что взяли? С кем работал? Или в одиночку? — маленький мужик с кривыми и гнилыми зубами быстро подошел к Тиму. — Ну-ка, что у тебя в карманах?

Мужик вместо кармана полез к Тиму за пазуху. А ведь он недавно помылся, а теперь грязная рука, запачканная известно чем, лезла к Тиму, проверяя, нет ли где там какой заначки. Тим оттолкнул мужика, а тот, вскипев, влепил Тиму звонкую пощечину. И в ответ полетел в угол камеры.

Тут же вскочили еще двое мужиков, оба крупные и сразу видно, что сильные. Тим попытался было сопротивляться, но от сильного удара в живот полетел в противоположный угол. Мужики подбежали к Тиму и парнишка сразу же получил болезненный удар ногой в бок, в глазах потемнело, и он потерял сознание.

Очнувшись, он слегка пошевелился, пытаясь определить полученные травмы. Бок болел, немного саднила рука, еще живот чуть-чуть побаливал, но больше — ничего. Обычно в таких делах избивают до полусмерти, а то и до смерти, редко, когда дело обходится без переломов, а здесь его больше не били. Почему? Испугались надсмотрщика? Все может быть, он же ничего не помнит после того, как получил удар ногой в бок.

Цыпленок-то очнулся.

А что ему делается?

Ты же не дал его добить.

И всем шкуру попортили бы?

А так не попортят?

Лучше один раз, чем два.

Но борзого надо наказать.

Ха-ха-ха, — засмеялся тот, кто, судя по всему, здесь был главным, а затем стянул с себя рубашку и, кинув ее на край нар, приказал Тиму:

Ну-ка, цыпа, ищи вшей.

Не буду.

Тогда порешим.

Так нас же на каторгу, — испуганно возразил один из подельников.

Испугался? Вижу. Сопляка зарежет Вонка. Ему так и так на каторгу идти. А мы как бы

ни при чем. Шум поднимем.

А зачем мне мальчика резать? — подал голос молодой мужчина, сидящий немного в стороне.

Тебе же все равно.

Разница все-таки есть. Да и не хочу.

Тогда тебя зарежем.

И сами на каторгу? — усмехнулся молодой.

Нет. Тебя зарежем, а сопляка головой об стенку, чтобы мозги полетели. А стражникам скажем, что сопляк взбесился, да и давай всех резать. Вот мы его и успокоили.

Думаешь, поверят?

А чего не поверить? Мы и себя порежем чуток. И стерженок вот этот ему в руку вложим. Ты давай меньше думай, бери стерженок и режь.

Ты, парень, не гонорись, делай что велют, а то эти и в самом деле тебя... Понял?

И Тим понял. Он взял рубашку главаря и занялся делом.

И у меня потом поищешь, — хохотнул маленький мужичок-заводи́ла, но тут же испуганно глянул на главаря. Убедившись, что тот никак не реагирует, мужичок бойко продолжил:

И побыстрее давай!

Так продолжалось пару недель, пока камера не стала пустеть. Вонку отправили на каторгу, а главаря с его подельниками, отхлестав плетью, отпустили на волю. Они почти попались на грабеже, но украденное найти не удалось и свидетелей не было тоже — эти люди оказались опытными в разбое, поставив вперед парней, которые исчезли вместе с награбленным. Вот и заслужили всего-навсего по порции плетей и месяц тюрьмы.

В итоге в камере осталось всего несколько человек, да и те в основном недоимщики, либо мелкие нарушители закона. Было, правда, еще двое молодых парней, пойманных на ловле рыбы, которые с уходом взрослых бандитов взялись верховодить среди оставшихся. Они, видя происходящее, решили тоже покомандовать мальчишкой, но после того, как Тим их обоих побил, больше наездов к нему не было. Хотя, на первых порах, парни погрозились, что ночью его зарежут, на что Тим, кривясь от полученного в драке фингала, презрительно бросил:

Как бы вас не порезали. Смотрите, выйдем на волю, не попадайтесь, когда стемнеет, мне с другом.

После этого к Тиму уже никто не смел приставать. Ни с кулаками, ни с обидными словами. Оставшиеся две недели тюремного срока, наконец, завершились, и когда стражник повел его наверх на графскую половину дома, Тим воспрянул духом. Все плохое, что с ним было за этот месяц, он забыл, выкинув из головы. Было — и было, главное — что сейчас будет! А что будет-то? Скоро он узнает.

Ждать, когда его поведут в графский зал приемов, Тиму пришлось долго, несколько часов. Все это время он провел в маленькой камерке, предназначенной для содержания преступников, которыми заинтересовался граф. Но рано или поздно ожиданию приходит конец, вот и Тим дождался.

Когда его ввели в зал, то большого числа людей, как это было месяц назад, он не увидел. Всего трое. Эвард, холеный мужчина, да баронет Арнес — вот и все, кто находился в зале. Произошли и некоторые изменения с присутствующими людьми. Холеный мужчина по-прежнему сидел в кресле по левую руку от Эварда, а вот Арнес... С ним произошли

заметные перемены. Роскошная одежда не в счет. Главное, на что обратил внимание Тим, было место, где стоял Арнес. Не в паре метров справа от кресла Эварда, как раньше, а рядом с ним. И не просто стоял рядом, а стоял, небрежно облокотившись об изголовье кресла. И смотрел на Тима уверенно, высокомерно и... презрительно.

Тимка. Итак, теперь надо закончить с тобой. Я брал у тебя займы десять золотых монет и сколько-то там серебрянок. Я их тебе возвращаю.

В руке Эварда появился кошелек.

Но это простой долг. Помимо денежного долга, я хочу с тобой расплатиться за те услуги, что ты мне оказал. Не скрою, они существенны, хотя ты вел себя со мной неподобающим образом. Но про это я так и быть вспоминать не буду. Мой друг предложил оплатить твои услуги двумя золотыми монетами. Но я решил иначе. Вот здесь, в этом кошельке двадцать золотых. Это мой долг и оплата за твои услуги. Ты доволен?

Тим стоял, ничего не понимая, растерянный и оторопелый. Эвард протянул кошелек Арнесу, баронет брезгливо подошел к Тиму и демонстративно зажав нос пальцами, протянул кошелек.

Ну, долго ждать?

Тим протянул руку и Арнес перебросил ему деньги, сразу же отступив обратно. От Эварда действия баронета не укрылись и он немного нахмурился. О причине маленького неудовольствия графа можно было только догадываться. Что не понравилось Эварду? Действия Арнеса или причина была в Тиме? Но тот же месяц провел в тюрьме, где никто не мылся.

А теперь, Тимка, о твоей дальнейшей судьбе. Я помню, что обещал научить тебя драться на палках. Я не забыл. Поэтому будешь работать слугой у моего оружейника. Я скажу ему, чтобы выкраивал тебе время на обучение. Час или даже два. Только не ленись. За тобой двадцать пять плетей, ты не забыл? Если провинишься, то будешь выдран. Саму провинность в первый раз простят, но выдран будешь, получив те самые двадцать пять ударов, которые тебе отсрочили. Милорд, я надеюсь, доходчиво выразился? — Эвард повернул голову налево. — Как только Тимка провинится и заслужит за проступок или леность плетей, я вправе наказание отменить, но взамен, он получит отсроченные плети.

Я понял, граф. Я не возражаю.

Тогда всё. Сейчас иди в город. Купи одежду и сам хорошенько помойся, а к вечеру возвращайся, найдешь оружейника, а дальше сам знаешь. Можешь идти.

Тим на ватных ногах пошел к выходу. Когда подходил к двери, он услышал возмущенный голос Арнеса.

Он неисправим! Эвард, я займусь его воспитанием. Уже в ближайшие дни отсрочки наказания не будет.

Тим вышел в коридор, прошел несколько шагов и остановился. Посмотрел на кошелек в руках, несколько секунд постоял и подошел к ближайшему окну. Положил кошелек на подоконник и бросился к выходу. Тим плакал. В первый раз в жизни плакал, не считая первых лет жизни, когда все малыши плачут.

Выскочив из ворот замка, он направился к восточным воротам — ближайшему выходу из города. Слезы уже почти прошли. А через час Тим, свернув на окружную дорогу, уже шел на север, навсегда покинув Ралльск.

Больше книг на сайте — Knigoed.net